РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ–АВГУСТ

"НАУКА"

МОСКВА – 2002

СОДЕРЖАНИЕ

О Н Трубачев Опыт ЭССЯ к 30 летию с начала публикации (1974–2003) 3
Т М Николаева (Москва) Скрытая память языка попытка постановки проблемы 25
Т И Вендина (Москва) Словообразование как источник реконструкции языкового сознания 42
Т А Исаченко (Москва) Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания (Славинецкого) последней трети XVII в (Особенности перевода и языка) 73
М Н Боголюбов (Санкт Петербург) Авестийское название падающих звезд 93
Э Ф Володарская (Москва) Заимствование как отражение русско английских контактов 96

Из истории науки

В В Потапов (Москва) Рубен Иванович Аванесов (к 100 летию со дня рождения) 119

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

В Г Гак (Москва) Языки мира Романские языки 132
Д О Добровольский (Москва) *K Meng* Russlanddeutsche Sprachbiografien 137
И А Калужская (Москва) *O Mladenova* Grapes and wine in the Balkans An ethno linguistic study 141
Е М Верещагин (Москва) *Г Н Скляревская* Словарь православной церковной культуры 145
Ю В Щека (Москва) *Ch Schroeder* The Turkish Nominal Phrase in Spoken Discourse 151
Михаил Викторович Панов (1920–2001) 155
Борис Самуилович Шварцкопф (1923–2001) 157

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю Д Апресян А В Бондарко В А Виноградов В Г Гак В З Демьянков В М Живов А Ф Журавлев Е А Земская Ю Н Караулов А Е Кибрик (зам главного редактора) *М М Маковский* (отв секретарь), *А М Молдован Т М Николаева* (зам главного редактора) *Ю В Откупщиков О Н Трубачев* (главный редактор) *А М Щербак*

Зав отделами *М М Маковский Г В Строкова М М Коробова*
Зав редакцией *Н В Ганнус*

Адрес редакции 121019, Москва, Г 19, ул Волхонка 18/2
Институт русского языка имени В В Виноградова
редакция журнала Вопросы языкознания
Тел 201 25 16

© Российская академия наук 2002 г

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2002

Для XIII МСС
(Любляна, 2003 г)

© 2002 г. О.Н. ТРУБАЧЕВ

ОПЫТ ЭССЯ:

к 30-летию с начала публикации (1974–2003)*

' делать этимологические словари интересно и легко, надо только каждый день писать несколько строк и так – сорок лет ' – из слов В И Абаева на его 90-летии (1990 г), – Studia Iranica et Albanica Festschrift for Prof Vasilij Ivanovič Abaev on the occasion of his 95th birthday Rome, 1998, p 501–502

Памяти двух великих делателей на ниве этимологии, оставивших этот мир в самом начале нового века (2001 г), – Василия Ивановича Абаева и Францишека Славского, я посвящаю свои строки 'Опыт" Этимологического словаря славянских языков (далее – ЭССЯ) – это, в идеале, весь объем **старо**написанного, но и наивозможный **новый** взгляд на вещи на всем немалом пространстве тридцати его томов от *А* до исхода *О* Необходимость обращаться на данной стадии, как и на любой другой, равным образом далеко зашедшей, к **обобщениям**, понятна Понятна, думаю, и потребность при случае острее присмотреться и к самой общей методологии наук, взять хотя бы ее кодифицированное уложение в новом "Уставе Российской Академии наук" (М , 2001) Как мне кажется, 'Устав" по-прежнему ориентирует усилия ученых на проведение фундаментальных исследований **областей** наук, в то время как поисковая работа разгорается, едва ли не с бóльшим рвением, в **интердисциплинарных** зонах этих областей, на их, так сказать, **стыках**, и причем – давно Вот уже в продолжение

* Истинный ученый работает пока жив и жив пока работает Именно таким был Олег Николаевич Трубачев, написавший настоящую статью не только как итог 30-летнего издания ЭССЯ и более 40-летней его подготовки, но волею судьбы и как завещание на будущее

Замысел написать статью для журнала возник в 20-х числах декабря 2001 г Оговорен был и довольно жесткий срок ее подачи в журнал – середина февраля 2002 г 29 декабря 2001 г Олег Николаевич оказался в больнице, откуда, к сожалению, больше не вернулся, но слово свое сдержал и прислал статью в срок

Уже из реанимационной палаты Олег Николаевич сказал жене – Галине Александровне Богатовой по мобильному телефону "Как еще выдался просвет, в который я смог закончить статью для журнала до погружения в этот кошмар! '

Поступившая в редакцию рукопись содержит 49 страниц, написанных, как всегда, четким, ясным почерком, почти без исправлений Статья предназначалась и для XIII МСС Ко времени написания статьи в свет вышли 28 выпусков ЭССЯ В настоящее время по 29-му и 30-му выпускам закончена авторская работа коллектива под руководством академика Олега Николаевича Трубачева – *Примеч редактора*

В дальнейшем и авторство частей Словаря стало коллективным, что имело свои плюсы, гарантируя Словарь от случайностей жизни. В остальном, если смотреть на вещи трезво, это неизбежно влекло за собой и множественность подходов, которую, уважая авторство отдельных частей Словаря, главный редактор не считал возможным нивелировать, оставляя, впрочем, за собой всякий раз и право выбора в смысле предпочтения того или иного этимологического решения и шире — метода изложения, подачи и аранжировки материала, критики литературы вопроса. Иногда, правда, дело принимало характер вторжения главного редактора в авторский этимологический анализ, почему-либо неудовлетворительный, или, скажем так, остановившийся на слишком раннем, недосказанном уровне, тогда как и из внимательного чтения литературы уже брезжило более глубокое решение вопроса...

Из рукописи статьи О.Н. Трубачева

полувека издается известный труд акад. В.В. Виноградова "Русский язык", где аналогичная концепция получила внешнее и внутреннее воплощение, ср. хотя бы этот говорящий (под)заголовок "**Грамматическое учение о слове**". Как никто умел работать "на стыке" В.И. Абаев (на стыке огромных и разных культурно-языковых регионов, "на стыке Востока и Запада", наконец).

Обозначив также для себя эти и другие задачи, впору и отшатнуться, имея в виду обширность и труднообозримость "опыта ЭССЯ", его установку на "живое" праславянское слово, на воистину необозримую реализацию **всех** словообразовательных моделей. Это влечет за собой какую-то ломку сознания ("стык лексикографии и психологии"), привычные параметры нарушаются ("нормальные" этимологические словари выглядят привычно иначе, а здесь после огромных обзорных пассажей идет вовсе и не этимологический анализ, а, например, скупая констатация сложения префикса *na-* с корнем). Алфавитный порядок в таких случаях особенно раздражает, а у нас, как известно, принято ругать то, без чего не обойтись. При этом забывается, что как раз полная алфавитная презентация всех "*na-* + N-корень", всех случаев сложений с *ne-* практически тождественна монографической и уж не менее выгодна. (О.Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // Вестник РГНФ. 1997. № 2 : 116). Элементарный дефицит человеческого терпения множит естественные отрицательные эмоции и нашептывает соблазны разных "скорых" проектов: оставить "пока" (?) в стороне бескрайнее море монотонного, словообразовательного, "прозрачного" материала, сосредоточиться на корневых, темных, "этимологически интересных" словах... Короче, психологически налицо весь антиколумбовский комплекс (Не доедем... Земли не видать... Не лучше ли остановиться и возвратиться!), и нет лучшего способа загубить все дело. Удивительно, но у высококультурных во всем, включая этимологическую лексикографию, чешских коллег, этот феномен срабатывал. Результат тоже известен.

Настоящий лексикограф-этимолог не даст собой овладеть пораженчеству, не дрогнет перед жупелом "однообразия", памятуя, что перед ним то, что, может быть, наиболее характерно для славянской речевой и языковой стихии. А потом – всякое внешнее однообразие обманчиво. И терпение исследователя вознаграждается, я убеждался на собственном **опыте**. И это едва ли не лучшее подтверждение того, что **словарь – критерий науки о языке**. Внимательный взгляд не пропустит в "прозрачном" потенциально праславянском **naznati* (ЭССЯ 24) не только параллель к греч. *ἀνα-γιγνώσκω* 'узнавать', но и возможное продолжение еще и.-е. **ana-ĝnō-* Вскрытое в процессе работы над не менее "прозрачными" сложениями с отрицанием *ne-* (также ЭССЯ 24) праславянское **nebasъ* ('негодяй', русск. диал.), а главное – его полное соответствие в лат. *ne-fās* 'грех', обнаруживает сразу и этимологическую перспективу, и указанную латинско-славянскую изоглоссу и изопрагму из сферы древней этики, все в целом – немаловажное для этногенетических штудий. Одним словом, и находка, мимо которой поколения исследователей проходили не замечая, и награда. При более эклектичной методике (см. выше) ее просто не было бы.

Прикрытость **древнего** корня **продуктивным** префиксом, как и продуктивной суффиксацией, – тоже распространенный феномен, с которым следует считаться в нашей исследовательской практике.

Собственно говоря, попытка нынешнего рассмотрения "Опыта ЭССЯ" у нас не первая, еще во второй половине 80-х годов я уже задавался аналогичным вопросом (вопросами) в довольно полном объеме, разве что с тем отличием, что в моем распоряжении было вполовину меньше материала [О.Н. Трубачев. D'une pluralité primitive à la pluralité postérieure. Le cas de vocabulaire slave (Краткое изложение опыта Этимологического словаря славянских языков, в дальнейшем – ЭССЯ)] // Metódy výskumu a opisu lexiky slovanských jazykov. Materiály zo symposia konaného v rámci 7. zasadnutia Lexikologicko-lexikografickei komisie pri Medzinárodnom komitéte slavistov (Nové Vozokany 24–26 apríla 1989. Bratislava, 1990, с. 103 и сл.). Тогдашний текст

назывался "От первоначальной множественности к последующей множественности" и был полемически направлен против упрощений славистической классики, конкретно – труда Н. Ван-Вейка "От единства к множественности" (1956). Начало славянского языкового развития нам виделось, в отличие от голландского слависта, также **не идентичным единству**. Уже давно мы оперировали понятием **праславянского лексического диалектизма**. Ясно, что наше понимание резко расходилось с шлейхеровским "древом" о едином исходном стволе с позднейшими разветвлениями. Продолжать спор побуждала неустаревающая роль концепции "родословного древа", которой сохраняют верность новейшие и фундаментальнейшие труды, исходящие из "**обще**индоевропейского" и его первоначального "единства" (чтобы убедиться, достаточно раскрыть фундаментальнейший из них – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов "Индоевропейский язык и индоевропейцы". I–II, Тбилиси, 1984).

Мы еще будем иметь возможность, далее, "пройтись" по обзорному перечню праславянских лексических диалектизмов, чтобы наглядно судить о явлении. Сейчас важно выделить другое. Хотя, думаю, мало кто раскрывал или раскрывает наш Словарь для получения ответа на эти вопросы, речь идет не больше, не меньше как об **общей теории языкового развития**, если угодно, не одной только славянской, но и шире – общеязыковой общечеловеческой (праславянский как частный пример праязыка вообще).

И хотя на глоттогонические дали мы в принципе не посягаем, **дограмматический** уровень в этимологической практике нашего Словаря – вполне достижимый и обсуждаемый уровень с результатами порой хрестоматийной убедительности и яркости. Например, **nozdri* (русск. *но́здри* и т.д.) со своей, как кажется, ординарной плюральной формой на *-i* при реконструкции **no - srī* и ее несомненном тождестве с иноположенным и.-е. **srī- n(o)s* в греч. ῥῖς, ῥῑνός 'нос' показывает, что в славянском исходное **корневое** *-i* лишь вторично осмыслено как **грамматическое** множественное число. Огромный путь от архаического звукосимвола до якобы вторичной, но тоже еще праиндоевропейской знаменательной лексики оказывается в поле зрения соответствующего этимологического этюда, ср. весь ряд праслав. **novъ*, и.-е. **neu̯os* 'новый', праслав. **nynĕ*, далее сюда же побудительно-междометное **nu* (русск. *ну*!), целая глагольная группа 'качать, кивать, укачивать' – **nukati*, **nunati*/**nynati*, сюда же лат. *nuō* 'кивать', противительное **nъ*, наконец, праслав. **nyti* 'мучиться, томиться; громко плакать'. В двух словах, перед нами одинаково четко наблюдаемые конец и начало эволюции, но при этом и синхрония, и диахрония оказываются спаяны в такую до сих пор живую ахронию, что нельзя отделаться от удивления. В свое время, обсуждая опыт ЭССЯ, мы высказались о **дезактуализации древней грамматики**. Действительно, мы имеем дело с выявлением ряда грамматических категорий и формантов, уже неживых, и их полезно тоже обозреть в итогах "Опыта". Но имеет смысл посмотреть на дело шире, поскольку речь идет о нескончаемом двустороннем процессе – **грамматикализации лексического и лексикализации грамматического**.

Этимологический словарь типа ЭССЯ, осуществляя **реконструкцию**, приводит нас к **другому словарному составу**, что в общем понятно и вопросов не вызывает. Но он приводит также к **другой грамматике** и **другому словообразованию**, иными словами – к **другому языку**. О фонетическом уровне мы специально избегаем говорить, прежде всего – о набившем оскомину раннепраславянском и позднепраславянском, ограничиваясь индоевропейской исходной базой праславянского.

Постановка проблемы другого словарного состава, к которому восходит или от которого отклонился в ходе своей эволюции праславянский, – это, иначе говоря, вопрос **утраты лексем** разного времени, лексем еще индоевропейского вида или лексем уже чисто славянских, утраченных тоже порой очень рано, уже за пределами письменной истории, что заставляет мобилизовать всю побочную традицию, прежде

всего – ономастику, при поисках. Было забыто имя *perstəmen 'перерыв, прекращение', индоевропейского вида, оставив, впрочем, хорошо просматриваемый след в словосочетании *bez perstmene. Лакуны словарного состава могут иметь региональный характер, ср. отсутствие западнославянских продолжений *hъdrъ (русск. бо́дрый и т.д.). В свою очередь, напр. *čьrtъ (русск. чёрт и др.) неизвестно в южнославянском. Определенную перестройку (табуистическую замену) может представлять праслав. *dǫbъ, название дуба, вместо возможного древнего *perkъ, с прямыми индоевропейскими связями. Широко известное на востоке славянства, *kolkolъ отсутствует почти во всем западнославянском, кроме периферийного полабского. У восточных славян нет слав. *kortъ 'раз' в исконной форме, есть только заимствованное – крат. В западнославянском нет праслав. *korvajь, тогда как на Юге и Востоке его ритуальная роль велика, нет на западе славянства праслав. *kǫtja как обозначения жилища и *kъrma 'puppis, корма судна'.

В масштабах всего славянства был утрачен целый ряд глаголов, притом что производные от них имена четко сохранились. Последние, вроде *ęčьmy 'ячмень', свидетельствуют, что глагол был, в данном случае *ękt'i 'гнуть, загибать'. О существовании важного глагола *gati 'идти' можно заключать лишь косвенно. Похоже, что продолжение праслав. *kosnǫti(sę) было неизвестно (или утрачено) на западнославянских территориях. Еще индоевропейский архаизм, *kriti 'купити' дошел только в скудных русскоцерковнославянских остатках, другой, омонимичный *kriti 'резать', давший имя *krojь, не дошел до нас вообще.

По производному *azьno 'козлиная шкура' нетрудно заключить о существовании исчезнувшего *azь 'козел'. Языком и его лексиконом совершенно забыто такое яркое имя, как *obitokъ (ср. аналогичное русск. оби-ход), восстановимое только по гидронимии и топонимии.

Изолированное и этимологически весьма любопытное *namъ II (др.-русск., новг.) 'проценты, лихва' – единственный именной свидетель существования также некоего глагола праслав. *neti, родственного лтш. ņemt 'брать', гот. niman (ЭССЯ 22: 193). Только в приставочных сложениях (ср. *naněti, сербохорв., ЭССЯ 22: 198) установи́м и восстанови́м особый глагол – *něti 'нести', индоевропейского происхождения, сочетаемый супплетивно с известным *nesti.

Поскольку пафосом нашего ви́дения (праславянского словарного состава) было и остается внимание к древнему лексическому диалектизму, трудно удержаться от соблазна дать его список в относительно полном виде, поскольку к "опыту" ЭССЯ это имеет самое прямое отношение. Итак, картину изначальной сложности диалектных отношений славянского усугубляли эти элементы древней лексики, мозаически рассеянные по славянскому этноязыковому пространству:

*abrědь (русск.-цслав.), *abrędъ (польск. диал.), а также некоторые производные в чешско-словацкой группе и в словенском, в конечном счете – от и.-е. диал. *b(h)rend-/*b(h)raid- 'росток, выросшее, рог'.

*adati (только ст.-чеш.) 'испытывать, исследовать' < и.-е. *ōd- 'обонять; пахнуть'.

*apa (русск.-цслав.), *apati (ст.-чеш.), *apьnъjь (чеш.) со значениями 'надежда', 'наблюдать' и т.п. < и.-е. *ap-/*op-.

*askъ (словен., слвц., н.-луж.) 'яма, углубление', сюда же *askyni (зап.-слав.) 'пещера'.

*bag(ъ)ъ] II (слвц., русск., укр.) 'обод, часть колеса, отпорный крюк', ступень чередования к *běgъ, *běgt'i.

*balagovati (болг. диал., слвц. диал.) 'тратить время впустую', ср. сложение *balaguriti (только русск.).

*ba(d)lьji (ст.-слав., др.-словен.) 'врач, исцелитель' < и.-е. *bhādhl- 'речь'.

*bedьrnъ II (ст.-слав. гапакс) 'богатый, обильный', ср. др.-инд. bhadra- 'благосостояние, богатство'.

**blesnъ* (сербохорв., ст.-польск., кашубско-словин.) 'сумасшедший, глупый'.

**blimati* (только укр.) 'мерцать, мигать'.

**blutiti* (сербохорв. диал., русск.-цслав.) 'бормотать', 'совершать жертвоприношение?' < герм.?

**bl'urati* (н.-луж.) 'брызгать, гадить', с полным литовским соответствием.

**bodarъ* (сербохорв. диал.) 'рогатое животное', (кашубско-словин.) 'рыболовные вилы'.

**body/*bodъve* (сербохорв. диал.) 'рыболовный трезубец', с и.-е. -ŭ- основой.

**borgъ* (зап.-слав. и укр.) 'стог, укрытие для сена' с и.-е. диал. соответствиями.

**bǫkarъ* (полаб.) 'выпь', (русск. диал.) 'насекомое'.

**bruliti* (болг., макед.) 'сбивать, срывать плоды', с балт. соответствием.

**buga* (болг., макед., русск. диал.) 'сырое, топкое место', с лтш. соответствием.

**bъdno* (н.-луж.) 'пузо', (слвц. диал.) 'дно' < и.-е. **bhudhno.*

**bъrna* (болг., макед., словен. диал.) 'губа', с балт. соответствием.

**cěsta* (сербохорв. диал., словен., чеш., слвц., польск. диал.) 'дорога', в вост.-слав. неизвестно.

**čeviti* (блр.) 'бдеть'.

**čila* (ст.-чеш.) 'минута'.

**čьběja* (в.-луж.) 'бочка' от несохранившегося глагола **čьběti,* с балт. соответствиями.

**čьlpti* (укр., блр. диал.) 'бить, толочь', 'говорить, вздор', с балт. соответствиями.

**čьmanъ* (сербохорв. диал., слвц.) 'мелочь, мелкая трава', родственно балт. названиям мха.

**daglъ* (сербохорв.) 'жир из костей, дёготь'.

**dasnь/*dasnъ* (болг. диал., сербохорв.) 'щедрый' с лит. соответствием.

**deběti* (болг., русск. диал.) 'подстерегать, долго сидеть'.

**drynъ* (русск. диал., укр. диал.) 'палка, дубина', с др.-инд., ир. соответствиями.

**d(ъ)vęka, *d(ъ)vęčiti* (болг., словен., русск. диал.) 'жвачка, жевать', производное от числительного 'два'.

**d(ъ)vigo* (только кашубско-словин.) 'ярмо для двух волов', с полным лат. соответствием.

**d(ъ)vina* (др.-русск.) 'родной брат', (русск. диал.) 'две полосы рядом', с и.-е. соответствиями.

**dylъ/ь* (русск. диал.) 'пыль', с балт. соответствиями.

**ědmę,* мн. **ědmena* (только др.-русск., русск. диал.) 'зерно на еду и корм', с балт. и др.-инд. соответствиями.

**ěpa* (укр. диал., блр. диал.) 'нарост, рубец', с лтш. соответствием.

**gluzъkъ* (чеш., русск. диал.) 'уголок глаза, шов'.

**gobь* (русск.-цслав.) 'богатство, изобилие', сюда же **gobino, *gobьzъ,* герм. происхождения.

**goněti* (ст.-слав., русск.-цслав.) 'быть достаточным', с лит. соответствием.

**gǫtьnъjь* (чеш., слвц.) 'густой', сюда же русск. диал. *гуть,* с утраченной глагольной основой, от которой произведено **gǫstъ.*

**granivъ* (только болг. стар.) 'оранжевый', ср. герм. **grōn-* 'зеленый'.

**grěnъjь* (русск. диал., укр., блр. диал.) 'зеленый', родственно предыдущему.

**grěvъ* (болг., укр. диал.) 'серый', с герм., фрак.(?) соответствиями.

**guja* (болг., сербохорв.) 'змея', (чеш. диал.) 'кишка'.

**gumati* (сербохорв., чеш. диал.) 'пожирать', (слвц.) 'толочь', возможно, герм. происхождения.

**gъslo* (чеш., слвц.) 'знак, сигнал'.

*xrětiti sę (сербохорв., словен.) 'надуваться', (слвц., диал.) 'стараться через силу', вероятно, отдаленно родственно гнезду *skridlo.

*xъrdati (сербохорв. диал., словен.) 'сильно бить', (русск. диал.) 'толсто прясть'.

*jutiti (sę) (только русск.) 'помещать(ся) в тесноте' < и.-е. *i̯eu̯- 'мять, месить'.

*jutjьnъ (чеш., ст.-слвц.) 'горло, пищевод' (ср. предыд.).

*jutьje (чеш. диал.) 'таяние, оттепель' < и.-е. *i̯eu̯- 'мять, размягчать'.

*jь nъ (чеш., польск. стар.) 'который' < и.-е. диал. *i̯os nu/*i̯os ne (фриг.) 'кто же'.

*jьzkrь (ст.-слвц., серб.-цслав., словен., русск.-цслав.) 'близко', сложение с *krь.

*jьznĕti (только сербохорв.) 'вынести' < и.-е. *nai̯-, супплетивного к *nek̑ 'нести'.

*jьztějati (только сербохорв.) 'изжарить на медленном огне', связано с чередованием гласных с *tajiti. Сюда же *zatějati (вост.-слав.).

*jьz(ъ)zьrkъjь (др.-русск.) 'голубоглазый', к *zьrěti.

*kamъditi (русск. диал.) 'копить' соотносительно с *komuditi.

*kasьnъjь (чеш.) 'просторный, свободный'. (др.-русск.) 'чистый, отборный', диал. производное от *kasati.

*klojaznь (чеш. диал.) 'лодырь', с балт. родством.

*klosati (болг.) 'жалить, колоть', (чеш. диал.) 'донимать', сюда же *klosьnъ (болг., сербохорв., русск.-цслав.) 'увечный'.

*kojariti (sę) (сербохорв. диал.) 'увеличиваться', (польск.) 'соединять', сложение с префиксом ko-.

*kojasnǫti (sę) ? (сербохорв.) 'появиться', (чеш. диал.) 'свалиться'.

*kosiba (слвц. диал.) 'кривуля, оповещение старосты', редкая суффиксация, ср. *sědiba.

*kozyrъ/ь (вост.-слав.) 'навес для защиты зрения', сложение префикса ko- и глагола *zyriti 'смотреть'.

*kǫkъrica (сербохорв.) 'кустарник', сложение префикса kǫ- и *kъrь 'куст', известного только в зап.-слав. и вост.-слав.

*kręgnǫti (чеш., слвц.) 'твердеть, коченеть', слабо сохранившийся глагол с -e- вокализмом, давший известное производное *krǫgъ.

*kričь II (русск.-цслав.) 'кузнец' < и.-е. *kᵘer- 'делать'.

*krь (только русск. диал.) 'подле, около'.

*krьkyga/*krьkriga (русск.-цслав.), первоначально 'скрипучая повозка' < *krьk(r)- 'крик, скрип'.

*kudibaba (сербохорв.) 'сплетница, клеветница', сюда же чеш. kudibal, kudrbal 'лентяй, дурак; домосед'.

*kujьmъ (др.-русск., русск. диал.) 'глухонемой, заика', сложение префикса ku- и корня *jьmǫ, *ęti.

*kulakъ (чеш. диал.) 'что-либо круглое', (вост.-слав.) 'сжатые пальцы руки', производное от *kuliti, и.-е. происхождения.

*kutъlь/*kutъrь/*kutyrъ (болг.) 'мизинец, бедняга', (др.-русск.) 'толстяк', (русск. диал.) 'желудок', (укр. диал.) 'конец сети'.

*kuzlo (чеш., слвц., в.-луж., блр. диал.) 'колдовство', (русск. диал.) 'кузнечная работа'.

*kъldunъ/*kъltunъ (вост.-слав.) 'завязанное, закрученное со злым умыслом; колдун' < *kъltati.

*kъrnorogъ (макед.-сербохорв.-укр. изоглосса) 'безрогий, со сломанным рогом'.

*kъrzina (польск.-кашубско-словин.-русск.-блр. изоглосса) 'плетеная корзина'.

*kyriti/*kyr'ati (польск., русск. диал., блр.) 'пьянствовать', из первоначального 'дымить', ср. *kurъ, *kuriti.

*lagyz(d)a (русск. диал.) 'лакомка', (блр. диал.) 'неповоротливый человек, неряха', сложение реликтового префикса la- (и.-е. *ol-, местоименное) и *gyzdъ.

*laxati (сербохорв. диал., чеш., русск. диал., блр. диал.) 'бегать', (польск.) 'быть в течке' < и.-е. *lek- 'летать'.

*latja (чеш.) 'легкость', (русск. диал.) 'удача', производное от *latiti II.

*lavъkъ (словен.) 'колосья, собираемые после сбора урожая' < и.е. *lōu̯-.

*lemę/-mene (болг. диал.) 'плуг, соха', ср. более распространенное *lemexъ, *lemešь.

*lemiti (в.-луж.) 'ломать' < и.е. *lem- 'ломать'.

*lětiti II (сербохорв. диал.) 'ухаживать', (укр. диал.) 'бегаться – о коровах', *lětь* III (укр. диал.) 'половое влечение – у коров' с кельт. соответствиями.

*lěva II (словен.) 'маленькая птичка, жаворонок' < герм. *laiwa- 'жаворонок'.

*lěviti II (сербохорв. диал., чеш., укр. диал.) 'облегчать(ся), слабеть' < и.-е. *lēu̯-.

*lězivo (польск., вост.-слав.) 'бортническое приспособление для влезания на дерево; острие, лезвие'.

*liga (болг., макед., сербохорв.) 'слюна'.

*ligati I (укр.) 'связывать', с этимологическим соответствием в лат. *ligō, ligāre* то же.

*liknavъjь (чеш.) 'медлительный, ленивый', с и.-е. связями.

*lila II, *lilъ (болг. диал., сербохорв., словен.) 'тонкий слой коры; змеиная кожа', с соответствиями в лит. *leĩlas* 'тонкий, стройный'.

*listarь (сербохорв., русск. диал.) 'листва, листья', видимо, старая словообразовательная изоглосса.

*lisъ II (словен.) 'ленивый' < и.-е. *leid-s-.

*l'udati (в.-луж.) 'лицемерить, лгать', с балт. и герм. соответствиями.

*luta (словен.) 'колосья, оставшиеся в поле после жатвы, фрукты, оставшиеся после сбора урожая', с и.-е. связями.

*lъgъtъ (кашубск.-словин.) 'разливательная ложка, ковшик, лопаточка'.

*macěsnъ (?) (сербохорв. диал., словен.) 'лиственница'.

*mazgarь (русск. диал.) 'паук', с и.-е. соответствиями.

*meldьnъ (сербохорв., словен.), родственно праслав. *moldъ.

*menina ? (словен.) 'серьга, ушной подвесок', ср. *monisto.

*merati (сербохорв. диал., русск. диал.) 'разминать; колотить белье вальком', с и.-е. родством.

*mězgyrь (др.-русск.) 'паук', ср. *mazgarь.

*mijati (ст.-чеш., чеш., слвц. диал., польск., кашубск.-словин.) 'проходить, миновать', ср. лат. *meo, -are* 'идти, ходить'.

*mila (блр. диал.) 'растение ситник'. Ср. *milь.

*milь (в.-луж., н.-луж.), название растения, и.е. происхождения.

*mivati (*sę*) (слвц.) 'думать, казаться', с лит. соответствием.

*mlakъ (болг. диал., сербохорв.) 'вялый, слабый', и.-е. происхождения.

*mlitъ (макед., сербохорв.) 'дряблый, вялый'.

*modrodervъ (чеш. диал., польск.) 'лиственница', сложение *modrъ и *dervo.

*modrъ (ю.-слав., зап.-слав.) 'синий', дальнейшие связи неясны.

*molmolъ (болг., словен.) 'пропасть, бездна', редупликация к *melti.

*mosk(ъ)va (слвц.) 'мокрый хлеб в зерне'.

*motr- (русск. диал.) 'вязаный', гнездо *mot-.

*mozyrь (словен., ст.-укр., блр.) 'болото'.

*moždževelь (?) (др.-русск., русск.).

*mądovъšьka (польск.) 'pediculus pubis', сложение *mądo и *vъšь.

*mątovьrěti (русск. диал.) 'мешать, смущать', сложение *mątъ и *vьrěti.

*muxovorъ (русск. диал.) 'паук', сложение *muxa и *vorъ, ср. с последним лит. *vóras* 'паук'.

*musla/*muslь (русск. диал.) 'скулы, челюсть' < *mud-sl-.

*mušiti (болг., макед.) 'колоть, толкать, совать', ср. лит. *mùšti* 'бить, колотить'.

*mutoriti (русск. диал.) 'сбивать с толку', сложение экспрессивной приставки *mu-* и глагола *toriti.

*myriti (русск. диал.) 'покрываться рябью'.

*mystlь (др.-русск., русск. диал.) 'белка-летяга, белка', ср. лат. *mūstēla* 'ласка'.

*myševějь/*myševijь (укр. диал.) 'крапивник Troglodytes parvulus', сложение *myšь и *viti 'гнать'.

*mьlkvъjь II (слвц.) 'неспелый, слабый (колос, зерно)'.

*mьselъ/*mьšelь (цслав., ср.-болг., др.-русск., русск.-цслав.) 'доход, корысть'.

*mьtь (др.-русск., русск. диал.) 'связка рыбы', с балт. соответствиями.

*na krь (болг. диал.) 'на окраине, на краю', словосочетание *na и *kr- (ср. *jьzkrь).

*na povirice, *na poverъky (сербохорв. диал. – блр. диал. изоглосса) 'вдвоем (нести груз)'.

*nakověsiti (sę)/*nakъvěsiti (sę) (сербохорв. диал. – блр. диал. изоглосса) 'изогнуться; нахмуриться', сложение префикса *ko-/kъ-* и глагола *věsiti.

*namъ II (др.-русск., новг.) 'проценты, лихва', с балт. соответствиями.

*naněti (сербохорв.) 'наносить', сложение *na-* и глагола *něti, супплетивного к *nesti.

*naprъta/*naprъtъ (цслав., русск.-цслав.) 'наемник, наемный рабочий', обратное именное производное от глагола *naprъtati (чеш. диал.) 'нанять (рабочих, работников)'.

*natějati (русск. диал.), сложение *na-* и *-tějati, ср. *jьztějati, *zatějati.

*nebasъ (кашубско-словин., русск. диал.) 'негодяй' и близкие значения, ср. лат. *nefās* 'грех'.

*ne-natьlъjь (укр. диал.) 'ненасытный', ср. лит. *nu-ìlti* 'умолкнуть, утихнуть'.

*neroka (др.-русск. *hapax*) 'нянька', ср. *otrokъ 'infans, малолетнее дитя'.

*obmętь или *otmętь (только чеш. диал.) 'память', ср. лит. *atmintìs* 'память'.

*ob-po-romiti (русск. диал.) 'проявить заботу, присмотреть', ср. лит. *ramìnti/ramýti* 'успокаивать, унимать'.

*ob-pruliti (сербохорв., редк.) 'уничтожить'.

*ob-puliti sę (болг., макед., сербохорв., словен.) 'вытаращить(ся); ободрать', с сохранением слабозасвидетельствованного глагола *puliti.

*ob-puriti (сербохорв., кашубско-словин., русск. диал.) 'обжечь; обмануть; обмочить мочой', со слабозасвидетельствованным *puriti.

*ob-puskněti/*ob-pyskněti (ст.-слав., русск.-цслав.) 'измениться, исказиться (о лице)', с редким *pyskněti/*pyskniti.

*ob-pъrcati (сербохорв.) 'нажраться; ободрать', от редкого *pъrcati.

Предложенный выше список гапаксов, древнедиалектных слов предположительно неполон даже в означенных рамках словаря на ***А – О***. Поскольку по очень предварительным расчетам, "на глазок", названный отрезок ***А – О*** составляет едва ли половину будущего комплектного ЭССЯ, можно себе более или менее представить, насколько вырастет наш список праславянских лексических диалектизмов, а заодно и роль его в презентации древнедиалектной картины языка, отраженного в совокупном ЭССЯ. Преобладающую характеристику этих элементов лексики (выше) составляет их реликтовость и изолированность, позволяющая настаивать на древности по крайней мере большинства из них, но сказанное не противоречит такой обнаруживаемой их черте, как **трансдиалектальность**, поскольку тот или иной потенциально древний элемент лексики порой самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии, объединяя порой неблизкие диалекты между собой и даря нам таким образом фрагменты древней **лингвистической географии** с ее проницаемостью диалектных границ. Разумеется, нормальное развитие и функционирование праславянского языка как языка **живого** порождало определенное количество естественных **новообразова-**

ний, которые, за давностью времени, бывает трудно отличить от древностей лексики, признавая ограниченные возможности доступной нам методики. И все же крайне важно вырабатывать в себе это исследовательское умение слышать и выделять эти отголоски. До недавнего времени они все же недооценивались. Ведь всегда наличествовали эти **непреложные сигналы дублетности,** но они лежали втуне, ибо господствовала теория **изначального единства,** которая их игнорировала. Это явилось ошибкой, в дальнейшем определившей судьбу названной теории. Взять, например (из числа подобных сигналов) наличие именно в славянском обоих индоевропейских предлогов-приставок **jьz-* (**eĝhs-*) и **vy-* (**ūd-*), вступающих нередко в отношения дополнительного распределения друг с другом, тогда как в окружающих индоевропейских языках представлена **менее сложная картина,** то есть наличествует какой-либо один из двух предлогов-приставок – **eĝhs-* в балтийском, латинском и **ūd-* в германском, индоиранском (перечень можно продолжить).

В распоряжении читателя ЭССЯ оказывается непочатый край материалов на тему этой дублетности из области лексики и словообразования, и здесь всегда, наряду с вещами относительно известными, есть и гораздо менее известные или неизвестные совсем. Так, название дерева яблони выступает в форме **ablonь* у западных и восточных славян, но как **abolnь* – на юге славянства. Еще разнообразнее отношения производных от названия бобра: **bebrěnъ* (только др.-русск.) – **bobrovъ* (в большинстве славянских языков) – **bobrujь* (реликтовое др.-русск.). Очень старые различия могут стоять соответственно за отношением форм **berzьnъ/*berzьno* (зап.-слав.) – **berzovъ* – **berzujь* (последнее – только русск., гидронимическое) от названия березы. Пара **bьbrъ* 'бобр' (сербохорв. и др.-русск.) – **bobrъ* (широкораспространенное) может отражать еще дославянскую, индоевропейскую дублетность. Древние сложные апофонические и словообразовательные связи представлены в названиях стада, стаи: **čerda* – **kъrdъ, *kъrdelь* (в южнославянских, отчасти – западнославянских языках и диалектах), **kъrdьno* (кашубско-словин. и в производной сербохорв. форме). До недавнего времени не было известно, что только восточнославянское **kъrmyslo, *kъrmyslъ* 'коромысло' имеет любопытное апофоническое соответствие в изолированном **čьrmysly* (кашубско-словин.). Еще индоевропейские диалектные отношения просвечивают в дублетной суффиксации **čьrvь* 'червь' – **čьrmь* (реликтовое, в основном – в производных **čьrmelь, *čьrmъ, *čьrmьnъ*). Дометатезное именное еще индоевропейское производное **děža*, 'дежа, посуда для замешивания теста' сосуществует с регулярным метатезированным слав. **zьdati, *zьdь* – о работах с глиной и изделиях из нее. Реликтовый глагол **glebti*, прослеживаемый в производном имени **globa*, как бы повторяет более известные отношения **grebti* 'грести' – **grobъ* 'могила'.

Мы сами и наши рецензенты привыкли повторять, что "реконструкция праславянского словарного состава – это, может быть, самая трудная часть реконструкции праславянского языка" [E. Havlová (рец. на) О.Н. Трубачев (гл. ред.), Ж.Ж. Варбот, А.А. Калашников, Л.В. Куркина, И.П. Петлева. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 25 и 26. М., 1999. (ркп.)]. При этом, между прочим, как-то забывается и недооценивается тот принципиальный прорыв в древнюю **грамматику, словообразование и семантику** в самом широком смысле (то есть и лексическую, и культурную), который осуществляется в Словаре такого типа, как ЭССЯ. Выше мы называли уже эти важные вопросы, но они требуют к себе постоянного исследовательского внимания, как и сам благодатный языковой материал, к тому же, во многом новый и свежий, лучше всего, пожалуй, дающий возможность ощутить привкус прикосновения к основным результатам Словаря, например, пережитки глагольного оптатива *si* в составе **asi* (чеш., слвц. *azda*), следы дуративного префикса **ba-/*be-* в глагольной и отглагольной лексике – **batoriti*, verbum dicendi, **besěda*, остатки отживших категорий индоевропейской

грамматики – глагольные дебитивы *bytьnъ, *datьnъ, некая дополнительная ступень сравнения прилагательных, еще индоевропейский аппроксиматив на *ob-* в случаях *občьrnъjь 'черноватый', *obdьlgъjь 'длинноватый'. В огромном преобладающем корпусе славянских глагольных форм, прошедших тематизацию и имперфективацию, реконструкция может выделить ряд форм, не охваченных этими магистральными процессами: таковы **старые причастия** прошедшего времени страдательного залога **без тематического гласного** – **gornъ, *junъ* (NB: принадлежность к такого рода причастиям адъектива и.-е. **jou̯nos* 'молодой' как проблема sui generis). **jьzpornъ* (последнее только в белорусском), **kunъ* 'вбитый, напр. кол' на базе и.-е. **kou̯-no-* 'кованый, (в)битый', образование, по древности сравнимое с древними топонимами лат. *Kaũnas*, парагреческое Καῦνος. Если я не ошибаюсь, вопрос вообще привлекал мало внимания. Еще из области старых причастий: причастие на *-tъ *grotъ* < и.-е. **gʷro-to-/*gʷrə-to-* от **gʷer-* 'пожирать'; от той же глагольной основы – старое причастие настоящего времени страдательного залога **gromъ(jь)* II (только русск.-цслав.), сюда же и.-е. **gʷrŏm-*, название **поедаемой** пищи.

Из области префиксов следует упомянуть в разной степени архаичные, как бы нерегулярные *a-, ka-/ko-* и особенно любопытное *ol-*, обнаруживающее связи с индоевропейским указательным местоимением. Дославянской индоевропейской древностью отдает констатация суперлативного адъективного форманта *-imo-* в слове **golěmъ* или разных случаев "мертвой" с точки зрения славянской морфологии флексии *-s*, например, в **junoša-sь* (если из **jou̯nos*) или, скажем, в **nasъ*.

Главный профиль и исследовательский аспект нашего ЭССЯ – **этимология.** Определенную продвинутость этимологического анализа в той форме, в которой он представлен в Словаре, призваны обеспечивать **семантическая реконструкция и типология.** Взаимосвязь всех этих аспектов и словообразования не требует доказательств. Разумеется, дальнейшая конкретизация и показ их не может не создать некой мозаической пестрости, и все же на это нужно пойти в расчете на полезные выводы и обобщения, которые может дать опыт этимологических этюдов, весьма разнящихся между собой, в некоторых случаях – беспрецедентно обширных, критичных к традиции и настроенных на новизну взгляда. Трудно обойти молчанием и то обстоятельство, сродни человеческому фактору, как это сейчас называется, что, как известно, первые тринадцать выпусков ЭССЯ были выполнены индивидуально (на основе коллективно собранных материалов) самим автором этих строк, он же главный редактор целого. В дальнейшем и авторство частей Словаря стало коллективным, что имело свои плюсы, гарантируя Словарь от случайностей жизни. В остальном, если смотреть на вещи трезво, это неизбежно влекло за собой и множественность подходов, которую, уважая авторство отдельных партий Словаря, главный редактор не считал возможным нивелировать, оставляя, впрочем, за собой всякий раз и право выбора в смысле предпочтения того или иного этимологического решения и шире – метода изложения, подачи и аранжировки материала, критики литературы вопроса. Иногда, правда, дело принимало характер вторжения главного редактора в авторский этимологический анализ, почему-либо неудовлетворительный, или, скажем так, остановившийся на слишком раннем, недосказанном уровне, тогда как и из внимательного чтения литературы уже брезжило более глубокое решение вопроса, как в случае **lьnъ* 'лен', где в итоге к авторскому тексту было найдено нужным прибавить то, что обозначено как "Дополнения О.Н. Трубачева" и дано в квадратных скобках, как во времена работы над словарем Фасмера: "Возможно, в этом членении (**lĭ-no-* в словаре Покорного. – *О.Т.*) отразилось знакомство автора с гипотезой А. Фика о родстве названия льна с и.-е. **lei-* 'лить', при первичной мотивации 'намоченный', обусловленной существенным этапом обработки льна – его мочкой, см. Fick[3] II, 249, а также Walde – Hofm. I, 811. Именно это толкование, долгое время даже не упоминавшееся в этимологических словарях, получает теперь

признание и развитие: структура *lĭno- объясняется как причастие страд. прош. вр.; тождественная семантическая модель обнаружена в др.-инд. *ūtá* 'лен', для которого установлено происхождение из и.-е. *ŭmo- 'сырой, намоченный', ср. лат. *ūmēre* 'быть влажным', см. W. Steinhauser – Die Sprache 22, 1, 1976, 32–36, а также лит. жем. *ū́mas*, ж.р. *ūma* 'сырой, свежий, непросохший', см. О.Н. Трубачев – Baltistica XVI, 2, 1980, 118–119. Ср. также праслав. *lьnъ с блр. диал. *лайно́* 'отходы при обработке льна' (см. *lajьno)".

Не следует заранее ограничивать (достижимую) глубину этимологии, оперируя для русского, для славянского материала тем, что́ в свое время предлагали называть "ближняя этимология", порой отождествляя это с возможностью работать – для русского, для славянского – в рамках целого слова и оставляя на долю более глубоких этимологий корневые дали. Это способно обернуться ошибкой и необдуманным конфузом. Классическим примером этого рода может послужить русск. *лопоух*, *лопоухий*, совершенно прозрачное, казалось бы, сложение, короче, слово без истории (есть, правда, свидетельство 1500 г., отчество *Лопоухов*). Однако у этого обозначения неказистого существа, человека с оттопыренными ушами (прочие, переносные употребления можем оставить) есть прекрасный индоевропейский фон, вплоть до реконструкции и.-е. *le/op(o)-ous- 'листо-ухий', часто – о зайце, ср. лат. *lepus/leporis* (*lep-ōus-) 'заяц', лит. *lėpausis*. Как это изначально экспрессивное слово уцелело в своей прозрачности (ср. обычное представление о частой смене и недолговечности экспрессивной лексики), к тому же, если вспомнить о зайце как классическом объекте табуистических наименований (ср. русск. *косо́й*, наличие в славянском общего нового, иносказательного названия именно для зайца – *zajęcь, что-то вроде 'разверсто-(ротый)', ср. феномен заячьей губы), остается загадкой.

Словарная статья этимологического словаря – понятие растяжимое, обычно ассоциируемое с ней представление краткости не подходит к случаям слов немалой этимологической сложности и большого культурного веса. Один такой пример кажется полезным привести, не скупясь на место. Речь пойдет о слове *medъ, *мед*, замечательном своей краткостью и наличием **одного** единственного значения. Далее – из ЭССЯ 18: 69 и сл.: «Можно думать, что древние индоевропейцы познакомились с медом раньше, чем с молоком, что следует также из соображений культурной типологии: мед диких пчел обратил на себя внимание людей еще на стадии примитивного собирательства, то есть, по-видимому, задолго до появления молочного скотоводства. Потом обе отрасли сливаются в единую базу благосостояния, а изобилие меда и молока превращается в устойчивый образ, символ всяческого изобилия вообще, при вероятном примате именно меда в этом двойном символе, что интересно с разных точек зрения (другое устойчивое речение – русск. *мёд–пиво*, слав. *medъ – *pivo, вар. *medъ – *olъ, ср. лит., лтш. *medus – alus*, см. о них R. Eckert ZfS 27, 3, 1982, 338, адресовано только к хмельному меду и тем самым – вторично, ср. ниже об этом). Разумеется, мед с самого начала и тоже надолго, в сущности навсегда, явился для индоевропейца эталоном сладости, можно сказать, само понятие 'сладость, сладкий' производно от 'медовый'. Вероятно, и понятия 'хмельной, пьяный', а также 'вино' тоже, в свою очередь, производны от 'мед'. Все эти значения наличествуют в древней и.-е. терминологии меда, и их равная соположенность, а также относительная древность как одних, так и других приводят исследователей иногда к мысли, что древним было значение 'хмельной мед, медовый напиток' тем более, что в ряде случаев с древности наличествует только оно, а не значение '(пчелиный) мед', относящееся к сырому продукту. И все-таки первично, разумеется, значение '(пчелиный) мед' в силу своей "натуральности", тогда как значение 'хмельной медовый напиток' вторично как более сложное культурно, хотя идея брожения дикого меда стала известна очень рано и, возможно, именно такой мед бросился в глаза впервые древнему охотнику, а может быть – и был назван в соответствии с этим качеством, поскольку в основу и.-е. названия (или названий) меда

могла лечь лексически выраженная идея вытекания, перетекания (даже бушевания, то есть ферментирования, см. ниже).

Обычно реконструируют и.-е. *medhu-, к которому наряду со слав. *medъ восходят лит. medùs 'мед', лтш. medus 'мед; напиток', др.-прусск. meddo 'мед', нем. Met (др.-в.-нем. metu) 'напиток из меда', др.-исл. mjǫðr то же, англ. mead (др.-англ. meodu) то же, др.-ирл. mid 'медовый напиток', ср.-ирл. medb 'опьяняющий', греч. μέθU 'хмельной напиток', производное μεθύω 'напиваться допьяна', др.-инд. mádhu 'мед; сладкий опьяняющий напиток', авест. maδu- 'вино', осет. myd/mud 'мед', согд. mdw 'вино', перс. may 'вино', тох. В mit 'мед'. Хотя -u-исход основы и.-е. *medhu- довольно устойчив и прослеживается в разных, в том числе слав. языках (*medъ, род. п. *medu, формы *medv- в сложении *medvědь, *medv-, *medov- в производных, см. также H. Birnbaum. Indo-European nominal formations submerged in Slavic 158), он все же, по-видимому, функционально обусловлен, ср. вероятие первоначальной адъективности формы и.-е. *medhu- как прилагательного на -u- (ср. Pokorny I, 707, хотя это первобытное прилаг. этимологически едва ли значило 'сладкий', что было бы модернизацией, см. выше). Древние заимствования из индоевропейского – финно-уг. *mete-, *meδe- (о противоположном направлении заимствования см. R. Gauthiot. Des noms de l'abeille et de la ruche en indo-européen et en finno-ougrien. – MSL 16, 4, 1910, 269–270) не содержат никаких указаний об основе на -u- (как, впрочем, и о придыхательности согласного). То же можно сказать и о др.-кит. mjět 'мед', которое, вслед за Поливановым, объясняют как заимствование из и.-е. диал. формы типа тох. В mit, хотя это более поздние формы, чем вышеупомянутые финно-угорские, с характерной для последних лучшей сохранностью конца основы.

Ряд слав. форм гнезда *med- позволяет допускать древнее наличие не только -u-основы, но также -o- основы *medo-, ср. *mediti, *medьnъ (см.). С этой слав. формой названия меда, возможно, продолжающей древний и.-е. вариант слова, заимствованный, в частности, в финно-уг. *mete-/*meδe-, может быть связано слово в греч. передаче μέδος, название напитка, которым угощали около середины V в. византийского посла Приска жители Среднего Подунавья, очевидно, славяне (см. Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, 202; О.Н. Трубачев ВЯ 1984, № 3, 23–24).

Особую проблему представляет наличие форм греч. μέλι, род. п. μέλιτος 'мед', лат. mel, род. п. mellis то же, хетт. melit 'мед', гот. miliþ, с общей праформой *mel-i-t- (вар. *mel-n-). Трудно отделаться от мысли о связи между собой и.-е. *medhu- и *melit-, к тому же, в языках, где есть *melit-, форма *medhu-, как правило, отсутствует, несмотря на исключение греческого, где есть также μέθυ, μεθύω. Характерно, что *melit- практически не имеет этимологии, см. Walde – Hofm. II, 62; Frisk II, 201; Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque III, 682. Чем вызвана затемненность происхождения и.-е. *melit-, и абсолютно ли это безразлично для вопроса об и.-е. *medhu-? Высказывалось, например, мнение о том, что чередование *dh* : *l* не свойственно для и.-е. языков. Однако, если позволить себе усомниться в изначальности придыхательного в и.-е. *medhu-, то отношения *d* : *l* достаточно историчны для и.-е. диалектов, причем *l* каждый раз вторично, ср. "сабинское" *l* в лат. lingua (вм. dingua), levir (вм. devir); примеры могут быть приведены и из других частей и.-е. ареала. Любопытно, что алт. (тюрк., монг.) bal 'мед' заимствовано, как считают, из формы, близкой др.-инд. madhu 'мед' (M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, 59). Не подсказывает ли этот факт внешней лингвистики, что переход *med- > *mel- мог осуществиться уже внутри и.-е. ареала? Известная нерегулярность предполагаемого явления может быть связана не столько с семантич. расщеплением 'мед' – 'напиток из меда', сколько с особенностями культового языка, которые могли сказаться на терминологии меда, с самого начала занявшего видное место в верованиях и жертвоприношениях. Все это имеет

отношение и к этимологии *medhu-, которая до сих пор не продвинулась далее констатации родства известных продолжений этого названия меда по языкам.

Для заключения о заимствовании и.-е. *medhu- из семит. *m-t-ḳ 'сладкий' (так см. Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы II, 874) нет достаточных оснований, хотя содержащееся там предположение об отражении комплекса -tḳ- как и.-е. dh подводит некоторым образом к мысли о неизначальности этой придыхательности. Неудача семитской этимологии проистекает из факта вторичного развития знач. 'сладкий' на самой и.-е. почве из совершенно других первоначальных значений, которые легли в основу значения 'мед' и лишь после этого дали значения 'медовый, сладкий'. Поиски истоков этимологии и.-е. *medhu- нужно продолжать. Оставляя в стороне несколько эквилибристическую метатезную этимологию Отрембского, связывавшего *medhu- с и.-е. *dhūmo- 'дух, дым и т.д.' (Otrębski. Studia indoeuropeistyczne 173), которая, кроме формальных недостатков, грешит все той же заданной первоначальностью значения 'опьяняющий напиток' для *medhu-, обратим внимание на старое еще сближение *medhu- с архаическим корнем и.-е. *mad- (др.-инд. *mádati* 'бурлить, веселиться', авест. *maδa-* 'хмельное питье, опьянение', греч. μαδάω 'расплываться', лат. *madeō* 'быть влажным, сочиться'), см. Zeyss. Μέλε, mel. – KZ XVI, 1867, 384. Эта этимология подкрепляет реальную версию о том, что пчелиный мед привлек внимание как жидкость, подверженная ферментации (ср. 'бурлить, сочиться, переливаться', выше). Сближение и.-е. *medhu- с и.-е. *mad- 'бурлить, переливаться' с непосредственным результатом *medo- и последующей экспрессивной (сакральной?) аспирацией *medho- с дальнейшей деривацией *medh-u-, *medh-u̯-o- находит подтверждение в одном достаточно старом слав. названии меда и.-е. происхождения, не нашедшем отражения в подборке синонимов "Honey" в известном словаре Бака: я имею в виду др.-русск., сербск.-цслав. *стрьдь*, словен. *strd*, ст.-чеш. *stred* 'густой мед', польск. *stredź*, родственные нем. *Strudel* 'водоворот' и греч. ῥόθος 'шум волн', вместе с которым слав. слова продолжают и.-е. *sr-e-dh-os/*sr-o-dh-os к *ser- 'струиться, вытекать' (см. о слав. слове: Фасмер III, 772–773; Machek[2] 581, с отличиями в толковании; Brückner 518: *stredź*, см. *struga* 'струя'). При этом *sredho-/*srodho- *medho/u- оказываются как бы рифмованными образованиями с аналогичным развитием значения 'мед' из первонач. 'вытекание, бушевание'».

Чтобы немного продвинуться в понимании этих вещей или, по крайней мере, того, как они интерпретируются в нашем Словаре, кажется целесообразным продолжить цитацию, в данном случае – статьи о *melko, молоко (ЭССЯ 18: 85 и сл.):

«Праслав. *melkó имеет наконечное ударение, ср. русск. (и другие вост.-слав.) *молокó* и сербохорв. чак. *mlīkŏ*... Такая позиция ударения, наряду с некоторыми другими особенностями (см. ниже), свидетельствует о производном характере слав. слова, а в равной мере – о его исконном, незаимствованном происхождении. Ударение русск. *молóка, молóки* мн. фиксирует дальнейшую производность этих форм на базе ед.ч. *молокó*, будь то противопоставление вторичного плюраля первоначально универсальной форме ед.ч., сохраняющей этот характер в подавляющем большинстве случаев до сих пор, или лексикализация особого семантического употребления акцентологическими средствами врдхи (*melkó → *m ḗlk-). Если сюда прибавить правильное чередование гласных между *melko и *molka, *molkyta (см. s.vv.), то станет вполне очевидно, что *melko – исконнослав. элемент лексики. Поэтому, как бы ни объяснять бросающуюся в глаза близость слав. *melko и прежде всего герм. названия молока (гот. *miluks*, др.-в.-нем. *miluh*, нем. *Milch*, др.-сакс. *miluk*, англ. *milk*), старая версия о заимствовании из герм. в слав., видимо, должна быть отклонена. Она с самого начала основывалась на имеющем якобы место отклонении консонантизма слав. *melko от слав. глагола 'доить' – *melzti (см.), причем отклонение это – *k*, вм. *z* (и.-е. *ĝ*) – напоминало герм. передвижение. См. C. Lottner KZ XI, 1862, 172;

C.C. Uhlenbeck. Die germ. Wörter im Altslavischen. – AfslPh XV, 1893, 489; Miklosich 187; J. Peisker. Kdo byli naši předkové a co jsme po nich v sobě zdědili. Praha, 1921; Machek[2] 368.

Но форма **miluk* (ж.р.), реально представленная в герм. языках, достаточно далека от слав. **melko* (ср.р.), и она дала бы только слав. **mьlъcь* или **mьlьčь*, как на то справедливо указал еще Р. Брандт РФВ XXII, 1889, 252–253. Положения не спасает и то, что реконструируемая прагерм. форма **meluk-* 'молоко' визуально как бы ближе к слав. **melko*.

Главное, что позволило по-новому взглянуть на судьбу слав. (и герм.) названий молока, это констатация отсутствия у него связи с соответствующими терминами доения в этих языках. Теперь признано, что нем. *Milch* 'молоко' неродственно нем. *melken* 'доить' (так см. Kluge[20] 478, 473). Равным образом этимологически ничем не показательно отношение слав. **melko* и **melzti*, **melzivo*, хотя отношение это пытались использовать не только сторонники герм. происхождения слав. **melko* (см. выше), но и те, кто выступал в защиту исконного происхождения. См. J. Kirste. Mlêko. – AfslPh XII, 1889. 307 и сл. (о возможной дослав. дублетности *melk- – melg-*); V. Jagić. Ist млѣко – mlěko ein Lehnwort? – AfslPh XI, 1888, 308–309; С. Младенов. Старите германски елементи в славянските езици. – СбНУ XXV, II, 1909, 81; А. Соболевский РФВ LXVI, 1911, 342 (высказывает мысль о слове **melko* как ум. образовании с суф. *-k-* на слав. почве); R. Jakobson "Word" 11, 1955, № 4, 613 (в отношениях форм *молоко*: *молозиво* допускает даже участие мотивов табу).

Мнение об отсутствии связи между слав. **melko* и и.-е. **melĝ-* 'доить' оказалось возможным подкрепить фактом значительного расхождения названий молока в разных и.-е. языках и полным отсутствием связи с **melĝ-* 'доить' у лат. *lac*, греч. γάλα/γάλακτος, др.-инд. *páyas*, лит. *píenas*. См. Berneker II, 34. Таким образом, общее и.-е. название для молока не выявлено, и его, видимо, не существовало, а известные достаточно древние названия молока выразительно региональны и, кроме того, не связаны с лексикой типа 'доить', 'пить' (возводить к первоначальному термину 'пить' такие, например, названия молока, как др.-инд. *páyas*, лит. *píenas*, было бы слишком прямолинейно, здесь правильнее говорить об исходном значении 'набухать', ср. др.-инд. *páyate*). Этимологически вскрываемое отсутствие антропогенных мотивов называния молока (ср. выше отсутствие производных от глаголов 'доить', 'пить') заставляет отнестись скептически к утверждениям о развитости молочного хозяйства у древних индоевропейцев (как см. Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы II, 869), ср. высказывавшиеся ранее мысли о неиспользовании молока древними индоевропейцами (притом, что крупный рогатый скот у них уже был) как отражении стадии их культурного развития, см. Трубачев. Дом. жив. 8–10.

Верную этимологию и архаическую семантическую предысторию слав. **melko* нащупал, скорее всего, Брюкнер, указавший на родство с праслав. **molka* (см.), откуда сербохорв. *mlaka* 'место, где вода вытекает из земли', сюда же, далее, польск. *młokicina*, др.-русск. *молокита* 'болото', *pamłoka* 'туман, облако'. См. A. Brückner KZ XLV, 1913, 104–105; Brückner 340 ("...от праслав. названия для всякой текучей жидкости"). Видимо, сюда же правильно было отнесено лтш. *màlks*, *màlka*, лит. *malkas* 'глоток при питье', см. J. Endzelin KZ XLIV, 1911, 66 (= J. Endzelīns. Darbu izlase II, Rīgā, 1974, 398). См. еще Б.М. Ляпунов ИОРЯС XXX, 1926, 15–16; Trautmann BSW 177; А.М. Селищев ИОРЯС XXXII, 1927, 308; F.R. Preveden "Language" 5, 1929, № 3, 152–154; Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter aus dem Germ. 45–46; Фасмер II, 645–646 (в дополнениях О.Н. Трубачева, там же, развивается мысль о герм. происхождении слав. слова, что сейчас имеет смысл пересмотреть. – *О.Т.*); Skok. Etim. rječn. II, 443; Bezlaj. Etim. slovar sloven. jez. II, 188–189. Между прочим, Фасмер (там же) оспаривает связь перечисленных выше слов с лит. *málka* 'дрова', однако последнее явилось, по-видимому, фигуральным обозначением дров (обычно во мн. – *málkos*), основное же значение этого *málka* – 'куча, навал' (см. Fraenkel I, 401), и едва ли необходимо

отделять это лит. *málka* от уже упомянутого *maĩkas* 'глоток при питье' в угоду обязательным сближениям *málka/málkos* с другими названиями дров и мелких щепок, подробнее см. Fraenkel, там же. Здесь уместно вспомнить русск. диал. *молóка* ж.р. 'хороший строевой лес'..., тождество которого с лит. *málka* 'куча, в том числе куча дров' трудно отрицать, вплоть до производного акутового ударения в лит. и русск. слове. Далее, сюда же см. под реконструкцией **melk-* 'сырой, сырость' в словаре Покорного (Pokorny I, 724): греч. μέλκιον· κεήνη (Гесихий), гот. *milhma* 'облако' (следуют уже известные выше слав. **melko*, **molka* и родственные балт. слова).

И.-е. **melk-* – потенциальная производная форма, и этот ее статус сохраняется на стадии слав. **melkó* с его наконечным, мотивированным ударением. Как уже предполагали некоторые исследователи (выше), *-k-* в составе **melk-* выступает в роли суффиксального элемента. По всей видимости, это *-k-* оформляет глагольный корень, однако маловероятно (семантически и функционально), чтобы это было и.-е. **mel-* в известных нам значениях последнего. Кажется допустимым в этой связи предположение о первоначальном **med-k-*; последовательность согласных *-dk-(-tk-)* неустойчива в индоевропейском и подвержена изменениям. На характер изменений повлияли семантические и формальные особенности самого корня, уже известные из других контекстов. По-видимому, это было и.-е. **med-/*mad-* с более поздним вариантом **mel-* и значениями 'вытекать, разливаться; набухать', уже известное нам по случаю **medъ* (см.). Эти исходные значения объясняют семантику известных выше разновидностей продолжений **melk-/*molk-*. Аналогию вскрываемой семантике 'вытекания', 'набухания' можно указать и в инокоренных названиях молока – лит. *píenas*, др.-инд. *payas-*, авест. *payah-*, др.-инд. *kṣīra-* (последнее – из и.-е. **sr-/*ser-* 'течь, вытекать' с преформантом *k-*). Названные глагольные корни встречаются в и.-е. обозначениях меда, культура которого во многом перекрещивается с культурой молока у индоевропейцев.

О гипотетическом отражении в форме A m a l c h i u s Oceanus (Plin. NH IV. 95: "mare congelatum") предпраславянского **mălkiă-* в его коннотациях как с молоком, так и с замерзающей водой см. О.Н. Трубачев ВЯ 1985, № 5, 13–14».

Острый культурно-исторический интерес знаменует и другие статьи Словаря. Например, слав. **męso* характеризуется как остаток древних, индоевропейских отношений, даже, можно сказать, сознаваемый остаток. Оно не только родственно этимологически ряду синонимов 'мясо' в других индоевропейских языках, на обзоре которых как правило останавливается этимологический анализ ("первичная вокабула"), но и практически до сих пор выразительно участвует в оппозиции 'мясо' – 'плоть' (слав. **męso* – **plъtь*), что имеет место далеко не во всех языках, ср. случаи, где оппозиция названного вида снимается ввиду совпадения (лат. *carō*, нем. *Fleisch*). Значение 'плоть' как первоначальное 'нарастающий слой ж и в о г о тела' (ср. слав. **plъtь*, этимологически – 'наплыв') противопоставлено значению 'мясо', первоначально, видимо, – о с ы р о м мясе. Таково свидетельство и реконструкции: **męso* – из и.-е. **mēms-/*meməs-*, с констатацией в последнем (неполной) редупликации **me-ems-/*m-eməs-*, а главное – этимологического родства с греч. ὠμός 'сырой', др.-инд. *āmaḥ* то же, сюда же и индоевропейское название плечевого сустава. Так что и.-е. **ōm(ə)so-* первоначально – 'кусок (часть) сырого мяса', преимущественно 'плечевой сустав'. Гамкрелидзе и Иванов в своем известном труде, видимо, ошибочно полагают, что и.-е. **mēms-o-* 'мясо' нейтрально по отношению к признаку 'сырой' – 'несырой, вареный', ср. сюда др.-инд. *māmis pácana-* 'варящий мясо', что все-таки указывает на первоначальную с ы р о с т ь варимого. Славянские переводчики Святого Писания, похоже, отлично чувствовали эту культурную семантику 'мяса', почему мы не найдем случая **и слово стало мясом**, но только: слово стало плотью; (вар. польск.) A słowo stało się ciałem.

Конституирующее для традиционного славянского общества слово-понятие **mirъ*,

мир – 'община, общество', вторично – 'весь свет' – элементарно тождественно **mirъ* 'согласие, полюбовный союз, дружба', целиком основывается на последнем, в духе соборности как параметра славянского самосознания и миросозерцания. Ср. и близкое этимологическое родство **mirъ* и **milъ*, милый. Культурно-орфографическое разграничение единого русского *мир*, действовавшее в течение долгого времени, таким образом, совершенно неоправдано. Кстати, для понимания статуса слав. **mirъ* отнюдь не безразлично отклонение презумпции влияния на него со стороны др.-ир. *miθra-*, специально – стадии **mihra-*. Последнее исключается, поскольку является продуктом западно-иранской фонетики, а иранцы, с которыми исторически контактировали славяне, были скифами и сарматами, генетически – восточными иранцами, в языке которых сочетание *-tr-* (напр., в ир. *mitra-*, *miθra-*) либо долгое время сохранялось, либо позднее давало *-rt-* (ЭССЯ 19: 56–57).

Этимология дает в руки прекрасный критерий филиации понятий, выявляя родство якобы схожих и неродство "близких" понятий. В таком критерии явно нуждалось изучение отношений понятий-значений 'большой' и 'много'. Во всяком случае на их близости построена этимология Махека для слова **mъnogъ*, которое он пытается, по-своему остроумно, объяснить метатезой первоначального **mъgno-*, ср. лат. *magnus* 'большой, великий', греч. μέγας 'большой'. В действительности же нельзя не обратить внимание на большое разнообразие и своеобразие способов образования лексемы и семемы 'много', на практическое отсутствие у них пересечений со способами образования лексем 'большой' и на местный, часто поздний характер лексемы 'много' по языкам: франц. *beaucoup* 'много' < 'красивый удар', блр. *шмат* 'много' < '(большой) кусок', укр. *багáто* 'много' < 'богато' и т.д. (примеры можно продолжить, отметив, что иногда они переходят уже в область эфемерных инноваций вроде русского разговорного *полнó*, сербохорв. *puno* 'много' и даже таких, как русск., укр. просторечные *туча*, *хмара*). Только после таких или сходных оговорок в ЭССЯ 20: 231 делается осторожная попытка проэтимологизировать слав. **mъnogo* на базе и.-е. **men-* 'давить, мять, сжимать'.

У современной этимологии есть довольно разнообразные и гибкие возможности отбора (контроля) и ригоризации этимологических идей. То, что эти возможности порой до последнего времени лежат втуне, а исследователи и составители словарей пробавляются цитацией старых (и очень старых) курьезов, к сожалению, преодолевается с трудом. По-прежнему в случае со словом **muxa*, *муха* нас отсылают к объяснениям 'жужжащая', 'жалящая', относительно слова **mъxъ*, *мох* шлют еще дальше – к и.-е. **mu-/*meu-* 'нечистый, грязный', гнездо **myti*, к обозначению плесени, слово **myšь* либо вообще считают изолированным, либо – по сходству с др.-инд. *muṣṇā́ti* 'красть' – реконструируют как 'та, что крадет, воровка', что давно и вполне оправданно вызывало сильные сомнения у тех, кто коллекционировал подобные объяснения. А Педерсен сделал вообще отчаянный вывод: "Если более старым значением этого гнезда является 'плесень' (речь шла о слове **mъxъ*, куда, действительно, принадлежит и болг. *мýхъл* 'плесень' – *О.Т.*), то его можно производить от и.-е. **mūs*; похоже, что все похитители съестного были названы 'мышами'". А между прочим, начинать надо с формальных отношений: речь идет об апофоническом ряде **mŭs-*: *mūs-*: **mous-*, куда, действительно, относятся и муха, мошка, и мышь, и мох с плесенью. Если с мохом, в сущности, все ясно, одно из значений слова – 'болото', в номенклатуре болот обычное дело – обозначение 'серое, сероватое, белое', ср. **bolto*, *болото*, лит. *pélkė* 'болото' (букв. 'серое'), то с мухой и мышью положение несколько более сложное, но тоже не безнадежное. Это докучливые живые существа, и, обозначая их, человеку надо было быть уклончивым, чтобы не накликать зря ни тучу мух, ни полчища мышей. Пришлось прибегнуть к табу, которое, по нашим наблюдениям, вообще изначально, что называется – древнее самой лексики. Выручил вышеназванный словообразовательно-апофонический ряд, который на одном конце был употреб-

лен в прямом смысле ('болото', 'болотный мох' – 'серый'), а на другом использован как табуистическое обозначение: 'мышь' – 'серая', 'муха, мошка' – 'серая'. Не следует также игнорировать и отчаянные подсказки, которые давно делает нам сам язык: лит. *pelẽ* 'мышь' значит 'с е р а я ', только выражено это местными средствами литовского языка. За подробностями отсылаю к ЭССЯ 20: 172, 217–218; 21: 66.

Как и всегда, главный аспект, главная проблема славянской этимологии – отношение славянского и индоевропейской базы, характер перестройки форм и значений. Добиться серьезных результатов здесь непросто, и наш Словарь отражает эти поиски, их удачи и неудачи. Примером того и другого может служить статья о слове **naglъ*, *наглый* (разнообразные значения) (ЭССЯ 22: 33–37), где составитель, как это сейчас очевидно, не вполне справился с материалом и критикой этимологии. Речь, разумеется, может идти только о едином слове, а не о **naglъjь* I и **naglъjь* II. "Барьер взаимопонимания" между славянским и индоевропейским, безусловно, оказался нарушен, как и во многих других случаях, но любопытно, что нарушение формального тождества оказалось очень незначительно, хотя в плане семантики последовал весьма принципиальный сдвиг и переход от простейшего индоевропейского значения к расцвету новых, во многом экспрессивных славянских значений. Слав. **naglъ* элементарно диссимилировано из и.-е. **nagn-* – диалектного, иранского типа слова с значением 'нагой, голый', оказавшись близкородственным славянскому же **nagъ*, *нагой*. Исходное значение 'нагой, голый', при всем своем единстве и единственности, было достаточно емким, чтобы дать на славянской почве целый куст экспрессивных значений 'гневливый, вспыльчивый, очень злой, бесстыдный, нахальный, очень быстрый, внезапный', с семантической сердцевиной 'бесстыдный', отпочковавшийся от ситуации эпатации наготой, выставления ее напоказ, эффективный жест во все времена...

Преемственность славянского и индоевропейского оборачивается нелегким вопросом, в свою очередь, в сфере служебных слов. Из числа последних можно обратить внимание на судьбу славянского предлога **na* (ЭССЯ 21: 185–186). Эта простая форма с простыми значениями 'на, super' (вторично побудительное 'возьми, получай'), на первый взгляд, нигде больше за пределами славянского не представлена, на самом деле обнаруживает классический индоевропейский фон. В своей классической сохранности индоевропейский прототип представлен прежде всего в греч. ἀνά 'снизу вверх', ἄνω 'вверх', ср. далее гот. *ana* 'на, над', др.-в.-нем. *ana* (нем. *an*) 'на', авест. *ana*, др.-перс. *anā* 'на, над', которые указывают на исходное **anō*. Обращает на себя внимание типично славянская начальная апокопа **anō* > **na*, наблюдаемая в слав. **ро* < и.-е. **apo* и других случаях. Лишь в отдельных единичных случаях, изолированных этимологически, индоевропейское гласное начало всплывает, ср. приставку в слав. **on-utja*. Славянские и балтийские формы связаны достаточно сложными отношениями, ср. лит. *nuõ*, *nu-* с противительным значением 'от' и праформой **nō*, лтш. *nùo* 'от', при др.-прусск. *no*, *na* 'на'. На этом фоне выделяется лит. *anót* 'согласно, в соответствии с' – наличием полного *ano-* и положительностью значения.

Конденсированный характер языкового отражения, языковой картины, который, как считается, дает словарь, сравнительно с текстом, обеспечивает все тот же алфавитный порядок, которому подчинены и большие единицы словаря и меньшие подробности, которые, в остальном будучи разрознены, именно и дают в своей массе названную языковую картину. Такого рода несколько более детальные наблюдения накопились и у нас. О них – без лишних слов – в порядке алфавита.

В большой корневой группе *lop-* отметим чистое **lopъ* II (болг. диал.), название растения, тождественное лит. *lãpas* 'лист'. Упоминания всегда заслуживает **ložesno* 'матка, утроба (матери)' с его красивым отношением к **lono* < **logsno*. Пример **ložiti* полезен наглядным разграничением грамматической функции (каузатив к **legt'i*) и фактическим словопроизводством от имени **logъ*. Точно так же – далее – глагол

lǫčiti 'разделять, разлучать; соединять', характеризуемый грамматически как итератив к **lękt'i*, на самом деле словообразовательно производен от имени **lǫkъ* 'лук, дуга, изгиб'. Др.-русск. и русск. диал. **lǫkomorьje* – замечательное сложение, не менее замечательное своей древней географической привязкой к северо-западному углу Азовского моря с характерными заливами и косами (ср. таврические коннотации слова *лукоморье* у Пушкина). Изоглоссное **lǫko(v)ętь* (чеш., русск. диал.) 'обод колеса, задняя часть сохи' образует сложение, параллельное **rǫko(v)ętь *rǫkojętь* 'рукоять'. Слово **lučiti* замечательно как бы "веерным" развертыванием первоначального значения 'осветить' → 'целиться при свете, попасть в цель, находить, получить'. Классическое по четкости своей реконструкции слово **luna* I 'луна' < *luxna* < **louksnā*. ср. близкие по архаическому звуковому составу др.-прусск., древнеиталийские формы, лишний раз своей эволюцией доказывает, что оно не заимствовано из лат. *lūna* (что дало бы слав. **lyna*). Довольно многочисленные отражения имен **lupogolva/*lupigolva* в топонимии могут восходить к соответствующему племенному (устрашающему) имени 'сорви-голова'. Некий семантико-типологический ряд 'сдирать, лупить' → 'черепная коробка' образуют праслав. **lъbъ* 'лоб, череп' < **leubh-* 'лупить', как и **čerpъ* < **sker-* и даже **čaša* < **kes-*. Название ложки **lъžica* I со своим происхождением от 'выдалбливания' вполне непротиворечиво становится в один ряд с аналогичными, хотя этимологически другими названиями ложек в индоевропейских языках, прежде всего англ. *spoon* < 'щепка'. Народнокалендарное **lъži-travъ* (болг.) 'месяц апрель', собственно 'обманывающий травы' или 'ложнотравянистый', представляет собой еще один оригинальный продукт славянского именотворчества и словообразования-сложения.

Антропоним-топоним **lybědь* (др.-русск., русск., укр.) поставлен в связь с глаголом **lybiti (sę)* 'улыбаться', то есть речь прежде всего идет о личном имени собственном, по Начальной русской летописи – девичьем и антропологически характерном для круглолицего, мезокранного брахикефального славянства Поднепровья. Популярное осмысление имени летописной девушки в связи с *лебедь* ошибочно, как о том уже говорилось в других местах. Продолжается ряд **lyža* II – **lъžica*, где орудие для передвижения по льду–снегу и столовый прибор роднит прародство с плоской частью полена. Глагол **lьpěti* объединяет весьма различные продолжения, из них блр. *липéць* 'еле жить' как бы помогает раскрытию древней семантики и этимологии германских глаголов 'жить' – гот. *liban* 'жить', нем. *leben* и др. – не из 'оставаться', а из первоначального 'едва держаться за что-либо'. Производные **malota/*malotja*, а также **maleta/*maletja*, прежде всего – соответствующие йотовые расширения, специально объединяют сербохорв., укр. и блр. образования с этим вторичным расширением, которое раньше считали исключительно сербохорв. новообразованием. Очень сложной оказывается формальная предыстория слав. **mazati*, *мазать*, с одной стороны – ср. герм. **makōn* 'делать (строить)' из первоначального 'месить (глину), лепить', а с другой стороны – и.-е. **ṇĝ-/*anĝ-/*amĝ-*. Ряд отношений дополняет румынское *mînjí*, заимствованное из незасвидетельствованного слав. диал. **mǫz-*, возможно, дакославянский реликт.

Очень сложное этимологически важное в культурно-историческом отношении слово **mečь/mьčь*, *мечь* получило, кажется, в последней версии в ЭССЯ свое адекватное толкование на фоне большой литературы. Это, конечно, культурное заимствование, но осуществленное не на Востоке, а в Центральной Европе. Сверкающая белизна обнаженного длинного меча наложила отпечаток на его номенклатуру, почерпнутую у кельтов. Индоевропейская номенклатура 'середины', 'среднего' по-разному результировала в славянском и балтийском, дав в первом из них название для межи, границы, **medja*, а во втором преимущественно – названия для 'леса' и 'дерева'. Еще праиндоевропейское, сложение **medhu-ed-* 'мед поедающий'

воплотилось прежде всего в праслав. *medv-ědь, архаического вида. Но этот же состав и порядок корневых морфем воспроизводился и позже, в новых условиях, – *medojědъ. Что касается мотивов полного (может быть, за исключением отдельных темных топонимов) забвения праславянским индоевропейского *ṛk̂so- 'медведь', еще живого в некоторых других языках, оно целиком вызвано страхом и табуистическим иносказанием древних. Так праслав. *medv-ědь выступило в роли названия медведя. По-прежнему этимологически трудно название металла *mědь, *медь*, о котором известно лишь то, что это праславянское новообразование (индоевропейским названием меди/бронзы было *aios-). Однако истоки этого новообразования все же неясны: цветообозначение? Даже яркая этимология В.И. Абаева – от славянского же названия страны *Mědь 'Мидия' – не снимает вопросов (греч. Μῆδοι 'мидяне, Мидия', но ир. *Māda-* то же). Традиционно трудно и слово *měsęcь, месяц в своих отношениях к и.-е. *mēs-, *mēn-, *mēns- (от *mē- 'мерить'? от первоначального 'менять'? или от *men(i̯)os- 'меньший'?). В общем, за редкими исключениями, трудности ожидают нас при встрече почти с каждым праславянским словом, взять, например, *město, отличающееся неясным родством в индоевропейской древности и замечательной активностью в позднем терминообразовании (основное название города у западных славян!). Праслав. *mězinъ 'малый, младший', родство для которого указывают, не до конца удовлетворительно, в балтийской номенклатуре 'малого', формально возводимо к и.-е. *meĝh- 'большой', но совершенно не знает этого последнего значения, совсем наоборот, что могло бы служить объяснением причины забвения и.-е. *meĝh- 'большой' в славянском.

Проблемы, связанные с праславянским названием '(сырого) мяса', мы выше уже решили, как нам кажется, в положительном смысле, но их хватает в старом производном *męzdra: почему не *męs(t)ra? Выход искали во вторичном наложении (сближении) глагола *der- 'драть' (мездру дерут от кожи). До курьезности запутанными выглядят отношения *mlinъ I и *mlinъ II, причем из них первое – название мельницы – характеризуется как культурное заимствование с Запада, из лат. *molīnum*, возможно, через немецкое посредство (до того славяне мололи зерно на жерновах), а похожее на него как две капли воды *mlinъ II 'лепешка, блин' считается исконным суффиксальным производным (*ml-inъ*) от глагола *melti, молоть. Критической точки эта сложность достигает, когда мы встретим далее альтернативную реконструкцию *mъlinъ, якобы с ранней утратой -ъ- в начальной позиции. В отношении семантической типологии интерес может представить праслав. *moldъ, *молодой*, широко распространенное прилагательное с одним значением 'молодой', однако при сравнительно-этимологическом, а также сопоставительно-типологическом изучении открывающее возможности для более углубленной реконструкции значения – 'мягкий, нежный', остатки чего сохраняются, между прочим, в старославянском: *из младь ногътии*, ср. до сих пор в русском – *от молодых ногтей* (в раннем детстве ногти сохраняют мягкость). В статье *morava II (основное значение – 'сырая луговина') промелькнул, может быть, слишком мимолетно, среднедунайский гидроним Morava, связанный тесными узами со славянской этногенетической проблематикой. Праславянское название сильного холода – *morzь – и его гнездо оказываются источником обозначений многих отрицательных (болезненных) особенностей и чувств, от лени до ненависти. Весьма трезва и реально-типологически оправдана старая уже мысль о том, что *mostъ, *мост* – это 'то, что брошено, перекинуто', то есть *mostъ – от *mesti 'бросать', причем другие этимологии (от названия мачты?) только затемняют дело. Необыкновенно богато глагольно-именное гнездо *motati, *мотать*. Здесь нет особого простора для этимологии, но зато раздолье словообразовательных связей, взять хотя бы исконное, старое диалектное *motorъ, *motorьnъjь – о подвижном. Достаточно и сложений – *motovęzъ, *motovǫzъ,

motovidlo. По-прежнему проблемой в себе остается такое фондовое слово, как *mądo, все же тяготеющее к обозначениям мудрости, умственной силы, мужского начала – *mądrъ, *мудрый*, и.-е. *men-. Другое разросшееся лексико-семантическое гнездо – *mąka I, *мука́* и производное акутовое *mąka II, *му́ка*, давнее родство которых с *męk-, *мягкий* все же отчетливо просматривается, внесло свой заметный вклад в славянский словарный состав, главным образом по линии новообразований. Так, на семантической базе 'му́ка, мучение' вполне логично надстроились новые значения 'приобретение, имущество', даже 'домашний скот'. Праслав. *mǫžь, *муж* < и.-е. *manu- 'человек, мужчина' возвращает нас – в дальней перспективе – к исходному *men-, которое синкретически связано и с мыслительной деятельностью, и с мужской силой. Глагол *mъrdati, в основном – южнославянский, спорадически в других славянских ('шевелить, двигать'), оказывается производящим в отношении имени *mъrda – русск. *морда*, в других языках – 'гримасы' и другие экспрессивные значения. Так отпала необходимость в старой формальной этимологии из ир. *mərəδa- 'голова'.

Сгустком сведений по исторической грамматике представляется статья *my, *мы*, тем более что местоимения – это область, где индоевропейское унаследованное и инновационное славянское переплетаются наиболее выразительно. Из всех известных этимологических попыток истолкования *myslь, *мысль* мы отдаем предпочтение реконструкции связи с *men-/*mon-, и на этот раз оговаривая родство не только с номенклатурой мыслительной деятельности, но и атрибутами мужа, мужчины. Дело не ограничивается семантикой 'обладающий доброй мыслью' – *Dobromyslъ* и т.д., но доходит до прямых указаний на возможную синонимичность *myslъ = *mǫžъ, о чем также писалось в недавнее время. Наглядным примером того, как лексика самой высокой мыслительно-духовной сферы – 'воображение, фантазия, мечта' – берет начало в лексике экспрессивной – 'мерцать, сверкать' – служит слово *mьčьta, *мечта*. Не так часто встречаются слова **с одним значением,** каково праслав. *mьlčati, *молчать*, что затрудняет, но отнюдь не исключает семантическую реконструкцию. Глагол *mьrknǫti, *меркнуть* – о постепенной утрате света и наступлении темноты – оказывается связан с экспрессивной лексикой мерцания, чередования проблесков света и темноты. Прилагательное *mьrtvъ, *мертвый*, разделившее наращение вторичного элемента *-v-(-u̯-)* на продолжение и.-е. *mr̥tos под влиянием парного *živъ, и.-е. *gʷīu̯os с лат. *mortuus*, – хороший аргумент в пользу непрерывности и конкретности связей славянского и индоевропейского и его диалектов. Важный термин древности, *mьstь, *месть* изучен в отношении своего генезиса, по-видимому, еще недостаточно. Во всяком случае обычное его толкование как *mьt-tь, в связи с лексикой мены, обмена из *mьt-, *mit- вряд ли можно будет сохранить, сохраняя одновременно идею близости *mьstь и *mьzda, *мзда* 'плата, награда, вознаграждение'. Статья *na davěse, русск. диал. *надо́весь, нады́сь* 'недавно' включена в праславянский фонд, исходя из предположения древности словосочетания, которая как будто просматривается по спорадической замене *oi* (*nadoisь) > *y*, случай, полезный почти наблюдаемой природой *y* как первоначального дифтонга. Словарь не упустил возможность кодифицировать еще одно словосочетание, *na dvorъ (сербохорв., русск., блр. примеры) 'на двор, наружу', потенциально древний оборот, вместе с тем фиксирующий некоторую продвинутость культурного уровня (*domъ i dvorъ), тогда как в чем-то синонимичное праслав. *vъnъ 'вон, наружу', видимо, более архаично своей расплывчатостью (: др.-инд. *vánam* 'лес') и отсутствием намека на двор, подворье. Словосочетание *na jьzustь, *наизусть* рассматривается в своих отличиях от якобы синонимичного *na pamętь, *на память*, притом что первое из них означало запоминание / воспроизведение наобум, не подумав, тогда как *na pamętь обозначало разумное припоминание. Славянское слово *nabozězъ (словен., чеш., в.-луж., н.-луж., польск. диал.) 'сверло' замечательно своей географией (ср. и прилагаемую карту),

представляет собой раннее германское заимствование, как бы тяготеющее к Центральной Европе. По-своему любопытно своей лексической семантикой слово **nabyti* 'овладеть, приобрести, добыть', притом что семантика исходного **byti* умещается в рамках значения 'быть, существовать'. Не лишено интереса географическое распределение двух синонимов 'надежда' – **nadedja*, более архаического и периферийного и **nadědja*, относительно более молодого и центрального (карта также приложена). Сложение **nadoba* с простейшим исходным значением 'надобность' почти повсеместно наделено вторичными значениями 'сосуд, посуда, домашняя утварь'. Еще несколько примеров на *na-*, *ne-* и *ob-* уже привлекались в начале нашего обобщения.

Подведем итоги. За тридцатью годами издания ЭССЯ 1–30 стоит сорок и более лет его подготовки (вспомним полушутливые слова Абаева – из эпиграфа, выше – о сорока годах, требующихся для подготовки этимологического словаря...). Наступает и время оценки и самооценки. При этом, возможно, уместным окажется такой атрибут, как **неровность.** Абсолютную ровность изложения да и уровня при объеме десятков томов и десятков ушедших лет, которые меняют даже одного и того же человека, кажется трудным, невозможным обеспечить, даже если бы автор был один. Что же говорить о коллективе. Словарь – отражение создавшего его человека. О своем труде судить нелегко. Думаю, что это удалось опять-таки одному Абаеву, который со всей нелицеприятностью и свойственной ему величественной смелостью говорил в былые годы о своем завершенном словаре: "Нельзя сказать – полная неудача. Можно говорить о неполной удаче". Это верно и справедливо, и никто из нас пишущих не вправе претендовать на какую-то более высокую оценку своих трудов. Поэтому, следуя примеру древних, попросим Читателя снисходительно отнестись к встреченным неточностям и другим недостаткам. Может быть, это поможет читающему сосредоточиться и на некоторых достоинствах, из которых я бы выделил, что то, что мы сделали и делаем дальше, – это первый в науке опыт **праязыковой лексикографии вообще.**

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2002

© 2002 г. Т.М. НИКОЛАЕВА

"СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ" ЯЗЫКА: ПОПЫТКА ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ*

1. Идея существования разных видов языковой "памяти" в последние годы становится все более активной: говорят о "культурной памяти", об "исторической памяти", о памяти "генетической" [Яковлева 1998; Добродомов 2002][1]. В настоящей статье я хочу обратить внимание еще на один вид языковой памяти, который я предлагаю назвать "скрытой".

Что же такое "скрытая память" языка? Как можно предположить, она существует в нескольких вариантах.

Первый ее тип. Описание его предлагается одновременно с позиций перцептивно-коммуникативных и с позиций метатеоретических. Более конкретно, речь идет о тех случаях, когда в речевом употреблении сосуществуют два как будто бы свободно заменяющихся в коммуникации варианта (лексемы, грамматические формы, синтаксические модели и т.д.) и при этом носитель языка не может ответить на вопрос, чем они различаются в употреблении. Не может на этот вопрос ответить и лингвист-кодификатор (т.е. в описании языка представлены только пометы вроде "вариант", "разг." и под). И только пристальное исследование большого массива данных позволяет выявить некоторую интерпретацию их различения, существующую в виде "тенденции", а не грамматикализованной обязательной модели. И эта интерпретация ведет к диахроническим исследованиям, иногда очень глубоким по хронологии. Отметим, что наблюдаемые тенденции обычно не сообщаются студентам-филологам, аспирантам, проще говоря, – не являются фактами обыденного научного знания.

Таким образом, в исследование вводится и фигура лингвиста-синхрониста. Личность носителя языка уже давно активно фигурирует в психолингвистике как особой области языкознания и даже является ее эпистемологическим центром. Введение в интерпретацию также и лингвиста представляется в настоящее время концептуально оправданным. Таким образом, в исследование можно ввести еще один компонент: это данные лингвистики же, т.е. показания-описания самих лингвистов. Правда, может существовать довольно осложненная ситуация, когда некие факты знает историк языка, но никак не соотносит с современным состоянием, не видя в нем рефлексов прошлого, и наоборот. Естественно, что когда "скрытая память" языка оказывается "раскрытой", она становится тоже фактом обыденного научного знания.

Другим обязательным для "скрытой памяти" первого типа феноменом может быть

---

* Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: № гранта: 01-06-80-447 и проекта № 8877 сотрудничества Российской Академии наук и CNRS (Франция).

[1] Считаю необходимым сказать в самом начале статьи о том, что значительное большинство исследований – в особенности, зарубежных коллег, которые, судя по их названию, имеют непосредственное отношение к развиваемой здесь концепции и, возможно, ее и излагают, оказалось для меня абсолютно недоступным из-за организации работы в наших библиотеках. Поэтому я заранее приношу извинения потенциальным моим единомышленникам, работы которых известны мне только из библиографических сносок.

признана "наивная" (в буквальном смысле) реакция носителя языка (и даже филолога) в том смысле, что "можно сказать ведь и так, и так" или "а если вместо В сказать А, то ведь тоже будет правильно" и т.д. Иными словами, речь в этой нашей работе не идет о лингвистике, описываемой в строгих терминах "можно–нельзя", как это делалось в течение многих лет.

Чем же отличается излагаемая концепция от имеющего давнюю историю рассмотрения рефлексов диахронии в одном языке и генетических совпадений в нескольких? Тем, что подобные описания таких рефлексов, как, например, древних склонений типа *мать – матери, дочь – дочери*, – это не скрытая память. Описание диалектной дистрибуции ѣ на месте дифтонгов – это не скрытая память. Объяснение того, почему в одних случаях имеет место "беглая гласная" (*лоб – лба*), а в других – нет (*дом – дома*), это тоже не скрытая память. Почему? Потому, что лингвисты об этом знают и даже пишут в учебниках для филологов и в нормативных грамматиках. То есть, эти факты входят в обыденное научное знание.

Второй тип того же явления-феномена. Категориальные формы, например, у одной и той же лексемы, различает некий формант, который не воспринимается и не описывается как носитель какого-то самостоятельного значения. Между тем обращение к диахронии показывает, что значение именно этого форманта предопределяет описанные различия данных категориальных форм.

Третий тип. Предполагается для синхронного состояния, что все языковые воплощения одной и той же единицы языка, лексемы, например, диктуются ее современным обликом. Переход к иному виду ее манифестации, воплощению на другом языковом уровне, неожиданно показывает, что возникает облик предшествующего "далекого" периода. Разумеется, будут приведены примеры на все указанные типы (думаю, что в случае признания моей гипотезы число таких примеров может все время увеличиваться). Нужно также сказать заранее, что наиболее сложным является решение вопроса в тех ситуациях, когда останется неясным, имеем ли мы дело со "скрытой памятью" или с универсалией диахронического плана. А именно – речь идет о содержательных категориях или о внутренней смысловой структуре сложных по составу лексем, которые (категории и смысловые структуры в их различии) остаются неизменными в течение многих лет или даже веков, но меняют свою лингвистическую "упаковку", как бы пробивая себе дорогу в новых обстоятельствах и рядясь в новые одежды.

Материалом в данной работе служат наблюдения коллег (со сделанной ранее оговоркой), мои собственные наблюдения и данные предшествующих моих или совместных со мной публикаций, которые не были еще рассмотрены с излагаемой здесь точки зрения[2].

2.1. Приведем примеры на первый тип. На современном уровне развития языков бывают представлены два варианта употребления личного местоимения 1 лица в речи, то есть: местоимение опускается / местоимение наличествует[3] . К таким языкам выбора принадлежит современный русский. Например, *Люблю грозу в начале мая* (Ф. Тютчев), *Люблю тебя, Петра творенье* (А. Пушкин), но *Я люблю этот город вязевый* (С. Есенин). Подобная бифуркация обычно относилась к сфере "стилистики". Итак, всякий русский может сказать и – *Решил поехать в Конго! – Почему? – Люблю Африку!* и – *Я решил поехать в Конго. – Почему? – Я люблю Африку.*

В отличие от русского, в языках типа польского, испанского, итальянского местоимение как правило опускают (или не вводят) в нейтральной речи. Ср. польские

---

[2] Прежде всего я хочу поблагодарить моего неоднократного соавтора Ирину Фужерон, которая, обладая способностью видеть – в синхронии – содержательные различия там, где обычно видят только легко заменяемые варианты или вообще на эти различия не обращают внимания, во многом способствовала написанию этой статьи.

[3] Строго говоря, можно говорить и об обратном: местоимение вставляется / местоимение не вставляется. Это связано с вопросом о маркированном члене этой оппозиции.

słuham; *jestem dzennikarzem*; *nie pamiętam*, *gdzie ona mieszka*. Однако при противопоставлении и подчеркивании местоимение возникает также и в польском: *A ja od wczoraj mam urlop*; *ja również jestem dzennikarzem*. (Ср. это же и об испанском: "Личное местоимение в функции подлежащего обычно опускается, если нет противопоставления" [Васильева–Шведе 1948: 530]). В этом отношении интересными для нашей задачи были наблюдения Б. Нильссон о функциях эксплицитного местоимения в польских и русских высказываниях [Nilsson 1982]. Автор считает, что эксплицитный местоименный субъект – это "нормальная ситуация" русского языка, тогда как для польского "нормален" нулевой субъект, поскольку польский глагол "обеспечивает необходимую информацию для идентификации субъекта" [Nilsson 1982: 34–37]. Подробно описанная ситуация введения–невведения местоимения 1-го лица **АЗЪ** в старославянские тексты [Ефимова 2002] является тем наглядным диахроническим "отражением", глядя в которое, можно видеть, что современный русский находится как бы на полпути между старославянским и языками типа английского, французского и под.

Итак, при синхронном описании языки можно разделить на языки с употреблением личного местоимения и без[4]. Но необходимо при этом вспомнить, что такая оппозиция существует только в настоящее время: *słuham* и *я слушаю* воспринимается как форма **без** местоимения, противопоставленная форме с вынесенным личным местоимением, а исторически мы имеем право говорить о другой классификации: о языке с грамматикализацией местоимения слева vs. языки с местоимением справа, ибо, например, *-m* в том же польском *słuham* – местоименного происхождения.

Исторические разыскания, как оказывается, дают возможность найти "промежуточный" этап распределения таких местоименных показателей. Так, А.А. Зализняк [Зализняк 1995: 161] пишет, что "для 1 и 2 лиц в берестяных грамотах соблюдается следующий основной принцип: в нормальных случаях употребляется либо модель **далъ есмь** (**виноватъ есмь**), либо модель **я далъ** (**я виноватъ**), но не трехчленная модель **я есмь далъ** (**я есмь виноватъ**)". Действительно, функциональное сходство показателей "справа и слева" для 1 лица на этом периоде русского языка ощущались живо и потому достаточно было только одного из них.

Однако, идя далее, нельзя пройти мимо того, что утверждавшееся выше положение о том, что на раннем этапе возникновения именных и глагольных парадигм языки формировали их путем присоединения (справа – в нашей современной терминологии) местоимения или местоименного "остатка", – это вопрос, по которому литература существует огромная и, судя по библиографическим данным сегодняшнего дня, вопрос этот активно обсуждается и в самые последние годы[5]. Обобщая, можно сказать, что представлены две точки зрения (и, соответственно, две научных школы). По одной из них, словоизменительные флексии – как глагольные, так и именные – возникли из местоименного характера добавок, которые одни считают местоименными частицами, дейктическими частицами и т.д. Важно, что в этом случае речь идет о соединении двух **значащих**, т.е. имеющих свою семантику, компонентов. Например, уже К. Уленбек в 1901 г. отметил, что показатель субъекта *-s-*, по-видимому, является постпозитивным артиклем, восходящим к местоимению *-*so*. А. Эрну [Эрну 1950] прямо возводит окончания именительного и родительного множественного числа

---

[4] Разумеется, предлагаемая классификация является сильно упрощенной. Так, например, при отрицании во французском разговорном языке местоимение опускается: *Je sais – Sais pas*. И все-таки видно, как "свой" язык коммуникации влияет даже на самых великих лингвистов, начинающих считать обязательным только "свое". Так, например, Э. Бенвенист, говоря о том, что в научном трактате *я* и *ты* могут не встречаться, пишет, что "трудно вообразить даже короткий разговорный текст, где бы эти местоимения не были употреблены" [Бенвенист 1974: 286].

[5] Так, судя по общим библиографическим источникам, много работ о происхождении и.-е. флексий написано К. Шилдсом (K. Shields), но для меня пока они оказались недоступными, кроме статей [Шилдс 1988; Shields 1997; 1998].

второго и первого склонений латинского имени к указательным местоимениям [Эрну 1950: 49]. Таким образом, полагают, что флексии – это, как правило, застывшие местоименные (или вообще – партикульные) элементы. Подробно эта идея излагается А.Н. Савченко в специальной монографии [Савченко 1960]. Как он считает, первое лицо глагола связано через окончание с личным местоимением, а второе и третье – с местоимениями указательными: **so-/*to*. Комплекс "основа + флексия" обычно бинарен, но в действительности местоименный компонент может пронизывать более протяженные отрезки. Так, Ю.С. Степанов, автор важной теории "длинного компонента" пишет: "В современных индоевропейских языках повторяющимся элементом обычно служат разнородные члены синонимического ряда... В древних индоевропейских языках повторяющимся элементом часто является какая-либо специальная дейктическая частица... **1. -v-//-m.*; **2. -t-*; **3. -n-* – дейксисы трех лиц – участников акта речи" [Степанов 1989: 73]. В. Шмальштиг, обсуждая еще более далеко ведущую идею П. Кречмера о том, что и.-е. не-презентные глагольные форманты *-s-*, *-t-*, *-v-*, *-k-* были первоначальными показателями глагольного объекта, высказывает мысль о том, что форма медия на **-to* "есть в действительности дейктическое местоимение **-to*, присоединенное к корню, как правило в нулевой ступени" [Шмальштиг 1988: 267] и далее: "я остановлюсь на различных формах местоимений и на том, как они постепенно превращались в глагольные окончания" [Шмальштиг 1988: 275].

Строго говоря, положение о "местоименности" глагольных флексий есть чистая условность описательности: более точно, нужно говорить о том, что и местоимения, и глагольные флексии восходят к общему для них протоэлементу, являющемуся как правило дейктическим показателем (см. такую точку зрения [Shields 1997]). Подобный взгляд восходит к той точке зрения на реконструируемый и.-е. язык (the new image of I.-E. morphology), согласно которой первый этап развития и.-е. языка не был флективным, а на синтаксическом уровне – соединялись компоненты диффузной семантики. Частицеобразные партикулы при этом объединялись в ансамбли разных семантических оттенков[6]. Эта точка зрения вполне разделяется автором настоящей статьи.

Согласно другой школе, показатели именуются "расширителями", "формантами", "аргументами" и т.д. И вопрос о наличии у них первичного автономного значения не то, что бы отрицается, но и не ставится. Например, И.М. Тронский категорически осуждал в указанной выше книге А. Эрну идею "местоименности" глагольных и именных флексий[7] и в своей собственной книге [Тронский 2001] говорит о флексиях только как о "личных окончаниях".

Существенно, что принимая тезис о местоименно-партикульном возникновении словоизменительных флексий, мы не можем пройти мимо и той идеи, что и в самой глубокой древности вынесение в начало местоименного компонента (в виде полного и/или ударного) означало его подчеркивание, противопоставленность. Идеи этой придерживались многие историки языковой древности. Вариантом того же можно считать постпозитивное употребление так называемых кратких, или энклитических, форм местоимений в противопоставлении "полным" формам. За "полными формами" сохранялось употребление в эмфатической функции, т.е. подчеркивания и/или противопоставления: "Наряду с полной парадигмой ударных форм существует неполная парадигма энклитических форм" [Елизаренкова 1982: 241]; "Энклитические формы личных местоимений употребляются в тех случаях, когда не делается смыслового акцента на категорию лица (так они не употребляются при противопоставлении граммемы одного лица другому, а также с эмфатическими частицами)" [Елизаренкова 1982: 243].

---

[6] Подробный анализ таких комбинаций для берберских языков см. [Allaona 1997].

[7] См. примечание И.М. Тронского к с. 30 книги А. Эрну (раздел "Окончания") «Теория "местоименного" происхождения окончаний именительного и родительного падежей множественного числа в первом и втором склонениях, предположение об исконной долготе *ōm* в родительном падеже множественного числа вызывают серьезное сомнение» [Эрну 1950: 30].

Скрывается ли какая-нибудь содержательная категория за современным различием (языки с местоимением и без него)? Как объяснить это различие в употреблении людям, изучающим русский язык? Этому вопросу посвящено уже несколько работ Ж. Брейяра и И. Фужерон [Брейяр, Фужерон 2001; Breuillard, Fougeron 2001]. У авторов этих статей существует несколько концептуальных соображений по вопросу выбора/невыбора местоимения. Так, *Я* всегда ставится в предложениях с противопоставлением, вводимым через *А*, так что практически как бы возникает слитный комплекс *АЯ*, который орфография, правда, не допускает. Ср. *Говорите с моим отцом сами, а я не стану* (А.П. Чехов): **Говорите с моим отцом сами, а не стану. А*, требующее обязательного *Я*, может быть представлено и не в контактном комплексе *АЯ*. Например, *Прогуляемся по течению верст пять-шесть, потом я останусь, а вы вернетесь* (Домбровский). Здесь дистантное противопоставление представлено в одном высказывании. Оно может быть и в двух простых: *Ведро твое в кухне стоит – я в нем не мою. А Панька моет* (И. Грекова).

Я употребляется при наличии внутри высказывания других местоимений[8]. *Но я хотела, чтобы он, отбывая наказание, знал, что я его жду, что он мне нужен* (А. Маринина). *Я* употребляется при наличии противопоставления, хотя бы выраженного и не через *А*, вообще – любого эксплицитного противопоставления. Противопоставление может быть достаточно развернутым: *...Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура* (А.П. Чехов). Оно может быть вызвано переменой топика. Так, Треплев после развернутого монолога о кризисе искусства и одновременной критики матери-актрисы говорит: *Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно (Смотрит на часы). Я люблю мать, сильно люблю, но она ведет бестолковую жизнь...* (А.П. Чехов). Здесь введение *Я* демонстрирует несогласие с возможным выводом дяди (Сорина) о том, что Треплев просто не любит мать.

Именно такую аналогичную ситуацию отмечает для польского и Б. Нильссон: эксплицитные местоимения характеризуют конструкции противопоставленные (adversative constructions), даже и при отсутствии соответствующих союзов [Nilsson 1982: 54].

Напротив, существуют коммуникативные штампы, в основном публично-этикетного характера, когда *Я* как раз не употребляется. Например, *Объявляю заседание открытым; Прошу разойтись; Стреляю; Считаю выборы не состоявшимися* и под. В этих случаях подобные реплики обычно принадлежат Начальнику (Председателю) или другому "облеченному" лицу. *Слушаю вас, – важно заметил мэтр неожиданно высоким тенорком* (А. Маринина). Но можно сказать *Прошу слова* и *Я прошу слова*. В чем разница? Юному русскому, пожалуй, объяснить ее трудно. Нашему поколению довольно просто. *Прошу слова* обычно говорил человек, о выступлении которого было как правило известно заранее, а *Я прошу слова* – часто бывало неожиданностью: *Ну, что там у вас? Вы, имя рек, чего хотите? – Я прошу слова.*

Последний пример подводит нас к интерпретации тех случаев, когда выбор возможен. Анализ русских высказываний с *Я* и без *Я*, рассмотренных в их связи с предыдущим контекстом, как явным, так и имплицированным, показал, что содержа-

---

[8] Интересно, что для старославянских текстов В.С. Ефимова подобных случаев не отмечает [Ефимова 2002], тогда как употребление местоимения при *А* и/или противопоставлении в них практически обязательно. Это значит, что в диапазоне употребления *Я* есть устоявшиеся семантические универсалии, требующие обязательного воплощения, и грамматикализованные – возможно, в каждом языке индивидуально – поверхностно-синтаксические комбинации.

тельной категорией, определяющей употребление личного местоимения, является **согласие/несогласие с горизонтом ожидания Другого**[9]. Этим Другим в принципе может быть и сам коммуникант. *Люблю хороший чай!* – восклицает человек, приступая к чаепитию. Это он говорил уже не раз (возможно, и самому себе). *Я люблю хороший чай* может сказать он же, объясняя гостю, почему чай заваривается так долго[10]. В самых простых диалогах на вопрос *Ну, ты идешь?* возможен ответ *Иду-иду*, т.е. конечно, иду, или *Я иду* (возможно, с некоторой раздраженной интонацией; *ты думаешь, что я копаюсь, а я иду*).

В диалогах вполне возможно несколько высказываний от первого лица, но в одних есть *Я*, а в других – нет. Например, посмотрим на диалогический фрагмент из повести И. Грековой (приведен в работе [Брейяр, Фужерон 2001]):

– Марианна с минуты на минуту должна вернуться Я звоню без нее чтобы не причинять лишней боли Понимаешь?

– Понимаю.

– Я теперь должен быть здесь Может быть долго к тебе не приду Может быть совсем Понимаешь?

– Я все понимаю

Первый пример: *Я звоню* – имплицитное противопоставление *ей*. Второй – *Понимаю*: это коммуникативное согласие в пределах микроконтекста, двух реплик Третий: *Я все понимаю* можно трактовать как: "Я понимаю гораздо больше, чем ты думаешь и хочешь сказать".

В монологе одного и того же человека *Я*-конструкция может сменяться конструкцией без *Я* и это будет выражение подтверждения, согласия с самим собой в функции Другого. См. у А.П. Чехова: *Нина Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего. Я люблю его Я люблю его даже сильнее, чем прежде Сюжет для небольшого рассказа . Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю*

Известно, что именно *Я*-конструкции в большинстве европейских языков передают именно подчеркнутость, противопоставленность, т.е. *Я*-а-не-Другой.

Это противопоставление подчеркнутости/неподчеркнутости, нейтральности, легко увидеть в монологах в пьесах. См. у А.П. Чехова ("Чайка"):

Аркадина (Маше) Вот встанемте. . Евгений Сергеич, кто из нас моложавее?

Дорн Вы, конечно

Аркадина Вот-с. . А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно в суете, а вы сидите все на одном месте, не живете

Аркадина полемизирует с Машей, с ее стилем жизни. А вот Тригорин описывает свою жизнь Нине, не полемизируя с ней, а ища внутреннего согласия, понимания: *..каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть Вижу вот облако, похожее на рояль Думаю, надо будет упомянуть где-нибудь в рассказах, что плыло облако, похожее на рояль Пахнет гелиотропом Скорее мотаю на ус приторный запах, вдовий цвет, упомянуть при описании летнего вечера Ловлю себя и вас на*

---

[9] Этот вывод принадлежит Ж. Брейяру и И Фужерон.

[10] Метатеоретическим подкреплением этого положения можно считать интересные в теоретическом плане данные Й. Хельмбрехта [Helmbrecht 1999] о принципиальной противопоставленности 1-го лица остальным лицам. Эту изначальную противопоставленность он прослеживает на материале самых различных "экзотических" языков современности Важно и то, что он подчеркивает "идиорефлексию" говорящего. "Только говорящий сам знает все о себе и может не сомневаться в своих ощущениях и реакциях" [там же: 295]. Диахронические данные – в частности, как показывает Й Хельмбрехт то, что категория рода связывается с 1 лицом не первоначально, ибо говорящий сам знает, какого он пола, – снимает частые возражения лингвистов "парадигматической ориентации" о том, что все 3 лица нужно описать в их дискурсивной установке как единую модель

каждой фразе, на каждом слове и спешу скорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовую – авось пригодится!

Ориентация на горизонт ожидания собеседника связана не только с подтверждением/неподтверждением его мнения (ожидания), но и, естественно, с введением в коммуникацию принципиально **нового** по информации сообщения[11]. Поэтому абсолютно инициальное сообщение – начало романа или повести, например, часто начинается с *Я*-конструкции. При этом *Я* может возникнуть и при рассказе о будущем своем поведении: – *Ты не забыла, как нужно отвечать на вопросы? – Нет, я помню Я не вмешиваюсь в политические дела мужа, мое дело – хранить семейный очаг и быть тебе крепким тылом, а твоя первая жена меня не интересует Я прекрасно готовлю, умею принимать гостей, собираюсь родить тебе не меньше трех детишек* (А Маринина)

Прежде чем перейти к более общим построениям, необходимо обсудить две лингвистических сущности: в плане выражения и в плане содержания. Первое. Какова семантика "вынесения" лингвистической единицы вперед, ближе к началу высказывания? Существуют ли на этот счет устоявшиеся лингвистические воззрения? Да, существуют. Передвижение элемента ближе к началу (более "слышному" перцептивно-акустически) всегда связывается с его подчеркиванием, неким противопоставлением чему-то другому. Еще А. Мейе писал как об общем для и.-е. языков положении, что "греческий язык лучше всего сохраняет индоевропейский обычай ставить на первом месте главное слово" [Мейе 1938: 369].

Второе. Что, собственно представляет собой, глядя из прошлого, русское Я? Относительно него мы имеем прямое высказывание в ЭССЯ [ЭССЯ. Вып. 1:101], где говорится о факте "несомненно эмфатического употребления и.-е. **egom*" (то есть *Я*. – *Т Н*), что не позволяет никак (такие идеи были) приписывать ему древнее влияние со стороны личных форм глагола.

Как показывает этимологический анализ [ЭССЯ. Вып. 1: 100–103], *Я* [ja] соотносится с аналогичной формой (идентичной?) во всех славянских языках: ст.-сл. **азъ**, болг. *аз*, макед. *јас*, чеш. *ja* и т.д. Более широко оно связано с др.-инд. *ahām*, авест. *azəm*, арм. *es*, лат. *egō*, греч. *ἔγω*, лит. *àš* и т.д. Односложную форму русского *ja* Р. Якобсон объяснял как моносиллабический вариант двусложного *jазъ*. Говоря кратко, судя по данным ЭССЯ, актуальными проблемами для интерпретации этой формы являются: сведение воедино функционально инициального *е* и *а*, реконструкция консонанта. *eg* или *eg(h)*, а также возникновение начального *j* (или его исчезновение) Последний пункт тоже очень интересен. В указанной статье в ЭССЯ О.Н. Трубачев полагает, что *j* как вставка возникло, чтобы избежать зияния, так как очень частой в речи была конструкция с *А* (см. современные русские примеры) и тогда было бы *а + а > аа* (то же выяснилось и в устной беседе с О.Н. Трубачевым). Однако возможно предположить, что **j*-восходит здесь к релятивному форманту, соединяющему части высказывания[12]. Важное для нашей концепции дополнение находим и в статье К.Г. Красухина [Красухин 2001]. См. у него: "Частица *o/jo*, стоявшая в начале предложения (колона) в крито-микенских текстах, обладала сильным фразовым ударением. Это не морфема генитива, а частица, функционально подобная **de*, т.е. выражающая **противопоставление предшествующей конструкции** (выделено мною. – *Т Н*) и направленность на последнее сообщение" [Красухин 2001: 129].

---

[11] Именно поэтому существенно наблюдение В.С Ефимовой [Ефимова 2002: 3–7] о том, что в евангельских текстах с **АЗЪ** начинаются реплики Христа, несущего **новую** весть, также с **АЗЪ** вводятся реплики самоидентификации, столь характерные для евангельских текстов

[12] Так, еще Я Гонда говорил о том, что относительное местоимение **jo* имело и чисто разделительный характер [Gonda 1954–1955: 1].

В целом же О.Н. Трубачев склоняется к идее метатезы: *jьza < *azъ, объясняющей происхождение этой формы. Но сейчас более существенно для нашей работы его утверждение о том, что *Я* возникло как свернутое во времени выражение – оборот: *egom < *e + go + me 'вот я' ('It is me'). Итак, *Я* в первоначальном употреблении – это вынесенный вперед катафорический местоименный комплекс. Но нужно сказать, что после работы над книгой о частицах [Николаева 1985], не зная о более раннем выводе О.Н. Трубачева, я пришла к мысли о том, что *Я* представляет собой свернутый оборот: '*вот + он + я*' [Николаева, 1986]. Согласно этой моей гипотезе, исходный вокализм *E/A* трактовался как начальная частица-приступ (как *э-* в *э-то*), а консонант *г/з-* относился не к частице, а к третьему лицу глагола как *jego*, *m-* показатель первого лица. То есть, предлагалась реконструкция 'это + он + я'. Интересно, что подобное выражение, сходное по семантической структуре, но не идентичное лексически, а именно *вот он(а) я*, *я вот он(а)* и сейчас используется русскими как реплика-ответ на вопрос *А где X?*, хотя у школьников подобный ответ как правило пресекается.

Несколько иные идеи высказаны О. Семереньи [Семереньи 1980: 231], который, рассматривая корреляцию начального *egō/eg(h)om/-*em-/*m, пришел к выводу, что личным окончанием глагола было именно *-m*, а не *eg(h)*, так как *-m* было более ранним. "Следовательно, значащим элементом в номинативе является не *eg(h), а *-om*; *eg(h) – это элемент, который в качестве префикса присоединялся к местоимению *em". Действительно, многие категориальные формы, связанные с 1 лицом, имеют в составе прежде всего *-m*, например, *м-ой*. Это форма была иначе интерпретирована В.Н. Топоровым (ср. [Топоров 1992] и более поздние его работы). Обращаясь к этой форме, реконструируемой им как *eg'hom, он пишет: "и.е. *eg'hom*, как бы его ни членить... состоит более чем из одного элемента, из двух по крайней мере" [Топоров 1992: 131]. Соглашаясь с тем, что первым элементом является дейктический элемент (**e-*, **H'e-*, **H'ei-*, **H'i* и т.п.), а вторым – усилительная частица (*-*g'h-*, *-*gh-*), он основное внимание уделяет последнему элементу с *-m*, развивая далее идею совместного существования в синтагматике этой указанной формы и формы *men-, которое выступает в родительном падеже и обычно трактуется как супплетивное образование для косвенных падежей местоимения 1 лица. Это **men* в свою очередь соотносится В.Н. Топоровым с корнем "общементального" значения, "тонкой духовной субстанции", (противопоставленном *ты*, соотносимом с субстанцией более грубой). Тем самым, по концепции В.Н. Топорова, сначала, в виде интродукции, вводится 'вот моя здешность', то есть *вот я*, а затем это *я* поясняется через *men-, то есть *я* атрибуируется.

Очень интересно, что с выводами В.Н. Топорова можно соотнести недавние наблюдения Г.А. Золотовой [Золотова 2000] о том, что в русском *Мне хочется* (которое рассматривается ею в противопоставлении с *Хочется*) *мне* является полноценным субъектом высказывания, но выражающим не активное действие, а "инволютивную маркированность" [Золотова 2000]. Более того, утверждения Г.А. Золотовой интересно сравнить со специальной работой, где прослеживается социолингвистическая история двух конструкций *I think* и *Methinks* [Palander-Colin 1998] в среднеанглийском и на раннем этапе современного английского. Автор приходит к выводу, что *I think* как более категорическое высказывание свойственно "элитарным" слоям населения, а более колеблющееся по решительности *Methinks* употребляли в основном купцы и более низкие слои. То есть эти выводы полностью совпадают с положениями Г.А. Золотовой о волютивной и инволютивной маркированности.

Однако и до сих пор общепринятым является положение о "супплетивности" склонения местоимения 1-го лица, когда эта форма **men/man* считается принадлежащей только генитиву. См. у Д.И. Эдельман: «Такие (посессивные. – *Т.Н.*) конструкции

строились по модели оборотов, зафиксированных в древнеперсидском: **ima...mana // mai kartam (asti)* "это сделанное у меня есть"». Здесь по мнению автора, логический субъект выражен генитивом местоимения 1 лица *mana* [Эдельман 2001].

Но для нас существенно наличествующее практически во всех указанных работах утверждение о "композитном устройстве" нашего *Я*, которое – первоначально – подчеркивало активное объявление "сиюминутности" и актуальности делаемого заявления. С этим сопоставляется и анализируемая К. Шилдсом [Shields 1998] первоначальная структура другой и.-е. формы 'Я', восходящей к хеттскому *μk* и затем продолженной в германских языках, многое в местоименных формах которых К. Шилдс считает реликтовыми. Форму *μk* К. Шилдс объясняет как контаминацию уже "ослабленного" первоначального дейксиса **u* с дейктической частицей **k(e/o)*, "обладающей значением 'here and now'" [Shields 1998: 46]. То есть это тоже первоначально композитная форма, с тем же самым значением, что и форма *Я*. По нашему мнению, это тот сложный пограничный случай, когда трудно отличить "скрытую память" от семантической диахронической универсалии.

Таким образом, начальное высказывание без *Я* носит характер интимизации, доверительного подтверждения где-то ранее высказываемой идеи, возможно даже и прежних собственных размышлений. То есть именно такова семантика фраз *Люблю грозу в начале мая* или *Люблю тебя, Петра творенье*. Напротив, С. Есенин предполагает, что кто-то может не любить его город, и сам понимает, почему: *хоть обрюзг он и обдряб*, но настаивает: *Я люблю этот город вязевый...*

Заканчивая обсуждение этого примера, хочу подчеркнуть идею, что высказывание с *Я* при глаголе как бы "помнит" первоначальную давнюю функцию *Я* быть интродуктивным компонентом, вводящим новое, не присоединяющееся к предыдущему и – тем самым – часто ему противопоставленное высказывание, что в настоящее время для слова *Я* никак не фиксируется и нигде об этом в нормативных грамматиках не сообщается.

2.2. Другой пример. Если обратиться к современным описаниям русского языка и посмотреть, говорится ли в них о каком-либо принципиальном различении союзов *хотя* и *хоть*[13], то обнаруживаются три варианта квалификации их соотношения: 1) *Хотя* (*хоть*) – это значит, что обе лексемы объявляются полностью синонимичными; 2) *Хотя* (разг. *хоть*) – в этом случае *хоть* квалифицируется как стилистический (или стилистико-функциональный) вариант *хотя*; 3) *Хотя, хоть* – это перечисление через запятую сообщает как будто бы о некоем их различии, но само оно не сообщается.

Действительно, *хотя* и *хоть* кажутся вполне взаимозаменимыми, с учетом того, что *хотя* гораздо более частотно в употреблении[14]. Однако, если рассмотреть большой массив примеров, то становится очевидно, что в одном случае, скорее, будет сказано *хоть*, а в другом, скорее, *хотя*. Например, *Хоть вы и поступили со мной по-свински, но я не сержусь* (вряд ли *хотя*); *Он подолгу оставался на работе, хотя у него и дома был компьютер* (вряд ли *хоть*); *Она какая-то неинтересная, хоть и красавица* (скорее, *хоть*); *Я продолжал бежать, хотя силы уже иссякали* (скорее *хотя*).

Напрашивается гипотеза, что *хотя* предпочитает появляться при описании параллельных акциональных процессов, состояний или поступков. В свою очередь *хоть* связывается уже с иным распределением временнóго статуса. Оно возникает, когда высказывание передает некий известный или достаточно стабильный статус явления:

---

[13] Излагаемые далее соображения опираются на материалы статьи автора совместно с И. Фужерон [Николаева, Фужерон 1999].

[14] Кроме того, различны и ритмические возможности этих двух слов. Например, *Хоть видит око, да зуб неймет*. Здесь очевидно, что выбор лексемы диктуется ритмом.

статус сегодняшнего дня (но не актуальное действие); наконец, действие, обращенное в прошлое или в будущее.

С этой точки зрения мною были просмотрены примеры из существующих "академических" грамматик русского языка, где примеры на *хотя* и *хоть* даются обычно вперемешку. Оказалось, что выдвигаемая гипотеза вполне "работает". Приведем несколько таких примеров. *Я обрадовался, увидев родной город, хоть он и был неласков ко мне* (Ф. Шаляпин). Здесь *хоть* соотносится с известным прошлым состоянием: *Вы хоть и мастер угадывать, однако же ошиблись* (Ф. Достоевский) – в этом примере передается известный и постоянный статус актанта; *Иван Степанович, хоть и был инструктором по спорту на этой гимназической площадке, был все же в преподавательском персонале и ходил в учительской тужурке и фуражке* (Ю. Олеша) – и здесь идет речь о постоянном статусе персонажа. Приведем несколько примеров на *хотя*: *Учился он порядочно, хотя часто ленился* (И. Тургенев) – передается одновременность протекания акциональных процессов; *Мой репертуар стал мне казаться заигранным, неинтересным, хотя я и продолжал работать, стараясь внести в каждую роль что-то новое* (Ф. Шаляпин) – также описываются два одновременно протекающих процесса.

Чему же соответствуют *хотя* и *хоть* в истории русского языка? Мне была предоставлена возможность воспользоваться материалом Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка РАН. Материал показал, что анализу должны подлежать не два слова, как в современном русском языке, а три: *хотя*, *хоть*[15] и *хоти*. В статье [Николаева, Фужерон 1999] приводится много примеров из Картотеки на употребление этих трех слов, включая и ситуации, когда эти лексемы имеют разнообразные распространители (*бы, и, будетъ* и т.д.), но сейчас важно привести примеры на передачу акциональных соответствий–несоответствий[16]:

хоти:

а нынѣ тебѣ не тово, хоти еси добрѣ силенъ и крѣпкаго ꙋмыслꙋ;

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вашъ въ то время еще на государстве не былъ, да в томъ лихово нѣтъ ничево;

и говоритъ де, хоти имъ всѣмъ помереть, а за Азовъ стоять крѣпко.

хотя:

прибыльнѣе хлѣбъ ясть хотя не хочется, нежели словъ лживых слушать;

себе ꙋжъ хотя воняю, да иныхъ не соблазняю;

много и нынѣ такихъ, что много обѣщаютъ, а мало даютъ, хотя и кѣдаютъ, что на торгу слова не продаютъ.

Итак, судя по древнерусским данным, *хотя* и *хоти* также различают корреляции акциональных действий: *хотя* соединяет одновременные события, *хоти* же связывает ситуации, разные по совершаемости и акциональному статусу. *Хоти*, судя по своему функциональному статусу, совпадает с современным *хоть*, которое его и вытеснило.

Причем тут тема "скрытой памяти"? Дело в том, что *хотя* по своему происхождению – деепричастие, а *хоти* – форма императива от *хотети*. Естественно, что деепричастие сохраняет, преобразившись в союз-частицу, свойство связывать одновременные события, оно "помнит" свое происхождение. *Хоть* же "помнит" свое недеепричастное происхождение, что легко обнаруживается в выражениях типа *хоть стой*, *хоть падай*; *хоть умри*; *хоть удавись*, *хоть святых выноси* и под., где нельзя употребить *хотя*. Здесь, возможно, выступает отмеченное неоднократно свойство

---

[15] Небезынтересно, что именно число примеров с *хоть* явилось минимальным

[16] В нашей передаче оставляется графический облик материала, сохраняемого в Картотеке.

русского языка образовывать глагольные дублеты вроде *пойди возьми*; *возьми съешь*; *пойду скажу* и т.д.

2.3. Что может способствовать вытеснению "скрытой памяти" из языкового существования? Разумеется, это всеохватывающий языковую систему процесс грамматикализации, когда уже о двух равно бытующих вариантах становится говорить невозможно. В этих случаях "скрытая память" может еще обнаруживаться в субязыковых вариантах: диалектах, особых стилях и т.д.

В этом отношении интересный и свежий материал содержится в статье А.И. Рыко [Рыко 2000], исследовавшей дистрибуцию окончаний 3-го лица презенса в Северо-Западных русских говорах. По ее данным, нулевая флексия презенса противопоставлена в этих говорах флексии 3 лица презенса с *t'* или *t*[17]. В работе приводится очень много фактических данных, свидетельствующих об отсутствии грамматикализации и выбора точного варианта: у одних информантов количественные преференции одни, у других другие. Имеет место и свободная замена одного варианта другим. Меняются количественные показатели и от деревни к деревне. Однако тенденция их функционального распределения явно пробивает себе дорогу среди свободы варьирования. То есть это та именно ситуация, которая, как было сказано вначале, характеризует явления "скрытой памяти". Какова же та тенденция, которую подметила А.И. Рыко? (см. особенно таблицу [Рыко 2000: 129]). Выводы автора таковы: "применительно ко всем этим системам можно говорить о противопоставлении актуальных и неактуальных значений презенса, причем актуальные значения характеризуются *преимущественным употреблением флексии -t*, а неактуальные – преимущественным употреблением флексии – ∅". Что же в данном случае "помнит" каждый из этих двух вариантов? Глядя на данные А.И. Рыко и обращая внимание на "маркированность" в ее работе слова "актуальное" для презенса с ненулевой флексией, мы можем сделать вывод, что это *-t* является местоименным дополнением к глагольной форме именно дейктического характера, подтверждающим "здесь и теперь" совершаемого действия[18]. В литературном русском языке и других диалектах произошло обобщение этих двух вариантов презенса и их унификация, а диалекты описанного А.И. Рыко региона это различие "помнят"[19].

3. Второй подвид "скрытой памяти" языка, как указывалось, это та ситуация, когда категориальные формы, например, одной и той же лексемы различаются при помощи некоего форманта, который уже не воспринимается и не описывается сейчас как носитель какого-то самостоятельного значения. Между тем обращение к диахронии показывает, что значение именно этого форманта предопределяет различия категориальных форм и что семантика этого форманта еще жива и язык ее помнит, хотя и в другой "упаковке".

В многочисленных исследованиях русского (и славянского) неоднократно отмечалось, что в рамках категориальной семантики совершенного вида выделяются два

---

[17] Исследовательница считает твердое *-t* позднейшим субститутом *-t'* < *tь*.

[18] К сожалению, большая, судя по общим Библиографиям, литература по этому вопросу последних лет оказалась для меня недоступной. Более ранняя литература обсуждается в работах Вяч.Вс. Иванова [Иванов 1979; 1979а; 1989 и др.]. Интересные соображения высказаны в исследовании Т. Поленовой [Поленова 2000] о совпадении в местоименности флексий в индоевропейских и енисейских языках. Она, в частности, отмечает: "Представляется возможным предположить развитие личных аффиксов глагола как в енисейском языке, так и в индоевропейском из первичных дейктических частиц с широкой семантикой" [Поленова 2000: 162]. Близки к этому и идеи о параллелях в индоевропейском и картвельском, изложенные К.Х. Шмидтом [Шмидт 1995].

[19] Безусловно, наличие двух этих вариантов является древнейшим явлением в и.-е. языках; отсутствие уверенности в своей подготовке заставляет меня с большой осторожностью встать на "логическую" точку зрения, согласно которой первичной формой и должна была стать форма с нулевой флексией (как аналог casus indefinitus), а укрепление местоимением могло быть только результатом более позднего развития содержательных синтаксических категорий.

значения, которые Г А Золотова называет 'аористив и 'результатив [Золотова 2002][20] Действительно, исчезновение аориста из системы русских глагольных категорий не привело к исчезновению его семантики, хотя элемент результатива, перфектности, и оказывает на него некоторое подавляющее воздействие утрачивается компонент сиюминутности, неожидаемости' происходящего Так, интересно было услышать замечание одного европейского (и православного) русиста о том, что при замене *Христос воскресе!* на *Христос воскрес!* "русские утратили ощущение чуда', поскольку за формой *воскрес* может теперь стоять длительный процесс с объявленным результатом Естественно, что аористная семантика соотносится с соответствующей формой и греческого языка В формах греческого языка инициальным компонентом аориста и имперфекта является аугмент *ἐ-*, который в настоящее время преподается как чисто грамматический формант Однако в свою очередь этот формант Вяч Вс Иванов, вслед за К Уоткинсом, предлагает отождествить с инициальной частицей **e/o* (в палайском и других языках отраженной как **a*) Вяч Вс Иванов разбирая инициальные комплексы в и -е языках, дополняя эту мысль К Уоткинса и широко привлекая славянский материал [Иванов 1979], показывает соответствие этого (ударного!) аугмента указательной инициальной частице (ударной и сейчас! – *Т Н*) *э* в словах *э-то*, *э-тот* и т д Таким образом, аорист и унаследованная от него семантика в современном совершенном виде "помнит" в греческом свою ударность а в славянских языках тоже свое "здешнее' актуальное для сиюминутной ситуации значение Параллельным формообразующим компонентом для аориста является и формант **-s*, формирующий так называемый "сигматический аорист [Бадер 1988] Показатель "сигматического аориста" присоединяется справа и, если принять идею партикулярного происхождения словоизменительных флексий, он может быть не только возведен к тому же **-s* в показателях имени и других формах глагола, но и быть функционально приравнен к анализировавшемуся выше "аугменту *ἐ-*

Легко заметить, что практически все приведенные мною выше примеры в той или иной степени связаны с одной и той же синтаксической категорией, а именно – категорией определенности/неопределенности, которая воплощается то в актуальности, то в действительности, но каждый раз сохраняет привязку к ситуации иногда меняя форму и/или позицию актуализатора

Занятия славянскими частицами-партикулами в целом приводят к мысли что эта категория практически является доминантной в диахронии [Николаева 2000] но языковая история закрепляет за каждым Stammlaut этих партикул более узкое значение Это набор из 12 основных консонантов *-b-*, *v-*, *-j-*, *-s-*, *-z-*, *-t-*, *-d* , *-k* *c* , *m* *n* *l* Но каждый раз образованные от них слова коммуникативного фонда (анафорические, дейктические, местоимения и местоименные наречия и т д) содержат в своей основе вопрос-указание этот? тот? этот или тот? какой? не-этот? и т д

Знамением времени в этом отношении можно считать последние работы Н Ю Шведовой [Шведова 1998, 1999], объявившей именно местоимения окнами в мир действительности (ранее идея их функциональной "заместительности чего то и анафоричности несколько принижала их лингвистический статус)

"Парадигматическая' лингвистика естественно видела все через морфологические очки Возможно, заимствовались и наследовались и парадигмы и формы Но идея о том, что сегодняшняя морфология – это вчерашний синтаксис (и вчерашняя семантика!) может в свою очередь стимулировать обращение к лингвистике непарадигматической

Если процитировать замечательное высказывание В И Абаева о том что каждый язык в своей грамматической и лексической структуре влачит в десемантизированном

---

[20] Вообще исчисление всех типов семантики глагольного вида среди которых многими авторами упоминается и аористная составляющая, сильно отвлекло бы от обсуждаемой в настоящей статье темы Наиболее подробно все трудности в толковании семантики вида глагола на современном этапе изложены в книге [Гловинская 2001]

виде обрывки и клочья мировоззрений прошлого, в сильнейшей степени замаскированные и перепутанные процессами технизации" [Абаев 1995 61], то, как кажется можно предположить, что его высказывание относится во многом к формальным парадигматическим различиям, диахроническим реликтам и т д Идея скрытой памяти – в том, что она не "десемантизирована' и не представлена 'обрывками и клочьями', а где-то подспудно влияет на речевую деятельность

Конечно, принять решение в этом смысле очень сложно Так, например, кажется очевидным, что таким актуализатором, привязкой к настоящему, является *ı в первичных окончаниях и -е глагола (*-mı, *sı, *-tı) в отличие от "вторичных , где это ı исчезает (*m, *s, *t) Но что это за ı? Как оно связано с другими, фонетическими ему близкими элементами формы слова и высказывания? Известно, что *l в свою очередь представлено во флексиях имени (*Gen , Plur и т д) Известно также, что именно оно модифицирует основу, создавая флексии Например, все филологи знают, что форма дательного у существительных женского рода (ѣ) восходит к сочетанию с *ı > *ǵena + + ı > женѣ Но что это за ı? И почему в одном случае дифтонг находится под восходящей мелодикой, а в другом – под нисходящей? Очевидно, что разгадка таится в неизвестной пока диахронической синтагматике

Вяч Вс Иванов в уже указанной работе [Иванов 1979] показывает, что и -е партикулы могут в разных языках и разных диахронических слоях менять свою позиционную привязку Известно, что в современном русском есть некоторая частица (?) *и*, которая обычно а) стоит перед глаголом, б) влияет на акцентированность глагола делая его просодически выделенным, в) создает семантику подтверждения-совершенности – легкого возражения коммуниканту – *Вы бы поехали в Икею* – *Я там и купила*, *Ему нужно продавать компьютеры* – *Он и продает их* В книге [Николаева 1985] такое *и* было названо определенным артиклем при глаголе Однако, нужно сказать, что оно же может быть при наречии или в целом при обстоятельственной группе – *По-моему, там дешевле* – *Это и здесь недорого* и под Очевидно, это неясное ı ждет детального разбора, стратификации случаев и их классификации

4 Постараемся привести пример на указанный выше третий подвид скрытой памяти Речь пойдет о так называемом "неоштокавском' сдвиге в расположении сербского словесного ударения, произошедшем примерно в XV веке на территории штокавских диалектов Суть его в том, что старая штокавская акцентуация знала два акцента долгий и краткий В XV в два старых акцента – долгий нисходящий и краткий нисходящий – передвинулись на слог к началу слога и создали долгий восходящий и краткий восходящий Инициальные же акценты, долгий нисходящий и краткий нисходящий, оставались на своих старых позициях Таким образом, конечный слог в сербском языке потерял способность быть подударным[21]

Экспериментальный анализ просодии языков Балканского союза, проведенный и описанный мною [Николаева 1996], выявил, в частности, семь терминальных восходящих контуров характерных для всех языков Балкан и различающихся по тому какова ритмическая структура слова – носителя фразового ударения, то есть, говоря иначе где в этом слове расположено ударение на последнем слоге (структура ´) или на начальном (структура ´ -) В первом случае выбирается для общего вопроса фигура с терминальным повышением мелодики, во втором – фигура с дугообразным понижением после повышения Оказалось, что сербский язык (точнее дикторы-носители современного сербского языка) при новых", сдвинутых к началу, акцентах регулярно выбирает ту фигуру, где в остальных языках представлено наконечное финальное словесное ударение А в случае инициальных "старых" акцентов, сербский язык выбирает фигуру, где в других языках представлено инициальное словесное ударение

[21] По этому поводу как известно существует много трактовок, так или иначе объясняющих причины этого сдвига Они приводятся в книге [Николаева 1996], где в свою очередь предлагается некоторая гипотеза о собственно просодических причинах появления этого сдвига

Таким образом, сербская фразовая интонация как бы "помнит" ситуацию до неоштокавского сдвига, когда новые восходящие акценты могли располагаться в конце слова.

5.1. Как уже говорилось вначале, к проблеме выявления "скрытой памяти" примыкают и смежные проблемы, а именно – проблема автономного существования смысловой языковой универсалии, которая с годами или даже веками хотя и меняет свою языковую "упаковку", но остается в пределах тех же содержательных "потребностей". В этом случае можно сказать, что язык не столько помнит, сколько **знает**, что он обязан выразить то или иное содержательное противопоставление. В качестве примера можно привести историю выражения подчеркнутой-неподчеркнутой притяжательности, исследовавшуюся на примере посессивного местоимения *свой* [Николаева 1986].

Е.В. Падучевой была предложена стратификация значений этого местоимения [Падучева 1983], согласно которой выделялось 6 типов *свой*, из которых только *свой 1* можно считать собственно посессивным, неокрашенным, а *свой 6* – это субстанция посессивная, но значения *свой 2–5* (2 – 'собственный', 3 – 'дистрибутивный', 4 – 'особый', 5 – 'надлежащий') передают "подчеркнутый" посессив. Мною рассматривались случаи употребления существительного + местоимения *свой* в старославянском тексте[22]. Оказалось, что в этом тексте отношение Сущ. + *свой* к *Свой* + Сущ. было примерно 10 : 1. Очевидно, что маркированным было сочетание с препозицией посессива. Все примеры с препозицией полностью укладывались в типы *свой* 2–5, по Е.В. Падучевой, т.е. передавали подчеркнутую, окрашенную притяжательность. В греческом же тексте типу *свой 1* (т.е. неокрашенная посессивность) соответствовали формы αὑτος, σός, а формам *свой 2–5* соответствовали греческие формы ἑαυτού, ἑαυτής, ἴδιος (последняя форма была самой частотной). Подчеркнутые формы посессива передавались в греческом тексте не только через указанные лексические различия, но и синтаксически – также через препозицию. Однако нельзя сказать, что старославянский текст точно копирует греческий. Так, к собственно притяжательным в старославянском тексте относится *свой* дистрибутивное (*свой 3*, по Е.В. Падучевой), которое таким образом не выделено как подчеркнутое; в греческом же тексте эта семантика отмечена через препозицию и лексемы окрашенной притяжательности.

В древнерусском языке, судя по данным Картотеки, также было представлено противопоставление подчеркнутой/неподчеркнутой посессивности через препозицию/ /постпозицию местоимения. Однако в массиве этих текстов выявилась роль и лексической принадлежности определяемого через посессив существительного: препозиция возникает при упоминании о "чужих", не входящих в обыденный круг актанта феноменах и/или при желании явно противопоставить свое – чужому. Явления и предметы близкого окружения как правило представляют постпозитивную позицию посессива. Это слова типа *двор, послы, воевода, ратники, полкы, бояре* и почти всегда – имена родства. Ср. **Наряди же полки свои Всеволод и пусти возы своя за рѣку; И повороти конь Мъстиславъ и съ дружиною своею от стрыя своего; Мы, княже, за тя головы своя съкладываемъ, а ты нынѣ держишь врагы своѣ и наши просты.** Но ср. **Юрои же ни их посла к ним отпусти, ни своего к ним посла; Видѣвъ же полкы Изяславли король и тако и своим полкомъ повелѣ; И смѣсишася коиждо вѣдаеттъ свои станъ.**

К XVI вв. начинает происходить смешение и общее правило для этого периода сформулировать трудно. Очевидно, именно к этому времени русский язык начинает входить в зону универсалий Дж. Гринберга [Гринберг 1970], а именно: универсалий 17, 18, 19, согласно которым постпозиция определяющего слова характерна для языков

[22] Анализировался текст Мариинского евангелия (глаголический памятник XI в. Мариинское четвероевангелие – Codex Mahianus, изданный В. Ягичем в 1883 г.).

строя VSO (универсалия 17), но если описательное прилагательное предшествует существительному, то и местоимения следуют их примеру (универсалия 18) и это правило не имеет исключений. Однако если даже прилагательное и следует за существительным, то небольшое число их может всегда предшествовать существительному (универсалия 19). Весь этот процесс означал ломку синтаксической системы русского языка. Вначале выход из положения находится при помощи лексических средств: в XVIII в. в словосочетание с подчеркнутой посессивностью вводится слово *собственный*: **Пользы ваша мнѣ пріятнѣе своей собственной; Опредѣлилъ онъ мнѣ двухъ человѣкъ своихъ собственныхъ к моимъ услугамъ; Пизистратъ любилъ дочь Перопы какъ собственную свою** и т.д. Затем происходит как бы перверсия основного первичного правила: именно при передаче подчеркнутой посессивности местоимение отходит вправо: ср. *У него свой дом* и *Дом у него свой*. Вводится и акцентный фактор, при котором порядок слов можно не менять, но подчеркнутая посессивность выделяется просодическими средствами: *У него своя машина* и *У него* ***своя*** *машина*. Таким образом, даже на этом небольшом примере можно видеть, что язык не забывает своего содержательного задания и, все время меняя средства его выражения и приспосабливаясь к игу диахронических универсалий, каждый раз находит способ это задание выполнить.

5.2. Интересный материал в этом смысле представляет собой корреляция формы/ /содержания комплексов частиц в индоевропейских языках древности и современности. В ряде случаев буквальный "словарный" перевод не говорит нам о каких-либо совпадениях и в плане выражения, и в плане содержания, но внимательный анализ этих комплексов "по элементам" демонстрирует такое же, как и для *свой*, сохранение смыслового задания.

Например, ведийская частица *capa* переводится как 'даже', но состоит из двух элементарных частиц: *ca* 'и' + *na* (отрицательная частица, *не*-) см. [Елизаренкова 1982: 406]. То есть по составляющим – это русское *и* + *не*. И, действительно, мы находим именно такую конструкцию в русском языке: *И не думайте! И не воображайте* и т.д., где есть значение 'даже'. Другой пример: вед. *uta* < *u* 'же' + *ta* 'то'. А это – структура *же* + *то*, отличающаяся от нашего *тоже* линейным порядком тех же смысловых элементов[23]. Не всегда чисто формальное совпадение "по компонентам" дает абсолютное совпадение смысловое. Например литовское *ôgi* формально состоит из *ô* 'а' и *gi* 'же', то есть должно по значению совпадать с *аже*, но имеет значение 'тоже'.

Итак, комплекс частиц может совпадать по плану выражения, но не по плану содержания, но может совпадать по плану содержания, составляясь из частиц, формально отличных от частиц в языках-потомках (или языках близких генетически). Таким образом, в языке реализуется проходящее сквозь время смысловое задание, которое язык "помнит". Например, в русском языке слова *только* и *один* по происхождению разные, но они совпадают в передаче значения единственности, исключительности. Но при этом семантика угрозы, предупреждения передается, скорее, через *только*: *Только попробуй!*, а семантика, описываемая как 'и ничего более' – через *один*. Те же модели находим в латышском: *Pameg'ini tikai!*, то есть *Попробуй только!*, а также *To zinaja tikai vînś* "Это знал только он". Но *Te aug priedes vien*, что значит "Тут растут только сосны", т.е. одни только сосны, где *vien* = *один*.

6. В большинстве приведенных примеров речь идет о незабытой языком содержательной установке, в основном, актуализированного плана. То есть, подводя итоги, можно сказать, что – в том или ином облике – в статье затронуты следующие

[23] Разумеется, необходимо сказать о том, что ситуация здесь упрощается, так как ведийские частицы (как и русские, впрочем) имели множество близких значений, образуя – каждая – нечто вроде смыслового поля, передача элементов этого поля через реальные слова-частицы же означает упрощение ситуации.

содержательные компоненты 1) подчеркивание, связанное с вынесением 'вперед" 2) противопоставление и 3) актуализация по отношению к ситуации "здесь и сейчас" Постепенно подобные явления начинают привлекать лингвистов Можно с осторожностью высказать предположение о том, что сейчас наблюдается общий сдвиг лингвистической парадигмы (в смысле Т Куна) в сторону синтагматических явлений, а диахроническая синтагматика настойчиво требует своей реконструкции Таким образом, за реконструкцией "скрытой памяти" в обсуждавшихся выше примерах просвечивает более общая идея о реконструкции первичных диффузных по значению элементов коммуникативного фонда и о столь же диффузных грамматических элементах знаменательного фонда, присоединявшихся друг к другу (правда, если принять высказанную выше гипотезу В Н Топорова о *-*men*, то эти элементы могли переходить друг в друга) При этом значимым фактором являлась прежде всего позиция этих элементов по отношению друг к другу и по отношению к высказыванию Слабым и/или уязвимым местом предложенной позиции является опора на первичное сочетание именно значимых элементов языка и тем самым в ней не остается места для чисто формальных компонентов, объяснения и интерпретации не требующих Можно также признаться в том, что за предложенными рассуждениями стоит непарадигматический взгляд на раннее развитие языка

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В И 1995 – Понятия идеосемантики // В И Абаев Избранные труды Т 2 Общее и сравнительное языкознание Владикавказ, 1995

Бадер Ф 1988 – Флексии сигматического аориста // Новое в зарубежной лингвистике Вып XXI, М , 1988

Бенвенист Э 1974 – Природа местоимений // Э Бенвенист Общая лингвистика М , 1974

Брейяр Ж , Фужерон И 2001 – Когда *Я* нужно? // Известия РАН Серия литературы и языка, т 60, 2001, № 4

Васильева Шведе О К 1948 – Курс испанского языка М , 1948

Гловинская М Я 2001 – Многозначность и синонимия в видо временной системе русского глагола М , 2001

Гринберг и др 1970 – Гринберг Дж Осгуд Ч Дженкинс Дж , Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике Вып 5 М , 1970

Добродомов И Г 2002 – Еще раз об исторической памяти в языке // ВЯ 2002, № 2

Ефимова В С 2002 – Местоимение первого лица в древнейших славянских текстах // Славяноведение 2002 № 4

Елизаренкова Т 1982 – Грамматика ведийского языка М , 1982

Зализняк А А 1955 – Древненовгородский диалект М , 1995

Золотова Г А 2000 – Понятие личности/безличности и его интерпретации // Russian linguistics, V 24, 2000

Золотова Г А 2002 – Категории времени и вида с точки зрения текста // ВЯ, 2002 № 3

Иванов Вяч Вс 1979 – Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом // Balcanica Лингвистические исследования М 1979

Иванов Вяч Вс 1979а – Сравнительно-исторический анализ категории определенности неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках М , 1979

Иванов Вяч Вс 1989 – Новые наблюдения над индоевропейской акцентологией // Славянское и балканское языкознание Просодия М , 1989

Красухин К Г 2001 – Некоторые особенности микенского синтаксиса // Язык и культура Факты и ценности К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова М , 2001

Мейе А 1938 – Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков М Л , 1938

Николаева Т М 1985 – Функции частиц в высказывании М , 1985

Николаева Т М 1986 – Единичное и универсальное в типологической проблематике // Всесоюзная научно-практическая школа по сопоставительному и типологическому языкознанию Звенигород, 1986

Николаева Т М 1986а – Средства различения посессивных значений языковая эволюция и ее лингвистическая интерпретация // Славянское и балканское языкознание Проблемы диалектологии Категория посессивности М , 1986

Николаева Т М 1996 – Просодия Балкан М , 1996

Николаева Т М Фужерон И 1999 – Некоторые соображения по поводу категории усту пительности // ВЯ 1999 № 1

Николаева Т М 2000 – О возможной древнейшей (славянской – ?) синтаксической категории – гипотетически // Res linguistica М , 2000

Николаева Т М 2001 – Многомерность интонационного пространства и ограниченность его отображения // Русский язык в научном освещении 2002, № 3

Падучева Е В 1983 – Местоимение свой и его непритяжательные значения // Категория притяжательности в славянских и балканских языках Тезисы совещания М , 1983

Поленова Г Т 2000 – К истокам индоевропейских и енисейских личных глагольных пока зателей // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия Доклады и тезисы международной конференции М , 2000

Рыко А И 2000 – Семантическое распределение 3-го лица презенса // Балто-славянские исследования 1998–1999 XVI, М 2000

Савченко А Н 1960 – Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском языке Ростов-на-Дону, 1960

Семереньи О 1980 – Введение в сравнительное языкознание М 1980

Степанов Ю С 1989 – Индоевропейское предложение М , 1989

Степанов Ю С 1995 – *Баба Яга Яма Янус Ясон* и другие К вопросу о 'нестрогом сравнительно-историческом методе // ВЯ 1995 № 5

Топоров В Н 1992 – Из индоевропейской этимологии 1У (1) И -е **eg'h-om* (**He-g'h om*) **men* 1 Sg Pron pers // Этимология 1988–1990 М , 1992

Тронский И М 2001 – Историческая грамматика латинского языка М , 2001

Шведова Н Ю 1998 – Местоимение и смысл Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства М , 1998

Шведова Н Ю 1999 – Теоретические результаты, полученные в работе над 'Русским семанти ческим словарем // ВЯ 1999 № 1

Шилдс К 1988 – Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии // Новое в зарубежной лингвистике Вып XXI, М , 1988

Шмальштиг В 1988 – Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике Вып XXI М , 1988

Шмидт К Х 1995 – К вопросу о личных местоимениях и категории лица в картвельском и индоевропейском // ВЯ 1995 № 5

Эдельман Д И 2001 – К реконструкции праиранского предложения // Язык и культура Факты и ценности К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова М , 2001

Эрну А 1950 – Историческая морфология латинского языка М , 1950

ЭССЯ 1974 – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд Вып 1 М , 1974

Яковлева Е С 1998 – О понятии 'культурная память" в применении к семантике слова // ВЯ 1998 № 3

Allaona A 1997 – Sur les pronoms personnels questions d autonomie primitive // Acta Orientalia Societates Orientales Danica Fennica Norvegica Svecica, 1997, LY111

Breuillard I , Fougeron I 2001 – Avec ou sans *я* // Русский язык пересекая границы Дубна, 2001

Gonda J 1954–1955 The original character of the Indo-European relative pronoun **jo-* // Lingua V 4, 1 1954–1955

Helmbrecht I 1999 – The typology of 1st person marking and its cognitive background // Cultural, Psychological and Typological issues in Cognitive linguistics Amsterdam, Philadelphia, 1999

Nilsson B 1982 – Personal pronouns in Russian and Polish A study of their communicative function and placement in the sentence Stockholm 1982

Palander-Colin M 1998 – Grammaticalization of *I THINK* and *METHINKS* in Late Middle and Early Modern English // Neophilologische Mitteilungen, 1998, XCIX, 4

Shields K 1997 – On the pronominal origin of the I -E athematic verbal suffixes // The journal of Indo-European studies, 1997 V 25 № 1–2

Shields K 1998 – Comments on the evolution of the Indo-European personal pronoun system // Historische Sprachforschung (Historical linguistics) 1998 Bd 111, Hf 1

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2002

© 2002 г. Т.И. ВЕНДИНА

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Сегодня, когда лингвистика перешла на новую, антропоцентрическую парадигму исследования, обращенную к изучению "души языка", т.е. опредмеченному в нем мировидению человека, его сознания и мышления, в центре внимания ученых все чаще оказывается триада язык – культура – человеческая личность.

От расплывчатого и довольно туманного гумбольдтовского"духа народа" (ср., например, известную его формулу: "Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык" [Гумбольдт 1984: 68], укорененного в его чувствах и эмоциях, современная лингвистика обратилась к изучению языкового сознания, т.е. той области "где сознание выражает себя вовне вербально, а также принимает на себя языковые воздействия" [Ушакова 2000: 15]. Развитие этой идеи происходит сегодня в двух направлениях – исследование "стереотипов" культурного сознания (особенно часто внимание исследователей привлекает проблема восприятия этноса чужими, а также автовосприятия, т.н. автопортреты) и реконструкция языковой картины мира того или иного народа. Однако и то, и другое направление объединяет общая цель – "найти доступ к Человеку через язык". Для достижения этой цели выбираются разные стратегии поиска с использованием как синхронного, так и диахронного аспектов описания языка: это исследование фразеологических оборотов и паремий, метафор и клише, глубинной семантики слова через его концептуальный анализ, ассоциативных полей, на базе которых строится усредненный тип носителя языка той или иной культуры и т.д.

Особенно продуктивно в этом направлении работают психологи, стремящиеся преодолеть разрыв между психологическим и собственно лингвистическим подходами к изучению языкового сознания и активно развивающие новое направление в психолингвистике – этнопсихологическое (см., например, публикацию трех сборников, посвященных этой тематике "Этнокультурная специфика языкового сознания" (М., 1996), "Языковое сознание: формирование и функционирование" (М., 1998), "Языковое сознание и образ мира" (М., 2000).

Теоретической основой подобных исследований служит вполне обоснованное представление о том, что материальным субстратом языкового сознания личности являются ассоциативно-вербальные сети, которые позволяют "дешифровать субъективные знания о мире" (см., например, работы Ю.Н. Караулова, Т.Н. Ушаковой, Н.В. Уфимцевой, Н.В. Дмитрюк и др.).

Материалы ассоциативных экспериментов, а главное повторяемость параметризации языкового сознания, в котором выделяется "ядерная часть" и "периферийная", говорят о достаточно высокой степени надежности реконструкции этнических портретов. Вместе с тем нельзя не отметить, что достоверность полученных результатов в этих работах во многом зависит от фактора субъективности (причем как субъективности исследователя при интерпретации полученных данных, так и субъективности реакции и ассоциаций респондентов на тот или иной стимул). Кроме того, "психолингвистический анализ ассоциативных связей слова, – как справедливо

отмечает В.Н. Телия, – ориентирован на слово в нерасчлененности его форм и значений, т.е. на слово, рассматриваемое безотносительно к его полисемии, а тем самым в отвлечении от его реального функционирования в языке" [Телия 1981: 223], что порождает известный произвол и субъективизм в оценке результатов исследования, влияя на степень их достоверности. В связи с этим невозможно не вспомнить мысль У. Вейнрейха о том, что как только высказывания становятся автоматическими симптомами состояния говорящего, как только они сцепляются друг с другом, образуя последовательности с высокой условной вероятностью и выходят из-под контроля воли говорящего, они перестают быть представителями языка как полноценного семантического инструмента.

Сознавая, что объективность не может быть полностью свободна от субъективности, мы хотели бы все-таки отметить, что уровень объективности (этно)культурной информации, извлекаемой исследователем из языка во многом зависит не только от выбора стратегии научного поиска, но и от самого языкового материала, ибо «степень объективации знания, отраженного в языке, – как совершенно справедливо замечает Е.Л. Березович, – определяется коэффициентом устойчивости (воспроизводимости, моделируемости) соответствующих языковых структур. Естественно, что наиболее объективированным следует считать то знание, которое "срастается" с самой устойчивой, субстанциональной частью языка – языковой формой. Это знание дает внутренняя форма языковых единиц – отсюда классическое понимание ее как объективного, ближайшего значения слова» [Березович 2000: 34]. И далее автор выстраивает следующую «иерархию языковых носителей концептуальной информации, отражающую снижение объективированности и нарастание субъективных моментов при трансляции этой информации: внутренняя форма; деривационные связи; концептуальное ядро значения; коннотация; типовая (узуальная) сочетаемость; парадигматические связи (синонимия, антонимия и т.п.); "свободная" текстовая сочетаемость; ассоциативные связи». Порядок следования выделенных сфер, по мнению Е.Л. Березович, в определенной степени условен, но важна сама логика движения от центра к периферии, от системно-языкового содержания к информационному фону, сопутствующему слову, поэтому чем ближе к периферии, тем больше снижение объективности и нарастание субъективных моментов при трансляции этой информации.

Совершенно очевидно, что в этом перечне языковых носителей культурной информации внутренней форме слова отдается предпочтение, однако именно внутренняя форма оказывается сегодня менее всего востребованной исследователями при реконструкции языкового сознания, и изучение внутренней формы производного слова находится на периферии лингвистических интересов. Такая ситуация объясняется во многом тем, что в отечественном языкознании прочно утвердился тезис о произвольности, случайности выбора мотивировочного признака в акте номинации (отсюда концентрация внимания в основном на концептуальном анализе, имеющем своей целью выявление глубинных культурных коннотаций). Думается, однако, что возможности ономасиологического анализа в плане выявления национально-культурной специфики языковых единиц еще далеко не исчерпаны, а устойчивая повторяемость одного и того же мотивировочного признака в разных видах номинации свидетельствует против произвольности, а тем более случайности его выбора.

Кроме того, изучение ассоциативно-вербальных сетей, коннотаций, узуальной и "свободной" текстовой сочетаемости предполагает обращение к материалу живых языков, а если исследователь имеет дело с мертвым языком, то как тогда реконструировать языковое сознание человека, поддается ли оно вообще реконструкции?

Думается, что ответом на этот вопрос будет обращение к слову (а точнее к внутренней форме слова) как к продукту мыслительной деятельности человека, сохраняющему формы "перехода" действительности в мышление (ср. известное гумбольдтовское определение слова: "Слово – не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в кон-

кретный момент изобретения слова; именно здесь главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета... Поистине язык представляет нам не сами предметы, а лишь понятия о них..." [Гумбольдт 1984: 130]).

Погружаясь в лексические глубины того или иного языка, исследователь переживает своеобразный "эффект присутствия": он видит реально, что было "зачерпнуто" и как было "ухвачено" языком это знание о мире, ибо "языковой характер нашего опыта мира предшествует всему, что мы познаем и высказываем в качестве сущего..., а все то, что является предметом познания и высказывания, всегда окружено мировым горизонтом языка" [Гадамер 1988: 520]. Именно поэтому от историков культуры все чаще исходит призыв "деконструировать" или, иначе говоря, заново обдумать с л о в е с н ы й состав нашего знания [Очерки 1998: 142].

Изучение внутренней формы слова обращает нас к самому процессу номинации, ибо актуализация того или иного признака в слове – это не просто акт словотворчества, а часть общего целенаправленного языкового процесса созидания, обусловленного внутренними потребностями как самого человека, так и языка, поэтому "слово предстает перед слушателем в своей форме как часть бесконечного целого, языка" [Гумбольдт 1984: 78].

Соотношение производной и непроизводной лексики в словарном составе любого языка позволяет понять, какие смыслы были предметом особого внимания человека, а поскольку «смысл никогда не ограничивается "пространством" одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу» [Топоров 1992: 16], то одни участки семантической системы языка оказываются довольно детально проработанными в языковом плане, другие – довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны. Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов и позволяет понять тончайшие нюансы глубинных смыслов языка, ибо языковое словотворчество и словообразование как его частный случай всегда подчинено, по словам Гумбольдта, "единой внутренней форме языка".

Человек живет в пространстве смыслов. И язык, и культура есть результат действия законов с м ы с л о о б р а з о в а н и я. "Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексию и бессознательную память социального коллектива, а также великое множество иных проявлений человеческой активности в сплошной континуум культуры" [Пелипенко, Яковенко 1998: 19]. Поэтому смысл является проводником человека в мире реальном и ирреальном, ибо смысл, как остроумно заметил М. Бахтин, – это тот или иной ответ на поставленный нами вопрос. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла, а потому, добавим, не номинируется, поэтому именно смысл лежит в основе любого языкотворческого стимула.

Ономасиологический подход к изучению производного слова имеет своей целью "дать языку высказать себя, показать скрываемый смысл" [Топоров 1992: 23], описать проявления "человеческого духа" в языке, ибо он дает возможность глубинного постижения языка как антропологического феномена. Апелляция к внутренней форме слова позволяет понять те субъективные мотивы, которые послужили толчком для языкового словотворчества и вместе с тем выявить общие закономерности, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют более общие, объективные закономерности. А так как в любом языке словообразовательно маркируется то, что является биологически, социально или культурно значимо в сознании народа, то можно предположить, что словотворческий акт определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов и устанавливая наличие между ними связи (ведь то, «что не описывается на этом "языке", как бы вообще не воспринимается общественным адресатом, выпадает из его поля зрения» [Успенский 1994: 10]). Словообразовательно маркированная лексика, таким образом, позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учетом системных связей между единицами языка и культурно значимыми

концептами. Она содержит в себе ключ к ответу на вопрос, поставленный в свое время Е.Ф. Тарасовым: "Включена ли культура в язык, если – да, то – как?" [Тарасов 1987: 29], поскольку, как мы уже отмечали, словообразовательная детерминация довольно избирательна и словообразовательному маркированию подвергается лишь то, что оказывается значимым для носителей языка. Именно поэтому в производном слове как в языковой структуре представления знаний, ярче, чем в других, немотивированных словах, высвечивается такой семиотический концепт, как "интерпретант": здесь нагляднее всего эксплицируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека, обладающего свободой выбора "стратегии интерпретирования" в своей языкотворческой деятельности. Исследование вопроса, что и как словообразовательно маркируется, подскажет, п о ч е м у маркируется, причем именно так, а не иначе, т.е. в конечном итоге – что является з н а ч и м ы м в языке культуры. Если же принять во внимание устойчивость и повторяемость словообразовательных актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить "сокрытые смыслы" и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами, благодаря чему и происходит "вплетение" культурной семантики в языковую. Отсюда понятно, почему для лингвиста ключом к тайнам многослойного мыслительного универсума любой культуры является язык, ведь именно он формирует понятия и организует восприятие в связную картину мира, причем чем важнее в культурном отношении понятие, тем больше и детальнее оно параметризовано. Обращение же к изучению внутренней формы слова дает исследователю уникальную возможность проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир.

Попробуем проиллюстрировать высказанные соображения на примере старославянского языка и рассмотреть, как структура человеческого бытия, и в частности, структура бытия средневекового человека оказала влияние на формирование "языка его культуры" и какова при этом была роль словообразования[1].

Предметом нашего исследования стал лексикон старославянского языка (представленный в словаре старославянского языка под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, далее – СС), рассмотренный с позиций ценностных императивов культуры Средневековья, оказавших влияние на формирование портрета средневекового человека.

Как известно, степень достоверности исследования во многом определяется не только выбором научной стратегии, но и самим материалом и прежде всего его объемом (напомню слова Гумбольдта: "По разрозненным элементам языка нельзя познать того, что есть высшего и тончайшего в языке" [Гумбольдт 1984: 70], необходим комплексный, системный подход, ибо проникнуть в эти глубины языка культуры возможно лишь в том случае, когда изучаются не единичные, произвольно выбранные слова (логично укладывающиеся в концепцию исследователя), а весь массив производных слов, представленных в словаре, что позволяет избежать субъективности в оценке материала и обеспечивает достоверность и надежность выводов.

Поэтому в центре нашего внимания были мотивационные признаки всех производных имен (так или иначе связанных с семантическим полем "Человек"), ибо актуализация их в языкотворческом акте была не случайной, а определенным

---

[1] Для старославянского языка эта идея особенно актуальна, так как старославянский язык принадлежит по своему типу к языкам с ярко выраженной мотивированностью (на что в свое время указывали еще Ф. де Соссюр в своем "Курсе общей лингвистики", С. Ульманн в статье "Семантические универсалии", Р.М. Цейтлин в монографии "Лексика старославянского языка" и др.). Так, в частности, по подсчетам Р.М. Цейтлин в старославянском языке имеется около ста префиксов и суффиксов, около 850 гнезд однокоренных слов, более 600 двукорневых сложений, поэтому наиболее результативными являются, с ее точки зрения, исследования семантически связанных производных (мотивированных) слов, группирующихся по обязательному и формально выраженному общему элементу лексического значения – по общей морфеме – корневой или аффиксальной [Цейтлин 1977: 55].

образом мотивированной, обусловленной социально-психологическими особенностями восприятия мира человеком, уровнем его знаний, нравственной и идеологической ориентацией, характером потребностей и проч. Совершенно очевидно, что во внутренней форме этих производных имен должны были сохраниться "следы культурной практики", корни того коллективного бессознательного, которое лежало в основе архетипа языка культуры Средневековья.

Обратившись к анализу производной лексики, мы исходили из того, что словообразовательный акт, как и любой акт деятельности, имеет место только тогда, когда он мотивирован потребностью, поскольку именно потребности являются источником любого вида человеческой деятельности, в том числе и языкотворческой. Исследование этих потребностей (имплицитно представленных в создании каждого производного слова) способствует пониманию личности и системы ее ценностных ориентаций. А так как ценности формируются на основе потребностей человека, то в словообразовательно маркированных единицах языка так или иначе эксплицируется информация о системе его ценностей, раскрываются особенности его мировидения, мирочувствования и мировосприятия. Производное слово при таком подходе оказывается, по сути дела, маленькой моделью представления знания о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком. А словообразовательный акт в связи с этим предстает как логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в глубь человеческого сознания, в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы и человека. Образно говоря, «каждая языковая морфема служит как бы свидетелем "сотворения мира" культуры. Они в соответствии с архаическо-мифологической логикой объясняют мир, рассказывая о том, как он делался, генетизуя в сознании воспринимающего всю цепочку первичных мыслеформ и переживаний вплоть до вспыхивания как бы извне приходящей праидеи» [Пелипенко 1998: 173]. Вот почему мы попытались взглянуть на этот мир сквозь призму словообразования, которое осветило его как бы "изнутри" (вспомним знаменитые слова Исидора Севильского – "назвать вещь – значит ее объяснить", которые помогают понять расцвет средневековой этимологии как фундаментальной науки).

Нельзя, однако, не учитывать тот факт, что культурная информация существует в языке большей частью в непроявленном, латентном состоянии, но при системно-функциональном подходе к описанию производного имени (при котором производное слово рассматривается в ментально-культурном языковом контексте и анализ его сродни герменевтическому анализу, позволяющему извлечь из производного слова разнотипную информацию) она неминуемо должна проявиться, т.к. словообразование является одним из средств языковой концептуализации картины мира, ибо избирательность мотивационных признаков, актуализируемых в номинативном акте, и есть тот ключ, который позволяет открыть тайну "сокрытых смыслов" языка любой культуры.

"Глубина залегания" этой культурной семантики разная. Иногда она "лежит на поверхности", поскольку легко обнаруживается в самой внутренней форме слова (ср. **боголюбьць** 'человек, любящий бога'; **богочтьць** 'набожный, благочестивый человек'; **блаженикъ** 'блаженный (наименование святых)'; **правьдьникъ** 'праведник'), иногда же она находится в глубине и обнаруживается при изучении денотативной соотнесенности имени, при погружении в этнокультурный контекст Средневековья (ср. **стлъпьникъ** 'столпник, подвижник, живущий на столпе'; **троудьникъ** 'подвижник'; **бесловьнъ** 'неразумный'; **благыни** 'имущество'), который позволяет вскрыть символику имени и понять, почему **богатъ** – это 'щедрый', а **оубожьство** – это 'нищета, крайняя бедность'), но чаще всего она прочитывается лишь при условии знаний регулятивных принципов семантической организации всего лексикона старославянского языка, когда во внимание принимается не одно слово, а весь массив слов, в котором и проявляется языкотворческая позиция средневекового человека, его ориентация в мире сущностей, т.е. для обнаружения этой культурной семантики

требуется концептуальная интерпретация имени, позволяющая ответить на вопрос ПОЧЕМУ выбрана именно такая, а не иная внутренняя форма (ср. слова **съвѣдь** 'совесть'; **безочьство** 'бесстыдство'; **съвѣсть** 'сознание, мысль'; **несъвѣда** 'несчетное множество' и др.).

Если взглянуть на словарный состав старославянского языка с позиций такой языковой универсалии, как "субъект и мир", то уже первое знакомство со словарем обнаруживает, что весь его лексикон организован вокруг человека. Именно эта идеографическая сфера является наиболее лексически и словообразовательно "проработанной", что в общем и не удивительно: ведь "христианство поставило человека в центр мироздания, мир был создан для человека, и все животные и растения предназначены были содействовать человеческому существованию... Важнейший акт исторической драмы – воплощение Логоса – совершался ради человека; его назначением было примирение грешного человечества с Богом... и во имя этой цели Бог посылал на страдания и смертную казнь своего единородного сына" [Каждан 2000: 158].

Думается, что именно поэтому человек в лексиконе старославянского языка – центр мироздания. Взгляд на "самого себя" является для средневекового человека более важным, чем взгляд на окружающий мир. Отсутствие лексической, а главное словообразовательной детализации семантической сферы "Природа" в старославянском языке (эта лексика является в основном непроизводной) нельзя объяснить лишь ограниченностью языкового материала старославянских памятников. Корни этой ситуации лежат значительно глубже. Они связаны с архетипом языкового сознания средневекового человека, который определял всю логико-смысловую сторону его языкотворческой деятельности.

В старославянском языке таким архетипом сознания был Бог. "Бог и человеческая душа представляли для эпохи Средневековья абсолютную ценность, природа же обладала ценностью относительной" [Гуревич 1984: 76]. Именно этот главный регулятивный принцип Средневековья предопределял всю логическую структуру его культуры, оказав влияние на устройство такого базового концепта старославянского языка, как Человек.

Человек рассматривался как творение Божье, созданное по образу и подобию его. В богословской проповеднической литературе Средневековья приводилось даже доказательство того, что Бог начертал на л и ц е человека, что он – Божье творение. Латинское homo dei читалось следующим образом: 'Два глаза образуют две буквы "o", "h" – неполноценная буква, она лишь пособляет другим в слове "homo", брови над глазами и нос между ними образуют букву "m", ухо имеет форму буквы "d", ноздри и пространство между ними и ртом – греческая буква "ε", рот – "i". Все вместе читается "Homo dei"» [Гуревич 1990: 261].

В старославянском языке существовало три существительных со значением 'человек': одно из них, производное, указывало на то, что человек воспринимал себя как существо плотское (ср. **плътьнъ** прил. в знач. сущ. 'человек'), а потому смертное, два других же, непроизводных, говорили о его земном назначении [ср. **чловѣкъ** 1) 'человек'; 2) 'служитель, слуга': **і вы подобьни чловѣкомъ чаѭштемъ господа своего** – СС: 451; **мѫжь** 1) 'мужчина' // 'человек' // 'солдат'; 2) 'муж').

При этом прослеживается следующая интересная особенность, свидетельствующая о своеобразии языка культуры Средневековья: судя по материалам древнейших старославянских памятников письменности, чувственная, физическая природа человека не представляла особого интереса, интерес проявлялся прежде всего к оценке человека как личности, личности социальной и духовной, "интеллигибельной" (хотя слова *личность* и нет в старославянском языке первых памятников письменности[2].

---

[2] Заметим, что и древнерусский язык не знал слова *личность*. «В древнерусском языке, – писал В.В. Виноградов, – до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы, хотя бы отда-

как нет его и в классическом греческом языке, переводы с которого осуществляли просветители Кирилл и Мефодий, однако именно личность средневекового человека раскрывается в его взглядах на жизнь, его представлениях о собственной жизни, ее ценностных императивах).

Это отсутствие интереса к чувственной, физической природе человека ярче всего проявляется в том, что в старославянском языке "портрет" человека практически не прорисован, внешний облик человека описывается очень скупо – единичным глаголом (ср. **брадѣти** 'обрастать бородой') и несколькими прилагательными со значением 'красивый' (ср. **благолѣпьнъ**, **доброличьнъ**, **красьнъ**), среди которых лишь одно прилагательное **доброличьнъ** относилось только к человеку, а два других могли атрибутировать и предметы. Что касается существительных, то среди них нет ни одного, которое характеризовало бы внешность человека[3].

Особенно хотелось бы обратить внимание на тот факт, что даже прилагательные, признаковая природа которых, кажется, лучше всего призвана атрибутировать человека со стороны его внешних свойств и качеств, однако и они "говорят" о внешности человека довольно "скупо". Кроме трех приведенных выше прилагательных, понятие 'красивый' передавалось в старославянском языке непроизводными прилагательными **добръ** 'красивый' и **лѣпъ** 'красивый'. Причем все эти прилагательные в прямом своем значении не имеют антонимов, и это обстоятельство для старославянского языка является чрезвычайно значимым, оно наталкивает на мысль, что средневековый человек не мог и не смел отрицательно оценивать творение рук Божьих[4] (не случайно и среди имен существительных нет номинаций с эстетической оценкой, а дериваты с корнем **жрод-**: **жродьнъ**, **жродивъ** характеризуют человека не как существо физическое, а как существо разумное, а точнее неразумное, так как имеют значение 'неразумный', 'глупый'). Это отсутствие портрета человека в лексиконе древнейших старославянских памятников объясняется не столько их лексическим своеобразием, сколько семантико-аксиологическими константами Средневековья, тяготевшего к воплощению вечных истин и непреходящих ценностей. Главным было передать возвышенное, духовное начало, что особенно хорошо видно на византийских иконах, на которых лицо, а точнее, лики святых являются выразителем божественного начала в человеке[5]. Человек из объекта художественного наблюдения в антич-

---

ленно, современным представлениям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к Богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству, родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Отдельные признаки личности были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек, людие, людин, лице, душа, существо* и др.). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие ... об отдельном человеческом "я" как носителе социальных и субъективных признаков и свойств» [Виноградов 1994: 10].

[3] Интересно, что точно такая же ситуация наблюдается и в древнерусском языке, ср.: «Поэтика внешности литературных героев в "Повести временных лет" отсутствует, хотя характеристики персонажей в ней есть... Летописец не употреблял слов для обозначения внешности, потому что такой общей категории не мыслил» [Демин 1999: 12, 14].

[4] Корни этой евангельской традиции восходят, по наблюдениям С.С. Аверинцева, к притчам назидательной иудейской литературы, ср., например, следующую притчу (машал) из Талмуда: «Случилось, что рабби Елеазар, сын рабби Шимона ... ехал на осле вдоль берега реки и радовался великой радостью, и душа его наполнялась гордостью, что он так много выучил из Торы. И встретился ему человек, и был он безобразен, и сказал ему: "Мир тебе, рабби!". А тот сказал ему: "Глупец, до чего же ты безобразен! Верно, все в твоем городе такие же безобразные?" А тот сказал ему: "Не знаю, а ты лучше пойди и скажи мастеру, сотворившему меня: "Как безобразно твое изделие". И тогда рабби понял, что согрешил...» [Аверинцев 1983: 508].

[5] Если "античного художника влекла гармоническая красота обнаженного тела, то византийцы предпочитали скрывать тело под тяжестью торжественных одежд. Уходя от гармонии, византийский художник не боялся ни уродливых лиц, ни нарушения пропорциональности. Более того, диспропорциональность становится художественным средством: на византийской картине лицо преобладает над

ности в Средневековье превращается в субъект морального выбора. Само "мышление средневекового человека носило дидактический характер, отсюда расположенность видеть нравственный смысл во всем – в природе, в истории, в быту" [Очерки 1998: 162] и, конечно, в человеке. Поэтому акцент в портрете средневекового человека делается на личность – личность духовную и социальную, а не физическую. Не случайно Средневековье часто называют "незнакомое с портретом тысячелетие" и первым портретом Средневековья становится "портрет" Христа.

Человек как существо физическое представлен в старославянском языке лишь двумя небольшими группами слов:

– одну из них образуют слова, характеризующие человека по его возрастному признаку (и здесь также наблюдается интересная закономерность: имена делают акцент в основном на младенческом или детском возрасте, ср. **дѣтищь** 'ребенок'; **чѧдьце** 'дитя'; **кръмлєникъ** 'грудной ребенок'; **младѣнищь** 'младенец'; **отрокищь** 'мальчик, дитя, отрок'; **дѣтьскъ** 'детский'; **младьнъ** 'младенческий, детский'; **отрочии** 'отроческий', а глаголы – на старческом, ср. **заматорѣти** 'состариться'; **прѣстарѣти сѧ** 'состариться'; **състарѣти сѧ** 'состариться');

– а другую – слова, указывающие на физическую ущербность человека (ср. **маломощь** 'калека, увечный'; **слѣпьць** 'слепец'; **хромьць** 'хромой человек'). Особенно много этих имен среди прилагательных и глаголов, которые дают не только общее название больного человека (ср. **больнъ** 'больной'; **болѣзньнъ** 1) 'больной'; 2) 'болезненный'; **неджьнъ** 'больной'; **трждовитъ** 'больной') или его болезненного состояния (ср. **болѣти** 1) 'болеть'; 2) 'чувствовать боль'; **неджговати** 'болеть'; **разболѣти сѧ** 'разболеться'), но и конкретизируют его через признаки, указывающие на различные физические недуги человека (ср. **водьнотрждовитъ** 'больной водяной'; **гноинъ** 'покрытый язвами, гнойный'; **кръвоточивъ** 'страдающий кровотечением'; **прокаженъ** 'прокаженный'; **соухоногъ** 'сухоногий, хромой'; **соухоржкъ** 'сухорукий'; **обоукнъ** 'помешанный, сумасшедший'; **съвивати сѧ** 'извиваться, корчиться от боли'; **тѣщити** 'извергать пену (об эпилептиках)'; **раслабѣти** 'быть парализованным'; **охрънжти** 'охрометь'). Причем среди глаголов наиболее заметную группу образуют имена, связанные со значением 'обезуметь, сойти с ума' (ср. **изоумѣти сѧ** 'лишиться ума, обезуметь'; **отъчаѩти сѧ** 'помешаться'; **обоуѩти** 'сойти с ума'; **обжродѣти** 'лишиться разума'; **жродити сѧ** 'лишаться рассудка'), что, как представляется, косвенно свидетельствует о высокой ценности человеческого разума, ибо "разум, – говорил Антоний Великий, – это дар Божий, спасающий душу", поэтому лишиться его средневековый человек боялся.

Такая странная, с точки зрения современного человека, ситуация, связанная с интересом к фиксации свойств, отражающих физическую ущербность субъекта, представляется не случайной, а вполне закономерной, если вспомнить, что главным регулятивным принципом Средневековья была сопричастность к Богу, калеки же и убогие считались людьми, отмеченными Богом, а следовательно, с точки зрения средневекового сознания, – почитаемыми. Этим же обстоятельством, а именно сопричастностью к культу Христа-младенца, объясняется и интерес к фиксации названий человека в его безгрешном, младенческом состоянии. Младенец в языковом сознании средневекового человека являлся своеобразной персонификацией невинности, отсюда многочисленные разнолексемные номинации, обозначающие человека в его детском возрасте (ср. **отроча** 'ребенок, дитя'; **малы** прил. в знач. сущ. 'дитя':

телом, вытянутый овал лица усугублен острой бородкой, лоб – подчеркнуто высок, огромные глаза выделяются на лице, тогда как нос передан почти незаметной линией, а губы кажутся бесплотными. В результате лица (собственно лучше бы сказать лики) торжественны, утончены, дематериализованы" [Каждан 2000: 203].

младенищь, младьньць, младеньць, младѣньць 'младенец'; **отъдоєнок** прич.-сущ. 'отнятый от груди ребенок'; **съсы** прич. в знач. сущ. 'грудной младенец') и единичные лексемы, обозначающие человека в других возрастных категориях. В связи с этим заслуживает внимания следующее тонкое наблюдение С.С. Аверинцева, который, раскрывая символическое значение фигуры ребенка в христианской этике, пишет: «Наше восприятие притуплено двухтысячелетней привычкой, и нам нелегко восчувствовать неслыханность евангельских слов о детях: "В то время ученики приступили к Иисусу и спросили: "кто больше в царстве небесном"? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: "Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное. Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в царстве небесном"» [Аверинцев 1997: 180]. Образ "дитяти" становится нормой человеческого существования в средневековом обществе, во многом определившей его нравственность, ибо **младеништъ бо естьство не вѣсть проныриа ни проскоупьства имѣти** – СС: 804. Думается, что именно этим и объясняется интерес к фиксации названий человека в его безгрешном, младенческом состоянии.

Отсутствие интереса к человеку как существу физическому проявляется и в словообразовательной "непроработанности" всей, так сказать, соматической лексики, которая представлена в основном непроизводными именами (ср. **бедро** 'бедро'; **выа** 'шея'; **глава** 'голова'; **грътань** 'горло'; **длань** 'ладонь'; **зажда** 'спина'; **заждь** 'зад (часть тела)'; **исто** 'утроба, внутренности'; **колѣно** 'колено'; **къкъниа** 'голень'; **лѧдвиниѧ** 'почки'; **мышьца** 'рука, плечо, мышца'; **пѧта** 'пята'; **плеще** 1) 'плечо'; 2) 'спина'; **плесно** 'ступня'; **плъть** 'тело'; **съсъ** 'материнская грудь' и др.).

Изучение словарного состава старославянского языка с точки зрения разной лексико-словообразовательной "проработанности" отдельных его участков позволило внести коррективы и в существующие представления о социальной структуре средневекового общества. Человек как социокультурный индивид во всех частях речи старославянского языка предстает в четырех ипостасях – как существо, облеченное властью, молящееся, возделывающее свой хлеб в поте лица и как существо воюющее, защищающее свой дом, свою веру и землю. Таким образом, в отличие от устоявшегося мнения о трехчастном членении общества на "сражающихся", "молящихся" и "трудящихся", моделирующем образец божественной Троицы (схема такого социального устройства средневекового общества восходит еще к сочинениям Дионисия Ареопагита, а впоследствии она широко представлена как в сочинениях средневековых авторов, так и в работах современных историков и социологов), язык нам дает несколько иную картину, высвечивая роль и значение группы "властвующих и управляющих". При этом каждая из частей речи (хотя и с разной степенью детализации) по-своему представляет эту группу имен. Если глаголы передают общую идею власти (ср. **власти** 'властвовать'; **съвласти** 'властвовать, господствовать над кем-либо совместно с кем-либо'; **обладати** 'владеть, обладать властью, править'; **прѣдрьжати** 'держать власть в своих руках'; **оустоіати** 'царствовать, господствовать над кем-либо, управлять кем-либо, чем-либо'; **цѣсарити** 'господствовать, владычествовать'; **въцѣсарити сѧ** 'воцариться'), то имена существительные указывают в основном на те или иные административные функции лица (ср. **жоупанъ** 'глава жупы'; **приставьникъ** 'управляющий'; **самъчии** 'начальник'; **строитель** 'управляющий'), а прилагательные (чаще всего притяжательные) атрибутируют в основном признак п р и н а д л е ж н о с т и власти конкретному государственному лицу: и здесь также прослеживается интересная закономерность, так как эти имена давали чаще всего названия лиц, наделенных властью (светской или церковной), лица же, лишенные этой власти, довольно редко атрибутировались с этой точки зрения (ср. **владычьнь** 'владыки, правителя'; **вокводинъ** 'правителя, владыки'; **врьховьнь** 'верховного, высшего, главного'; **епарьшьскъ** 'наместнический'; **кънѧжь** 'правителя, властителя'; **старѣишиньскъ** 'относящийся к вождю, старейшине' и др.).

Такая устойчивость лексической параметризации человека как существа социального в именах и глаголах говорит о том, что средневековый человек осознавал стабильность ролей и социальных отношений в обществе: он выделял себя из группы, противопоставляя себя одним ее членам и отождествляя с другими, признавал групповые формы поведения, иерархию отношений в группе, социальные нормы и ценности.

О значимости понятия "власти" как одной из ценностей бытия средневекового человека говорит и наличие в старославянском языке многочисленных глаголов со значением 'льстить' (ср. **ласкати** 'льстить'), 'строить козни' (ср. **ковати** 'строить козни'; **плести** 'строить козни'; **проказьлѣти** 'строить козни, злоумышлять'), клеветать (ср. **клеветати** 'клеветать'; **оульстити** 'оболгать, оклеветать'; **навадити** 'оклеветать'; **обадити** 'оклеветать, обвинить'), 'обманывать, лгать' (ср. **блазнити** 'обманывать'; **льстити** 'обманывать'; **лъгати** 'лгать'; **обръпътити** 'обмануть'; **пронырити** 'достичь обманом, лукавством'), 'предавать' (ср. **прѣдати** 'предать, выдать' и др.).

Таким образом, понятие "власти" и само разделение средневекового общества на "высших" и "смиренных" органически входило в сознание средневекового человека, который свято верил в то, что социальное неравенство общества преодолевалось идеей справедливости властвующих, охраняющих праведных и воздающих неправедным (не случайно существительное **правлкник** имело значение 'правильность, справедливость').

Словообразовательные средства всех трех частей речи используются не только для маркирования социального статуса лица, но и для указания на его имущественное положение, причем здесь также прослеживается интересная закономерность: во всех частях речи чаще всего детерминируются лица социально ущербные и неравноправные (ср. существительные **маломощь** 'бедняк'; **малыи** прил. в знач. сущ. 'незнатный, простой человек, бедняк'; **проситель** 'нищий'; **рабыни** 'рабыня, невольница, служанка'; прилагательные: **бѣдьнъ** 'бедный, убогий'; **хоудъ** 'бедный'; **окаганьнъ** 'бедный, обездоленный'; **работьнъ** 1) 'рабский'; 2) 'подвластный'; глаголы: **лишати сѧ** 'терпеть лишения, нуждаться'; **обнищати** 'обеднеть, обнищать'; **работати** 'находиться в рабстве, быть рабом'; **поработати** 'стать слугой'; **слоужити** 'быть в подчинении, быть слугой'), факт, который с точки зрения средневековой идеологии являлся вполне закономерным, поскольку в бедности видели состояние более угодное Богу, нежели в богатстве (о чем говорит сама мотивация слов **оубогъ** 'очень бедный, нищий' и **ооубожати** 'обеднеть, обнищать'), "преумножение же земных богатств и их накопление не получали оправдания с точки зрения богословов" [Гуревич 1984: 22; 270].

Внимание к неодинаковой лексико-словообразовательной проработанности различных участков старославянского языка выявило совершенно неожиданный для этого сакрального языка интерес к теме войны, что проявляется не только в наличии субъектных номинаций типа **воинъ** 'воин'; **ратьникъ** 'воин'; **копиникъ** 'копьеносец'; **оружьникъ** 'тяжело вооруженный воин'; **пращьникъ** 'пращник, стрелец из пращи'; **воєвода** 'военачальник'; **тысѧщьникъ** 'начальник отряда в тысячу воинов'; **казньць** 'военачальник' < **казнь** 'указ, приказ'; но и многочисленных глаголов, детально разрабатывающих эту тему.

Обращает на себя внимание прежде всего высокая степень расчлененности семантического поля "воевать". Кроме глаголов с этим значением (ср. **брати сѧ** 'воевать'; **воєвати** 'воевать'), в старославянском языке существуют глаголы, эксплицирующие само н а м е р е н и е н а ч а т ь в о е н н ы е д е й с т в и я (ср. **събирати сѧ** 'собираться воевать, готовиться к нападению'; **тварити сѧ** 'собираться, готовиться выступать против кого-либо'; **въоружати сѧ** 'вооружаться'), а также их начало (ср. **изити** 'выступать в поход против кого-либо'; **варити** 'внезапно напасть'; **напасти** 'напасть на кого-либо').

Кроме того, в старославянском языке имеется довольно большая группа глаголов, в деталях рисующих картину ведения боевых действий (попутно заметим, что в русском языке их эквивалентами являются чаще всего лишь описательные конструкции, ср. **въплъчити** 'построить войско'; **оплъчити сѧ** 1) 'построиться в боевой порядок'; 2) 'расположиться лагерем'; **сънити сѧ** 'сойтись на поле боя, сразиться'; **подвигнѫти сѧ** 'вступить в бой'; **поборити** 'помогать в бою'; **осѣсти** 'подвергнуть осаде, осадить'; **обити** 'окружить'; **обложити** 'окружить'; **одрьжати** обступать, окружать'; **остоѩти** 'окружать, обступать'; **оуривати** 'окружать, теснить').

Все это не может не свидетельствовать об известной воинственности сознания средневекового человека, о чем косвенно говорит и тот факт, что в семантической структуре непроизводного слова **мѫжь** содержится значение 'солдат' (ср. **мѫжь** 1) 'мужчина' // 'человек' // 'солдат'; 2) 'муж', т.е. само предназначение мужчины в Средневековье было связано с его участием в войне).

Эта воинственность сознания средневекового человека во многом определялась дихотомичностью средневековой модели мира, в которой война и мир являлись ее стабильными компонентами, поэтому "наша" война против "них" воспринималась как "долг" и в некоторой степени как явление "сакральное", "священное", особенно когда ее вели против иноверцев: врагов п о б е ж д а л и (ср. **побѣдити** 'победить, поразить'; **прѣдолѣти** 'победить'; **съделѣти** 'одолеть, победить'; **оутопити** перен. 'победить, уничтожить'), п р е с л е д о в а л и и г н а л и (ср. **гонити** 'преследовать, гнать'; **изгонити** 'преследовать'; **тратати** 'преследовать'), з а х в а т ы в а л и в п л е н (ср. **плѣнити** 'взять в плен'; **поѩти** 'взять в плен'). И очень редко перед врагами отступали (ср. **остѫпати** 'отступать'). Поэтому важнейшая тема литературы Средневековья – это тема войны "с ними", победы "над ними", пленение, ограбление и порабощение "их".

Свидетельством воинственности сознания средневекового человека является и наличие в старославянском языке целого блока имен, имеющих в своем значении семы 'р а з о р и т ь, р а з г р а б и т ь, о п у с т о ш и т ь' (ср. **плѣнѩти** 'разорять, опустошать, грабить'; **разграбити** 'разграбить, расхитить'; **расхытити** 'расхитить, растащить'), 'разрушить' (ср. **оборити** 'разрушить, снести'; **развратити** перен. 'разрушить'; **расказити** 'разрушить'; **съврѣщи** 'разрушить до основания'; **тълити** 'разрушать, губить'), а также 'о т н я т ь' (ср. глаголы **възѧти, изѧти, отѧти, оуѣѧти, исторъгнѫти, лиховати, лишити, оскѫдити, оутоуждити**).

Однако самым ярким свидетельством воинственности сознания средневекового человека является удивительно большое для сакрального языка (и в количественном и в качественном выражении, в плане разнообразия корневых основ) число глаголов со значением 'у б и т ь, у м е р т в и т ь, у н и ч т о ж и т ь' (ср. **избивати** 'убивать, истреблять'; **исѣщи** 'перебить (врагов)' // 'обезглавить'; **побити** 'забить камнями' // 'убить'; **оубити** 'убить, умертвить'; **клати** 'убивать'; **поразити** 'сразить, поразить, убить'; **прѣставлѩти** перен. 'заставлять умереть'; **оуморити** 'умертвить, убить'; **оумрьтвити** 'умертвить, убить'; **оумрьтити** 'умертвить'; **съконьчати** 'уничтожить, убить, истребить'; **погоубити** 'погубить, уничтожить'; **растрьѕати** 'уничтожить, сокрушить'; **сънѣдати** перен. 'истреблять, разорять, уничтожать'; **сътрѧсати** перен. 'уничтожить'; **оупразнити** 'уничтожить'; **попьрати** 'попрать, уничтожить'; **потрѣбити** 'истребить, уничтожить, погубить'; **исказити** 'уничтожить'; **истрьти** 'истребить, разгромить, уничтожить'; **исѣщи** 'перебить (врагов)' // 'обезглавить'; **изморити** 'истребить, погубить'; **сътрьти** 'уничтожить'; **разорити** 'разрушить, уничтожить'; **раздроушити** 'разрушить, уничтожить'), в то время как значения 'о с т а в и т ь в ж и в ы х' или 'пощадить' передаются одиночными глаголами (ср. **живити** 'оставить в живых'; **поцѧдѣти** 'пощадить').

Таким образом, ономасиологический подход к производному слову старославянского языка позволяет вскрыть глубинные противоречия в этике Средневековья: с одной стороны, проповедь христианского милосердия и смирения, а с другой – жесткое преследование "чужих" (особенно иноверцев и язычников); с одной стороны, христианская забота о спасении души, с другой – варварское пренебрежение к человеческой личности, господство морали, допускающей жестокость и агрессивность в отношении членов других сообществ, о чем красноречиво свидетельствуют следующие глаголы: **избадати** 'выкалывать (очи)'; **ослѣпити** 'ослепить, лишить зрения'; **омрачити** 'ослепить, сделать слепым'; **насилити** 'изнасиловать'; **пробости** 'проколоть, пронзить': **нъ единъ отъ воинъ копиемь емоу ребра проводе** – СС: 518; **прѣбивати** 'ломать, переламывать (**прѣбивати голѣни**)' – СС: 533; **сѣщи** 'отсекать голову, обезглавливать'; **стръгати** 'строгать, скоблить (истязать), терзать': **повелѣ же и доблѣ'го алеѯандра · повѣсивъше стръгати · строужемоу же емоу въз'пи** – СС: 630; ср. также следующие тексты: **Повелѣша принести олово и растопивъше възліѩти на очи; Съвѧзавъше ѥго сътвориша ѥмоу оноуштѫ и гвоздиѧ остры вънозиша въ оноуштѫ** – СС: 412; **повелѣ слоугамъ огнь нанести по вьсемоу тѣлоу ѥю** – СС: 350).

Внимание к внутренней форме старославянского слова позволяет составить представление и о формах хозяйствования средневекового человека, поскольку среди имен и глаголов отчетливо выделяются названия, относящиеся к традиционной трудовой деятельности с е л ь с к о г о населения и прежде всего, связанные с земледелием (ср. существительные: **винарь** 'виноградарь'; **врьтоградарь** 'садовник'; **жѧтель** 'жнец'; **сѣвыи** прич. в знач. сущ. 'сеятель'; **ратаи** 'пахарь'). Особенно подробно эту тему разрабатывают глаголы, описывающие процессы, связанные с о б р а б о т к о й з е м л и (ср. **въздѣлати** 'возделать (землю)'; **орати** 'пахать'; **копати** 'обрабатывать землю'; **въкопати** 'вскопать'; **окопати** 'окопать, окучить'; **ископати** 'выкопать'); с с е в о м и п о с а д к о й р а с т е н и й (ср. **сѣѩти** 'сеять'; **насѣѩти** 1) 'засеять'; 2) 'посеять'; **садити** 'сажать (растения)'; **разбити** 'разбить сад'); с у х о д о м з а н и м и, в ы р а щ и в а н и е м (ср. **плѣти** 'полоть'; **исплѣти** 'выполоть'; **поливати** 'поливать'; **напаѩти** 'орошать'; **въздрастити** 'вырастить': **прозѧбати** 'растить, выращивать'; **съзорити** 'довести до зрелости'); с о с б о р о м у р о ж а я (ср. **събирати** 'убирать (урожай)'; **пожѧти** 'собрать урожай, сжать'; **въстръгати** 'срывать, вырывать'; **потрьѕати** 'рвать, вырывать'; **чесати** 'собирать, снимать (плоды)'; **съвѧзати** 'связать' (в снопы); е г о о б р а б о т к о й (ср. **просѣѩти** 'просеять'; **съмлѣти** 'смолоть'; **истирати** 'растирать, вылущивать') и т.д.

Все эти имена и глаголы говорят нам о земледелии как основном виде трудовой деятельности сельского населения, что подтверждает выводы историков о том, что средневековое общество было по преимуществу крестьянским.

Значительно скромнее представлены другие виды трудовой деятельности, относящейся к производящему типу хозяйствования, а именно ж и в о т н о в о д с т в о, по-видимому, прежде всего коневодство и овцеводство (ср. **въпрѧщи** 'впрячь'; **оседълати** 'оседлать'; **съпѧти** 'связать, стреножить'; **пасти** 'пасти'; **оупасти** 'прокормить на пастбище'; **цѣстити** 'кастрировать'; **стрищи** 'стричь' (овец); **звѣрокръмьникъ** 'тот, кто кормит зверей'; **пастоухъ** 'пастух'); различные р е м е с л а, в частности, ремесла, с в я з а н н ы е с о б р а б о т к о й г л и н ы (ср. **грънчарь** 'гончар'; **скѫдьльникъ** 'гончар' < **скѫдьль** 'глиняный черепок'; **прижагати** 'прижигать, обжигать'), к а м н я (ср. **изваѩти** 'изваять'; **исѣщи** 'высечь, вырубить'), м е т а л л а (ср. **растопити** 'растопить, расплавить'; **ковати** 'ковать'; **оковати** 'оковать, покрыть металлом'; **острити** 'острить, точить'; **позлатити** 'позолотить'), д е р е в а (ср. **дрѣводѣлѩ** 'плотник'; **рѣзати** 'пилить, рубить'; **прѣтирати** 'пилить, перепиливать';

тесати 'тесать, рубить топором'; **посѣкати** 'вырубать, срубать'), п р я ж и (ср. **прѧсти** 'прясть'; **тъкати** 'ткать'; **истъкати** 'выткать') и т.д.

При этом в старославянском языке лексика производящего типа хозяйствования заметно преобладает над лексикой, репрезентирующей присваивающий тип хозяйства, к которому относятся о х о т а (ср. **ловьць** 'охотник'; **оуловити** 'изловить, поймать на охоте'; **оустрѣлити** 'подстрелить'; **лѧцати** 'расставлять ловушки') и р ы б о л о в с т в о [ср. **рыбарь** 'рыбак'; **въметати** 'забрасывать (сети)'; **завѧзати** 'чинить сети'; **строити** 'чинить' (сети)]. Нетрудно заметить, что семантическое пространство этой группы имен, в отличие от предшествующей, практически не расчленено и в языковом отношении проработано довольно слабо, о чем, пожалуй, лучше всего говорит тот факт, что понятия "ловить рыбу" и "охотиться" передаются одним и тем же глаголом **ловити**.

Таким в старославянском языке предстает средневековый человек как личность социальная. В целом, однако, следует признать, что во всех трех частях речи названия человека как существа социального значительно уступают названиям, характеризующим человека как существо духовное, мыслящее и страдающее.

Апелляция к внутренней форме производных слов, характеризующих человека как существо духовное, позволяет выделить основной принцип его номинации – принцип оппозитарности, который последовательно выдерживается в этой группе имен. Во всех частях речи описание человека идет как бы "сверху вниз" – от заданной божественно предопределенной сущности к ее греховным нарушениям, поскольку личность рассматривалась прежде всего в ее отношении к Богу (мотивационный признак, который, как правило, не актуализируется в субъектных номинациях, принадлежащих языку секулярной культуры). В одних именах эта идея выражается эксплицитно:

– либо самой словообразовательной структурой слова, через корневую морфему (особенно ярко эта идея передается именами, и прежде всего прилагательными, ср. **безбожьнъ** 'безбожный'; **богоборьнъ** 'борющийся против бога'; **богокоторьнъ** 'борющийся против бога'; **боголюбивъ** 'любящий бога, набожный'; **богозъванъ** 'избранный богом'; **боголѣпьнъ** 'богоугодный'; **богомрьзъкъ** 'враждебный богу'; **богоносивъ** 'носящий в себе бога'; **богочьстивъ** 'чтущий бога'; **хрьстолюбъвьнъ** 'христолюбивый'; **хрьстоненавидьнъ** 'ненавидящий Христа'; существительные: **богоборьць** 'богоборец'; **богосварьникъ** 'богоборец'; **боговидьць** 'видящий бога'; **боголюбьць** 'человек, любящий бога'; **богоносьць** 'человек, носящий в себе бога'; **богочтьць** 'набожный, благочестивый человек'; **христоборьць** 'противник Христа'; **христолюбьць** 'христолюбец') и значительно слабее глаголами (ср. **богословествити** 'проповедовать, восхвалять бога'; **богословити** 'проповедовать, восхвалять бога');

– либо через систему значений слова, и здесь опять ярче всего представлены прилагательные (ср. **зълочьстьнъ** 'безбожный человек'; **неподобьнъ** 'безбожный, бесчестный, развратный'; **хоульнъ** 'богохульствующий'; **благовѣрьнъ** 'набожный, благочестивый'; **благочьстивъ** 'набожный, благочестивый, богобоязненный'; **доброговѣинъ** 'набожный, благочестивый'; **доброчьстьнъ** 'благочестивый, набожный'; **чьстивъ** 'благочестивый, набожный'; **милостивъ** 'набожный'); хуже глаголы (ср. **благочьстовати** 'быть набожным, благочестивым'; **блазнити сѧ** 'богохульствовать' – СС: 91; **власвимисати** 'богохульствовать'; **нечьствовати** 'быть безбожным, нечестивым'; **хоуловати** 'богохульствовать') и существительные (ср. **неподобьникъ** 'безбожник'; **оугодьникъ** 'тот, кто угоден богу'; **хоульникъ** 'богохульник, еретик').

В других именах эта идея выражается имплицитно, через обозначение тех атрибутивных признаков и символов, которые являются сопутствующими образу

Христа (ср. существительные: **блаженикъ** 'блаженный (наименование святых)'; **мѫченикъ** 'мученик'; **правьдьникъ** 'праведник'; **свѧтьць** 'святой'; **свѣтитель** 'несущий свет'; **страстоносьць** 'страдалец, мученик'; **нищелюбьць** 'любящий бедных'; **чловѣколюбьць** 'тот, кто любит людей'; прилагательные: **облаженъ** 'блаженный'; **кротостьнъ** 'исполненный кротости'; **безгрѣшьнъ** 'безгрешный'; **безгнѣвьнъ** 'беззлобный'; **безълобивъ** 'беззлобный, кроткий, беспорочный'; **трьсвѧтъ** 'трижды святой'; **любоницѣ** 'любящий бедных'; **милосрьдьнъ** 'милосердный, участливый'; глаголы: **зълострадати** 'испытывать страдания'; **пострадати** 'претерпеть страдания'; **скръбѣти** 'страдать, мучиться'; **тѫжити** 'печалиться, страдать, мучиться'; **милосрьдовати** 'проявлять милосердие'; **оущедрити** 'проявить сострадание, милосердие' и т.д.).

В третьих – оппозитарно, через противопоставление божественного и греховного в человеке. И здесь онтологическим ключом к пониманию реальности и человека во всех частях речи становятся категории д о б р а и з л а. При этом человек мыслится как существо греховное (ср. ставшее классическим изречение Григория Богослова: "Человек тварь, но он имеет повеление стать Богом"), отсюда довольно многочисленна группа имен, в которых актуализируются всевозможные прегрешения человека перед Богом, перед людьми и перед самим собой, а именно:

– отсутствие стыда (ср. существительные **бесрамъкъ** 'бесстыдник'; **бестоудьникъ** бесстыдник'; **бестоудьць** 'бесстыдник'; прилагательные: **бесрамьнъ** 'бестыдный'; **бестоудьнъ** 'бесстыдный'; **оукорьнъ** 'позорный, постыдный, бесчестный');

– гнев (ср. прилагательные: **гнѣвливъ** 'гневающийся, злобный'; **гнѣвьнъ** 'гневный, злобный'; глаголы: **гнѣвати сѧ** 'сердиться, гневаться'; **разгнѣвати сѧ** 'разгневаться, рассердиться'; **ꙗрити сѧ** 'гневаться, сердиться');

– похоть, разврат, прелюбодеяние (ср. существительные: **блѫдьникъ** 'развратник'; **любодѣица** 'блудница'; **прѣлюбодѣи** 'прелюбодей'; прилагательные: **блѫдьнъ** 'развратный'; **неподобьнъ** 'развратный'; **поустошьнъ** 'распутный'; **похотьнъ** 'похотливый'; глаголы: **блѫдити** 'развратничать'; **прѣлюбодѣꙗти** 'прелюбодействовать'; **растьлѣти** 'развратиться, совратиться');

– обжорство, ибо "все, что нарушает меру, от бесов – таков суровый приговор подвижника египетской пустыни Пимена" [Аверинцев 1997: 24], ср. существительные: **великꙗдъ** 'обжора'; **ꙗдьца** 'обжора'; прилагательные: **ненасыщенъ** 'ненасытный'; **несытьнъ** 'жадный, ненасытный'; глаголы: **объсти сѧ** 'объесться');

– пьянство (ср. существительные: **виноопивьца** 'пьяница'; **пивьца** 'пьяница'; **пиꙗница** 'пьяница'; прилагательные: **пиꙗнъ** 'пьяный'; **шоумьнъ** перен. 'пьяный'; глаголы: **оупивати** 'напиваться (допьяна)'; **оупити сѧ** 'напиться допьяна');

– зависть (ср. существительные: **завидѧи** 'завистник'; **завистьникъ** 'завистник'; прилагательные: **завидьливъ** 'завистливый'; **завистьливъ** 'завистливый'; глаголы: **завидѣти** 'завидовать'; **рьвьновати** 'завидовать');

– злодейство (ср. существительные: **зълодѣи** 'злодей, творящий зло'; **лаꙗтель** 'тот, кто строит козни, творит зло'; прилагательные: **зълобивъ** 'причиняющий зло'; **зълодѣинъ** 'злодейский'; **зълокъзньнъ** 'злокозненный'; глаголы: **зълосътворити** 'причинить зло'; **зълобовати** 'вредить, причинять зло'; **оузлобити** 'причинить зло'; **лѫкавьновати** 'причинять зло, строить козни'; **напастьствовати** 'причинять зло, строить козни кому-либо'; **проказьлѣти** 'строить козни, злоумышлять');

– алчность, сребролюбие (ср. существительные: **лихокмльѧи** 'корыстолюбец'; **сьребролюбьць** 'сребролюбец, корыстолюбец'; прилагательные: **любоимѣньнъ** 'корыстолюбивый, алчный'; **несыть** 'жадный');

– ложь, клевета, предательство, обман (ср. существительные: **лицемѣръ** 'лицемер'; **лъжесъвѣдѣтель** 'лжесвидетель'; **лъжипослоухъ** 'лжесвидетель'; **льстьць** 'обманщик'; **прѣльстьникъ** 'обманщик, соблазнитель' < **прѣльстити** 'обмануть, обольстить'; **прѣдавьникъ** 'предатель'; **клеветьникъ** 'клеветник'; прилагательные: **лъживъ** 'лживый'; глаголы: **блазнити** 'обманывать'; **льстити** 1) 'обманывать'; 2) 'лукавить, соблазнять'; **крадоводити** 'обманывать, обольщать'; **сълъгати** 'солгать, обмануть'; **обръпътити** 'обмануть'; **лъжепослоушьствовати** 'лжесвидетельствовать');

– жестокость (ср. существительные: **лютьць** 'жестокий человек'; **нечловѣкъ** 'жестокосердный человек'; **мѫчитель** 'мучитель'; **томитель** 'мучитель'; прилагательные: **горькъ** перен. 'жестокий'; **жестосрьдивъ** 'жестокосердный', **тѫжькосрьдъ** 'жестокосердный, бессердечный'; глаголы: **ожестити сѧ** 'ожесточиться'; **ожесточити** 'ожесточить'; **ожестѣти** 'очерстветь');

– гордыня (этот признак маркируется в основном глаголами: ср. **възносити сѧ** 'гордиться, кичиться'; **величати** 'гордиться'; **вельмѫдровати** 'быть самонадеянным'; **надоути сѧ** 'возгордиться'; **надымати сѧ** перен. 'гордиться'; **разгръдѣти** 'возгордиться'; прилагательное: **величавъ** 'надменный, заносчивый') и др.

Однако, стремясь быть верным "натуре", старославянский язык не утрачивал и представления об идеале, и это присутствие "идеала" – характерная примета языка. Как предметная реальность "идеальная личность" могла и не существовать в обществе, однако как наиболее совершенная, близкая к божественному идеалу она существовала в сознании человека. Вступая в диалог с конкретным человеком, "она из сферы сознания переходила в сферу поступков. Идеальное становилось реальным" [Свирида 1995: 8]. Как реализацию это личностного идеала можно рассматривать следующие словообразовательно детерминируемые именами и глаголами добродетели:

– доброта, способность творить добро, благо (ср. существительные: **благодатьникъ** 'тот, кто делает добро'; **благодѣтель** 'благодетель'; прилагательные: **благотворивъ** 'делающий добро'; **благостьнъ** 'добрый, милостивый'; **прѣблагъ** 'очень добрый'; **добродѣтѣльнъ** 'добродетельный'; **добродѣꙗнъ** 'добродетельный'; глаголы: **добросътворити** 'сделать добро'; **добротворити** 'делать добро'; **оублажити** 'сделать добро'; **благотворити** 'благодетельствовать'; **благодарьствити** 'благодетельствовать'; **благодати** 'оказывать благодеяние');

– щедрость (ср. существительные: **давьць** 'даритель'; **датель** 'даритель'; **подадитель** 'дарующий, податель'; **раздавьникъ** 'тот, кто раздает, раздаривает свое имущество'; прилагательные: **прѣщедръ** 'в высшей степени милосердный, премилостивый'; глаголы: **даровати** 'подарить'; **дарьствовати** 'дарить, давать'; **одарити** 'одарить'; **обогатити** 'обогатить, одарить'; **подаꙗти** 'дарить'; **раздаꙗти** 'раздавать, раздарить');

– вспомоществование, способность прийти людям на помощь (ср. существительные: **добропомощьница** 'хорошая помощница'; **помощьникъ** 'помощник'; **поспѣшьникъ** 'помощник'; **съпоспѣшьникъ** 'помощник'; **съдѣиствьникъ** 'помощник, сподвижник, соратник'; глаголы: **помагати** 'помогать'; **помоци** 'помочь'; **поспѣховати** 'способствовать, помогать'; **поспѣшьствовати** 'способствовать, помогать'; **поспѣꙗти** 'способствовать, помогать'; **съдѣиствовати** 'содействовать, помогать');

– любовь к людям (ср. существительные: **чловѣколюбьць** 'тот, кто любит людей'; **нищелюбьць** 'любящий бедных'; прилагательные: **чловѣколюбьствьнъ** 'человеколюбивый'; **чловѣколюбивъ** 'человеколюбивый'; **любоницьь** 'любящий бедных'; глаголы: **благоизволити** 'возлюбить кого-либо'; **въблаговолити** 'возлюбить');

– воздержание и целомудрие (ср. существительные: **чистолюбьць** 'сторонник целомудрия, непорочности, чистоты'; прилагательные: **въздрьжаньнъ** 'воздержанный'; **цѣломѫдрьнъ** 'целомудренный, воздержанный'; глаголы: **цѧдѣти сѧ** 'сдерживаться, удерживаться'; **цѣломѫдровати** 'быть сдержанным'; **цѣломѫдрьствовати** 1) 'обладать здравым умом, благоразумием'; 2) 'быть сдержанным');

– миролюбие и кротость (ср. существительные: **кротолюбьць** 'миролюбивый человек'; **миротворьць** 'миротворец'; прилагательные: **кротостьнъ** 'исполненный кротости'; **безълобивъ** 'беззлобный, кроткий, беспорочный'; глаголы: **оукротѣти сѧ** 'успокоиться, смириться, стать кротким');

– гостеприимство (ср. существительные: **страньнопринимьць** 'гостеприимный человек'; прилагательные: **любостраньнъ** 'гостеприимный'; глаголы: **гостити** 'угощать').

Если обратить внимание на количественную представленность имен, характеризующих пороки и добродетели человека, то следует признать, что в целом в лексиконе старославянского языка обвинительные мотивы преобладают над оправдательными. И дело здесь не столько в том, что зло, как говорил Паскаль, многолико, а добро всегда одинаково [Арутюнова 1984: 17], сколько в самих постулатах Средневековья, согласно которым человек рассматривался как существо греховное. Вспомним прекрасные слова Иоанна Златоуста: "Невозможно человеческому естеству не согрешить, нет также на земле и безгрешных. Но можно от согрешения обратиться к покаянию, и не собирать злого к злому... И тогда избавит нас Господь Своею благодатию".

Интересно, что каждая из частей речи "вносит свои краски" в портрет средневекового человека как существа духовного. Так, если прилагательное, описывая человека, делает акцент на его вере (ср. **вѣрьнъ** 'набожный'; **маловѣръ** 'маловерный'; **невѣрьнъ** 'неверующий'; **хоудовѣрьнъ** 'недостаточно глубоко верующий'), то глагол – на восхвалении Бога, поэтому здесь одну из самых больших тематических групп образуют глаголы со значением 'хвалить, превозносить' (ср. **славити** 'восхвалять, славить, прославлять (обычно бога)'; **славословити** 'славить, прославлять'; **хвалити** 'восхвалять, славить, прославлять (бога)'; **благословесити** 'вознести хвалу'; **благословлѩти** 'восхвалять'; **блажити** 'восхвалять'; **величити** 'превозносить, восхвалять' и т.д.).

Характерно также и то, что и глаголы, и имена объединяет интерес к ментальности человека, и прежде всего к его способности мыслить, постигать и понимать окружающий мир (особенно ярко эта идея передается прилагательными и глаголами), причем и здесь присутствует архетип Бога (ср. прилагательные: **богомѫдростьнь** 'мудрый как Бог'; **богомѫдръ** 'божественно мудрый'; **словесьнъ** 'обладающий разумом'; **несловесьнъ** перен. 'неразумный'; глаголы: **мыслити** 'думать, мыслить, размышлять'; **мѫдровати** 'думать, размышлять, расуждать'; **съмышлѩти** 'думать, рассуждать, размышлять'; **домыслити сѧ** 'понять'; **вѣдѣти** 'знать' // 'предвидеть'; **навѣдѣти** 'знать'; **съвѣдѣти** 'знать, понимать'; **познавати** 'узнавать, познавать'; **оумѣти** 'знать'; **разоумѣти** 'понять, узнать, познать, осознать'; существительные: **прѣмѫдръ** прил. в знач. сущ. 'мудрец'; **съвѣдѣтель** 'знаток'; **хытрьць** 1) 'знаток'; 2) 'мудрец' < **хытръ** 'умелый').

Старославянский язык характеризует средневекового человека еще в одном его состоянии – в эмоциональном. И здесь, пожалуй, самым ярким его эмоциональным состоянием является чувство страха (ср. **боѩти сѧ** 'бояться'; **възбоѩти сѧ** 'испугаться'; **оубоѩти сѧ** 'испугаться, почувствовать страх'; **трѧсти сѧ** 'трястись, дрожать (от страха)'; **сътрѧсати сѧ** 'задрожать, затрястись (от страха)'; **съмѧсти** 'испугаться';

трепетати 'испытывать страх' // 'бояться'; **оустрашити сѧ** 'испугаться, устрашиться'; **оужасиѫти сѧ** 'испугаться'). Ни одна из других тематических групп глаголов, характеризующих человека в эмоциональном плане, не может сравниться с этой группой имен, что и понятно: вся средневековая культура была проникнута чувством страха. Не случайно даже в приветствии средневекового человека имплицитно присутствовала тема страха, ср. **миръ вамъ азъ есмъ не боите сѧ** 'приветствие' – СС: 328. Страх составлял неотъемлемую часть бытия средневекового человека, отношения с миром которого строились именно на этом чувстве. Страх был фоном и всей внутренней жизни нашего "героя", влияя на формирование внутреннего склада его души и определяя, в частности, появление у него таких качеств, как неуверенность в себе, нерешительность, замкнутость, осторожность, предусмотрительность и др.

Понятие страха соотносилось, с одной стороны, с чисто физическим чувством, возникающим у человека в минуты опасности, столкновения с чем-то непознанным, неясным, что поражало и ужасало силой своего проявления (ср. **страхъ** 'страх, ужас' // 'явление, внушающее страх'), а с другой стороны, – со страхом Божьим, вызывающим у человека чувство благоговейного трепета перед силой и могуществом Всевышнего, перед грозным оком которого он был один на один в этом мире (ср. **страхъ** 'трепет, благоговейный страх'; **страшьнъ** 1) 'страшный, внушающий страх'; 2) 'внушающий трепет, благоговение'). Восприняв животом "страх Божий", средневековый человек жил в соответствии с христианской заповедью **работаите господеві съ страхомъ и радоіте сѧ емоу съ трепетомъ** – СС: 700). И если первое чувство страха было, так сказать, ситуативно обусловлено (оно рождалось в минуты опасности и исчезало с их утратой), то второе чувство, чувство страха перед **страшънѣмь трепетьнѣмь сѫдищи** постоянно присутствовало в душе человека, влияя на его жизнь и определяя все его деяния. "Не сознавая того, сколь одержимы были люди Средневековья жаждой спасения и страхом перед адом, совершенно невозможно понять их ментальности, – пишет французский историк Ле Гофф, – а без этого неразрешимой загадкой остается поразительная нехватка у них жажды жизни, энергии и стремления к богатству" (Гофф 1992: 176).

Чувство страха рождало в человеке чувство б е с п о к о й с т в а, в о л н е н и я (ср. **печалити сѧ** 'расстраиваться, беспокоиться'; **плищевати** 'беспокоиться, волноваться'; **съмѫщати сѧ** 'волноваться, беспокоиться'), т р е в о г и (ср. **мѧсти сѧ** 'тревожиться, находиться в смятении'; **съмѧсти сѧ** 'прийти в смятение, испугаться' // 'опечалиться'), неуверенности в себе. Чувствуя себя одиноким (ср. **собити сѧ** 'быть одиноким)' и потерянным в мире, с т р а д а я и мучаясь (ср. **скръбѣти** 'страдать, мучиться'; **страдати** 'страдать, мучиться; **съдрьжати сѧ** 'мучиться'; **тѫжити** 'страдать, мучиться'), он часто п а д а л д у х о м и в п а д а л в у н ы н и е (ср. **прѣнемощи** 'изнемочь, упасть духом'; **сътѫжити сѧ** 'ослабеть, упасть духом, впасть в уныние'; **оуныти** 'пасть духом, впасть в уныние'), поэтому другим, не менее характерным его эмоциональным состоянием было состояние п е ч а л и (ср. **въпечалити сѧ** 'опечалиться'; **опечалити сѧ** 'опечалиться'; **печалити сѧ** 'расстраиваться, беспокоиться'; **пожалити сѧ** 'опечалиться'; **съжалити сѧ** 'опечалиться, огорчиться'; **въскръбѣти** 'опечалиться'; **оскръбѣти** 'опечалиться'; **дрѫселовати** 'печалиться'; **сълѧщи сѧ** перен. 'опечалиться'; **съмѧсти сѧ** 'опечалиться'; **тѫжити** 'печалиться, тужить, огорчаться') и с к о р б и (ср. **жалити** 'скорбеть'; **пещи сѧ** 'сокрушаться, скорбеть'; **сѣтовати** 'скорбеть, сетовать'). Это характерное для религиозного сознания средневекового человека состояние во многом объяснялось тем разрывом и контрастом между реальным (посюсторонним) миром, с его реальными тяготами и страданием, и нереальным (потусторонним) миром, который присутствовал в его сознании. Предоставленный самому себе, неуверенный в своем будущем, человек был погружен в

стихию тревоги и нарастающего страха. Изнемогая духовно (ср. **прѣнемагати** 'изнемогать (духовно)') и нередко отчаиваясь (ср. **отъчаѩти сѧ** 'отчаиваться'), человек обращался к Богу, который становился для него единственной опорой в жизни. Потеряв же ее или не желая отдаться в руки Божьи, человек приходил к отрицанию самого себя и решался нарушить божественную заповедь – уйти из жизни (ср. **възвѣсити сѧ** 'повеситься'; **обѣсити сѧ** 'повеситься'; **оудавити сѧ** 'повеситься'). Вот почему уныние и отчаяние как саморазрушение человека, разрушение того дара, который был дан ему Богом, рассматривается христианством как один из грехов, как нежелание отдаться на милость Божью, а потому как отрицание Бога.

Попутно хотелось бы остановиться и на теме страдания. Имена и особенно глаголы подробно "разрабатывают" эту тему (ср. существительные: **страстоносьць** 'страдалец, мученик'; **страстотрьпьць** 'страдалец, мученик'; **мѫченикъ** 'мученик'; прилагательные: **скръбьнъ** 'скорбящий'; **страстьнъ** 'несущий страдания'; глаголы: **зълострадати** 'испытывать страдания'; **пострадати** 'претерпеть страдания'; **скръбѣти** 'страдать, мучиться'; **страдати** 'страдать, мучиться'; **трьпѣти** 'страдать от чего-либо'; **тѫжити** 'страдать, мучиться'; **острастити** 'причинить страдания'; **съдрьжати сѧ** 'мучиться'), указывая на причину страдания (ср. **страдати** 'страдать из-за отсутствия чего- или кого-либо' // 'трудиться, работать (тяжело, до изнеможения)'; **трьпѣти** 'страдать от чего-либо'), силу его проявления (ср. **зълострадати** 'испытывать страдания'; **скръбѣти** 'горевать, тужить, печалиться' // 'страдать, мучиться'; **тѫжити** 'печалиться, тужить' // 'страдать, мучиться'), а также на способность человека вынести, претерпеть страдания (ср. **пострадати** 'претерпеть страдания'; **прѣстрадати** 'вытерпеть, перестрадать'). Причем идея страдания обладала в сознании человека высшей ценностью (ср. **страсть** 1) 'страдания и лишения'; 2) 'подвиг мученичества'), так как она соотносилась с понятием страдания и мученичества как жизненного подвига Иисуса Христа. Вот почему человек мог сознательно подвергать себя страданиям, исступленно умерщвляя свою плоть, стремясь через страдания земные достичь царства небесного. Только этим можно объяснить существование в старославянском языке глаголов со значением 'оскопить себя' (ср. **исказити сѧ** 'оскопить себя'; **скопити сѧ** 'подвергнуться кастрации': **сѫть скопьци иже скопиша сами цѣсарьствиꙗ ради небесьнаго** – СС: 606).

Имен, обозначающих противоположное состояние духа человека, сравнительно немного, в основном это глаголы, которые почти в три раза уступают глаголам со значением 'страдать, печалиться и мучиться', ср. **веселити сѧ** 'вести веселый образ жизни, веселиться'; **възвеселити сѧ** 'обрадоваться'; **въздрадовати сѧ** 'возрадоваться'; **радовати сѧ** 'веселиться, радоваться'). Характерно, что приветствие человека в старославянском языке было связано с пожеланием, ему радости, ср. **радоуи сѧ, радоуите сѧ** 'здравствуй, здравствуйте' – СС: 565.

Такое внимание к теме страданий (а страдание возвышало человека, приближало его к Богу, ср. в связи с этим прилагательное **подобьностраст**ьнь 'страдающий, как и...', которое красноречиво говорит о том, что через страдания человек стремился уподобиться Богу), скорби и печали свидетельствует о том, что старославянский язык репрезентирует особый вид культуры – "культуры плачущей", на что указывают не только многочисленные глаголы со значением 'плакать, рыдать' (ср. **плакати**; **въплакати**; **въсплакати сѧ**; **оплакати**; **проплакати сѧ**; **сльзити**; **просльзити сѧ**; **посѣтовати**; **рыдати**; **въздрыдати**; **оупоуѩти сльзы**), среди которых существует даже глагол **любоплакати** 'любить плакать', но и наставления святых отцов предаваться плачу о грехах своих, чтобы "вселился в тебя страх Божий" [Антоний Великий 1998: 178], а также монашеские идеалы, предписывающие праведнику умываться не иначе, как слезами.

Внутренняя форма старославянского слова говорит о том, что радость и веселье в сознании средневекового человека также преломлялись через отношение к Богу, ср. **боговесельнъ** 'радующийся богу'. Об этом же свидетельствует и единственное прилагательное со значением 'счастливый', ср. **блаженъ** 'счастливый, блаженный', которое, как представляется, особенно характерно, поскольку оно косвенно указывает на то, что человек в своей земной жизни не может быть счастливым, это состояние известно лишь святым, блаженным людям.

Таким образом, выбор того или иного мотивационного признака в именах с общим значением лица был в значительной степени предопределен языком культуры Средневековья, ибо это не случайные признаки, а те, которые соответствовали культурнозначимой информации той эпохи (и пожалуй, ярче всего об этом говорят многочисленные имена, характеризующие человека в его отношении к Богу, т.к. именно Бог был главным регулятивным признаком Средневековья, ср. ситуацию в русском языке, представителе совсем иной культуры, где подобные имена субъекта практически отсутствуют). Устойчивая повторяемость этого мотивационного признака, обнаруживающаяся во всех личностных номинациях (но особенно в девербативных и деадъективах), указывает на то, что механизмы этой устойчивости были включены в культурные механизмы и являлись, по сути дела, одной из форм коллективной культурной памяти.

Анализ мотивационных признаков, лежащих в основе всех этих имен, обнаружил еще одну их особенность, а именно: явное преобладание акционального признака, который актуализируется более чем в половине лексем с общим значением лица. Даже в названиях христианских пустынников и отшельников процессуальная мотивация преобладает над атрибутивной (ср. **оходьникъ** 'отшельник'; **ошьльць** 'отшельник'; **съвъздрьжьникъ** 'сподвижник, тот, кто с кем-либо ведет жизнь аскета'; **троудьникъ** 'подвижник' < **троудити сѧ** 'вести аскетический образ жизни, претерпевать мученический подвиг'; **поустыньникъ** 'отшельник, пустынник'). И в представлениях о пороках и добродетелях в названиях лиц также наблюдается явный перевес в сторону глагольности, т.е. для языкового сознания средневекового человека чрезвычайно важным было то, как человек д е й с т в у е т в этой жизни, как он себя ведет в соответствии с принятыми в обществе нормами, поэтому именно процессуальный признак чаще всего актуализировался в названиях лиц.

Такое яркое выражение процессуальности, действенности в названиях лиц старославянских памятников письменности свидетельствует, как представляется, о том, что в средневековом сознании господствовал тип "активной" личности (а не пассивной, как это часто утверждается), которая посвящала себя борьбе со злом ради духовного спасения себя и других членов общества[6] (возможно, именно этим обстоятельством объяснется такое обилие имен, обозначающих борющуюся личность, ср. **богоборьць** 'богоборец'; **богосварьникъ** 'богоборец'; **борьць** 'борец'; **подвижьникъ** 'борец'; **подвижьнъ** прил. в знач. сущ. 'борец'; **прѣдъборьникъ** 'борец на переднем крае'.

---

[6] Наш вывод полностью подтверждается и наблюдениями историков, которые на ином материале (в частности, на материале "Повести временных лет") пришли к аналогичным утверждениям, ср.: "Архаическое представление летописца о человеке имело еще одну непривычную для нас особенность... летописные герои в каждый данный момент представлялись внешне исключительно деятельными, если летописец перечислял только внутренние качества персонажей, то и тогда имел в виду их действие вовне – активные (*братолюбивъ, милостивъ убогымъ*), менее активные (*молчалив, тихъ* и пр.), направленные персонажами иногда на самих себя (*въздержася отъ пьянства и отъ похоти*), но всегда действия. Герои, пребывавшие в пассивном положении, тоже оказывались в деле: с живостью принимали великие почести или дары, делали гораздо больше того, к чему их побуждали, или энергично сопротивлялись нажиму... бесноватые доходили до крайней степени беснования и уродства. Все сводилось к действиям" [Демин 1999: 18].

защищающую свои идеалы и жизненные ценности, ср. **рьвьнитель** 'ревностный защитник, поборник' < **рьвьновати** 'стараться, стремиться'; **съставьникъ** 'заступник, защитник'). Даже отчуждение от общества, эксплицируемое в названиях отшельников, в основе которых лежит процессуальный признак, воспринималось тоже как действие, как протест против несовершенства мира и греховности человека, т.е. перед нами образ "человека-деятеля", человека, осуществившего свой выбор и являющегося выразителем определенных смыслов и ценностей жизни, человека, стремящегося самодетерминировать свою судьбу в восхождении к высшей ценности – Богу и отстаивающего своими деяниями выбранный им жизненный путь.

Ономасиологический подход к производному слову позволяет взглянуть на средневекового человека еще в одном ракурсе – как на субъекта, воспринимающего, осмысляющего и оценивающего мир, и понять, что он видел и чем он жил в этом мире, посмотреть, что привлекало его внимание и что соответственно стало предметом номинации. Ведь существовать – значит быть в контакте с миром, а это возможно лишь благодаря наличию языка, поскольку окружающий мир является нам только в горизонте языка. Человек видит, "читает" и осмысляет увиденное в рамках своего лингвистического горизонта.

И здесь снова обнаруживаются интересные закономерности, смысл и значение которых позволяет понять опять же языкотворческая деятельность человека. В этой связи заслуживают внимания слова Дионисия Ареопагита, который, раскрывая сущность божественных имен, замечает: "Мы познаем Бога не из его природы, ибо она непознаваема..., но из устройства всего сущего, ибо это – Его произведение, хранящее некие образы и подобия его божественных прообразов" [Дионисий Ареопагит 1994: 245]. А старославянский язык – это произведение человека в полном смысле этого слова, и в нем, как и во всяком произведении мастера, отразилась личность его создателя.

Фронтальный анализ всех дериватов старославянского языка выявил прежде всего следующую особенность: в центре внимания человека был не столько тварный мир, сколько мир идеальный, мир его понятий и представлений о себе, о жизни, ее смысле, ценностях и идеалах. Именно этот мир отличается чрезвычайно лексической и словообразовательной "проработанностью". Что касается тварного мира, то здесь хотя и встречаются словообразовательные дериваты, однако число их почти в три раза меньше по сравнению с непроизводной лексикой[7].

Свой мир (**миръ** 'вселенная, мир') средневековый человек воспринимал как большое село (не случайно одним из значений слова **село** является 'мир, вселенная' ср. **село естъ вьсь миръ** – СС: 600), как землю, населенную людьми (ср. **въселькнаꙗ** 'земля, весь мир'; **населькнаꙗ** 'вселенная'), поэтому необитаемая земля – это земля ненаселенная (ср. **ненаселькнаꙗ** 'необитаемая земля'). С этим же корнем связывалось и понятие человечества и природы человека вообще (ср. **оуселенаꙗ** 'человечество, природа человека').

Вместе с тем в его восприятии мира отчетливо присутствовало сознание того, что мир этот не рожден из ничего, он – творение рук Божьих (ср. **оутварь** 'мироздание, мир': **дьньсь мала оутварь въ оутвари състави сѧ дьньсь кръмникъ чловѣчьскъ добраꙗ оуселеныѩ привесла** – СС: 750), поэтому мир чудесен и вызывает восхищение (ср. **чоудимъ** прил. – прич. 'вызывающий восхищение, уважение' **ты бо еси сътворилъ господи небо и земыѭ и вьсе чоудимоѥ подъ небесемь** – СС: 785).

---

[7] Интересно, что сходная картина наблюдается и в средневековой живописи, в которой пейзаж или ландшафт как таковые отсутствуют, а также в литературе, где господствовал принцип обобщенности, типизации, деконкретизации, ср. в связи с этим следующее замечание А.П. Каждана: "Хотя реалии и не вовсе исчезают из памятников византийской литературы или живописи, тем не менее этим памятникам свойственна тенденция освобождаться от конкретных примет времени и места, от отягчающих деталей" [Каждан 2000: 206].

В этом мире отчетливо противопоставлялись верх и низ. Верх – это **небо** 'небо', небесный свод, укрывающий землю, который воспринимался как нечто твердое (ср. **твръдѣль** 'небосвод'; **твръдь** 'небосвод'). Именно здесь находятся истинные ценности человеческой жизни (ср. **съкрываите себѣ съкровишта на небесе ідеже ни чрьвь ни тьлѣ тьлитъ землꙗ** – СС: 713).

Низ – это **землꙗ** 'земля, поверхность земли' // 'почва', которая представлялась средневековому человеку как нечто тленное (ср. **тьло** 'земля, твердая почва'), подверженное разрушению (ср. **прьсть** 'земля, пыль, прах') и гниению (ср. **тьлити** 'подвергать гниению, разрушать'), отсюда и завет **не съкрыванте себѣ съкровишта на земи ідеже чрьвь і тьлѣ тьлитъ** – СС: 714. Уже в этом противопоставлении земли и неба проявляется особенность мировосприятия средневекового человека, реальный мир для которого был лишь отражением идеального.

Мир, окружающий человека, был предметом его ценностного осмысления, и в основе этого осмысления лежал все тот же архетип Бога. По справедливому замечанию Э. Дюркгейма, "религия ценностно осмысляет все сущее", связывая природу, общество, человека, бытие и небытие в одно единое целое.

Проиллюстрировать эту мысль Э. Дюркгейма можно на примере с пространством, показывающем, как происходит рождение ценностных смыслов: восприятие человеком пространства как такового ("в самом-себе-и-для-себя-бытии"), т.е. так, как оно воспринимается, например, в геометрии или физике, лишено всякого ценностного осмысления, но как только мы начинаем рассматривать пространство не само по себе, а в его отношении к человеку как субъекту, осмысляющему пространство, оно сразу же становится субъективированным, т.е. приобретает ценностную значимость для субъекта, что непосредственно отражается в языке: так понятие "верха" становится в старославянском языке священным, ибо "верх" (соответственно, небо) – это место пребывания Бога, ангелов (ср. значения слова **врьхъ** 'верх, вершина' // перен. 'величайший' // 'в высшей степени': **начьнъ же отъ мосеа дроуга божиꙗго връха пророкъ** – СС: 124; **небесьнии** прил. в знач. сущ. 'небожители'), "верх" (небо, звезды, солнце, горы) становится носителем религиозной ценности (ср. **горьнии** прил. в знач. сущ. 'небожители'; **слънъце** перен. 'Иисус Христос': **слънъце праведное христосъ богъ нашъ** – СС: 615; **свѣтъ** перен. 'свет истины, добродетели'), приобретает нравственный, этический и социальный смыслы (ср. **врьховьнъ** 'высший, стоящий во главе, главный'; **высокъ** перен. 'возвышенный'; **высота** перен. 'величие'; **вышьнь** перен. 'высший), тогда как "низ" нагружается иными ценностными смыслами (ср. **выспрь богъ низъ чловѣкъ** СС, 379; **нижьнꙗꙗ** 'земные дела'). С "верхом" и "низом" оказываются связаны и представления о рае и аде: рай в языковом сознании средневекового человека соотносился с небом как местом обитания Бога (ср. **ѣко ты еси живы съ отьцемъ вь небесъныхъ** СС, 358) и божественным светом (ср. **пакы градѫшта сь свѣтьлостыѭ небесьскоѭ** СС, 596), тогда как ад соотносился с низом, с тем, что находится под землей (ср. **подъ землкѭ** 'ад, преисподняя'; **прѣисподьнꙗꙗ** 'ад, преисподняя'; **прѣисподьнꙗꙗ землѧ** 'ад, преисподняя'; **исподьнь** 'преисподний'; **прѣисподьнь** 'ад, преисподняя': **избавілъ є доушѫ моѭ отъ ада прѣисподьнѣго** СС: 542), и символом его является тьма (ср. **тьмьнꙗꙗ** 'преисподняя, ад').

Эта дихотомичность восприятия пространства прослеживается и в названиях ландшафта. Интересно, что наибольшую лексическую и словообразовательную детализацию в ландшафте получили названия пропастей и ущелий (ср. **бездъник** 'пропасть, бездна'; **пропасть** 'пропасть, бездна'; **ровьникъ** 'пропасть, бездна'; **стоуденьць** 'пропасть'; **сквожьнꙗ** 'расселина, ущелье'; **съкроушеник** 'расселина'; **дьбрь** 'ущелье'), которые в сознании человека связывались нередко с представлениями о смерти и аде

(ср. **ровъ** 'могила'; **дьбрь огньная** 'ада' – СС: 202). Это не может не натолкнуть на мысль о том, что сам окружающий человека ландшафт, и в частности горы и ущелья, оценивались в категориях добра и зла: горы для средневекового человека являлись зримым воплощением добра, блага и покоя, отрицанием суетности цивилизованного мира (не случайно именно горы становились местом подвижнического подвига отшельников, которые сознательно порывали с привычным для них миром), ущелья же и пропасти являлись символом зла, враждебности и греховности.

Будучи ограничены рамками статьи, мы не имеем возможности более подробно рассмотреть этот сюжет и поэтому отсылаем читателя к нашей книге "Средневековый человек в зеркале старославянского языка" (М., 2002), отметим лишь то, что при внимательном прочтении этого материала бросается в глаза его довольно скудная лексическая и словообразовательная проработанность (особенно при сопоставлении с лексикой, посвященной самому человеку), т.е. взгляд на "самого себя" являлся для средневекового человека более важным, чем взгляд на окружающий мир.

Это положение вряд ли можно объяснить лишь ограниченностью и спецификой языкового материала старославянских памятников письменности. Корни этой ситуации лежат значительно глубже: они связаны с архетипом языкового сознания средневекового человека, определившим лексическую структуризацию всего словарного состава старославянского языка.

Являя собой первичный образ, доминанту коллективного бессознательного, архетип задает общую структуру личности, ее ценностных ориентаций, регулирующих не только ее поведение в обществе, отношение с людьми, но и восприятие мира. В старославянском языке таким архетипом сознания был Бог. Бог и человеческая душа представляли для эпохи Средневековья абсолютную ценность, природа же имела ценность довольно относительную, поэтому реальность, окружающий мир воспринимались средневековым человеком как нечто нематериальное, непреходящее Бытие. Природа реальности для него была иллюзорна, ибо подлинной реальностью обладал не окружающий мир природы, а мир божественных сущностей, постижение которых являлось смыслом его бытия. Поэтому "индивидуальные черты видимого мира оказывались недостойными точного воспроизведения" [Гуревич 1999: 50]. "Глаза и уши" его души были широко раскрыты, чтобы улавливать и понимать глубинные смыслы и сущности Добра и Зла, Жизни и Смерти, Истины и Мудрости, Греха и Добродетели, Страдания и Спасения и проч., т.е. его душа была обращена к сфере неосязаемого. Он размышлял об этих высших материях, так как знание и понимание их для него оказывалось важным на пути восхождения к Богу.

Абстрактная лексика старославянского языка, глубина детализации значений большинства слов с отвлеченной семантикой позволяет утверждать, что средневековый человек отчетливо осознавал, что окружающий его мир не сводится лишь к естественному порядку вещей, в нем есть особый с м ы с л и доброта, свое идеальное измерение, свои высшие истины. И такой высшей нравственной истиной, с которой были соотнесены все культурные и человеческие ценности Средневековья, его "конечным регулятивным принципом" был Бог.

Как же представлял себе средневековый человек Бога?

Богословие, как известно, провозглашает принцип непознаваемости Бога (ср. **неиздреченьникъ** 'неизъяснимое существо': **господь вьседръжителю неиздреченьниче ѥ вьсемогы** – СС: 365)[8], поэтому так ценна для нас теоморфная производная лексика, в которой отчетливо отражается стремление человека познать и понять эту трансцендентную сущность. Она дает нам возможность увидеть Бога таким, каким его представлял себе средневековый человек. Эта лексика имеет для нас важное значение

[8] Ср. в связи с этим замечание Максима Исповедника: "Следует устремлять наш ум к тому, что нам дал Бог постичь, и ничего за пределами нашей немощи не искать. Таково то, что Он Благ, что Он Создатель, что Он Человеколюбец и так далее. А того, что такое существо Божие, и не старайся понять" [Дионисий Ареопагит 1994: 17].

еще и потому, что она обладает, помимо всего прочего, и диагностирующим значением, ибо то, что человек думал о Боге, как он его воспринимал, во многом является осознанием им самого себя.

Несмотря на то что и церковь, и средневековые теологи стремились утвердить в сознании верующих мысль о духовном, бестелесном характере Бога, лексика старославянского языка представляет Бога довольно конкретно, таким, каким его очень рано начала изображать христианская иконография. Слова Библии о том, что Бог сотворил человека по образу и подобию своему, большинство средневековых христиан понимало как указание прежде всего на физическое сходство с человеком, а потому наделяло его человеческими чертами.

Поэтому первое, что бросается в глаза, это то, что средневековый человек интерпретировал Бога как "личность". Наличие этого "личностного" образа Бога в старославянском языке объясняется, по-видимому, тем, что христианство по своей сути антропоморфно. Оно учит о Боге как о творце мира и человека. Поэтому Бог в представлениях средневекового человека – это всеобъятная личность, Богочеловек.

Бог в старославянском языке – это Бог **триименьнъ** 'поименованный тремя именами': **си оубо триїменьнаꙗ кд'но сѫть божьство единъ есть богъ** – СС: 701. И в этой "триименности" Бога проявляется идея соборности и индивидуальности[9].

О физическом естестве Бога старославянский язык не говорит ничего (ср. **съставъ** 'ипостась, лицо': **еже сѧ прѣсвѧтаа троица речетъ отьць и сынъ і свѧты доухъ три състави съличьно въ единомь божьствѣ**), только лишь прилагательное **бесплътьнъ** 'бесплотный, бестелесный' соотносит его с названием человека как существом плотским (ср. **плътьныи** прил. в знач. сущ. 'человек'), а потому смертным (ср. **съмрьтьнъ** 'смертный' // 'подверженный смерти'), в отличие от Бога, **бесплътьнаго сыноу вышьнаго**, которому **единомоу животъ бесъмрътенъ естъ**.

"Личностный" образ Бога проявляется в том, что многие его наименования являются общими с названиями "лица", а также в том, что в старославянском языке он предстает так же, как и человек, в двух ипостасях – в социальной и духовной, т.е. в его названиях отчетливо выделяются два блока имен:

1) Бог в его отношении к миру;

2) Бог в его отношении к человеку.

Первая группа имен рисует нам Бога-Пантократора (Вседержителя), власть которого воспринималась как власть сакральная, единосущная (ср. прилагательные со значением 'единосущный': **коупьносын, коупьносѫщьнъ; равьноестьствьнъ; съсѫщьнъ; сѫщьнъ; единосѫщьнъ; едьносѫщьнъ; единоестьствьнъ; едьноестьствьнъ**; ср. **покланѧемъ сѧ троици едьносѫштьнѣ и неразлѫчьнѣ** – СС: 801) и единодержавная (ср. **вьседрьжитель** 'вседержитель': **господі боже вьседрьжителю** – СС: 161; **вьседрьжѧ** 'вседержащий, всемогущий'; **вьсевладыка** 'властитель всего': **вьсемогы** 'всемогущий'; **просимъ тьѧ вьсемогы вѣчьны боже** – СС: 162; **прѣвышьнь** 'всевышний (о боге)'; **помазаньникъ** 'помазанник' (глосса писца к слову Х[ристос]) – СС: 474), власть над всем сущим на земле, а значит – над жизнью и смертью (ср. **а христосъ естъ ... еже жизни и сьмрьти власть иматъ** – СС: 218).

Это был Бог, могущество которого проявлялось в сотворении мира, отсюда понимание Бога как творца всего сущего на земле (ср. **зиждитель** 'создатель: **зьрѧ невидимааго видима зиждителѣ въ рабьи образѣ** – СС: 236; **зьдатель** 'создатель': **творьць отъ твари зъдатель от зъданиꙗ** – СС: 242; **съзьдатель** 'создатель, творец':

---

[9] Интересно, что некоторые видные мистики Средневековья трем ликам Божественной троицы приписывали разные функции: "Бог-отец ведет дорогой памяти, Бог-сын – дорогой разума, а Бог-Святой Дух – дорогой любви. Таким образом, душа человека постигала таинство Троицы, познавая свои возможности и освобождаясь от природного начала" (Гофф 1992: 145).

кызньникъ 'творец': **богъ богомъ небесъныхъ кызньникъ** – СС: 301; **родотворьць** 'творец'; **строитель** 'устроитель, создатель': **строитель вьсеи твари дръжди кръмж небесънжіж** – СС: 630; **съвръшитель** 'совершитель, создатель': **ты любьви съвръшитель і мироу наставьникъ** – СС: 641; **създѣтель** 'создатель, творец'; **творьць** 'создатель, творец'; **владыко господі боже нашь творьче в'семоу** – СС: 692). животворящего и дающего жизнь всему сущему (ср. **животворьць** 'тот, который дает жизнь, животворящий': **въздвиженіе честьнааго жівотворца крьста господьнѣ** С: 217; **жизнодавьць** 'тот, кто дает жизнь': **ꙗко не въсхотѣ оувѣдѣти истиннааго бога давъшааго ти жить** СС: 218; особенно ярко эту идею передают прилагательные и причастия, ср. **животворѧ** 'животворящий': **съ прѣсвѧтымь і благымь і животворѧщиимь доухомь** – СС: 217; **животворьнъ**; **животворивъ**). Этот волевой и созидающий Бог становится в Средневековье сакральным символом идеи труда.

Власть Бога над миром осмыслялась средневековым человеком и в конкретных названиях природных явлений, в которых он также видел отражение Божьего величия (ср. **дъждити** 'ниспосылать дождь': **дъждитъ на праведъныѩ и неправедъны** – СС: 201; **оснѣжити** 'покрыть снегом'; **въскоурѧти** 'заставлять дымиться (о горе)': **боже творьче... прикасаѩ сѧ і въскоурѣѩ ѩ** – СС: 152).

Могущество Бога не имеет ни начала, ни конца (ср. **безначѧльнъ** 'не имеющий начала': **егдаже безначѧльны отьцъ безначѧльное рождьство сыноу своемоу ѡтъкры** – СС: 80; **прѣвѣчьнъ** 'предвечный': **і на рѫкоу пріѩть прѣвѣчьнаго бога** – СС: 535), ибо он бессмертен (ср. **бесъмрьтьнъ** 'бессмертный'; **съприсносѫщьнъ** 'вечно сосуществующий': **съприсносѫщьноумоу безврѣменъно бесконечьно отьцю и доухоу прѣсвѧтоумоу** – СС: 666), и в этом проявлялась его абсолютная трансцендентность.

Эта монархическая концепция Бога отражена и в средневековой живописи, в частности, она "лежит в основе иконографии Бога во славе, изображавшей его с царскими атрибутами власти: троном, солнцем и луной (альфой и омегой знаков всеобъемлющей власти), двором из старцев Апокалипсиса или ангелов, иногда с короной" (Гофф 1992: 142).

Но рядом с Богом-Вседержителем в сознании средневекового человека существовал и другой образ Бога, близкий и понятный сердцу простого человека, образ Христа.

Иисус Христос в сознании средневекового человека выступал "посредником" между земным и небесным, ибо он Сын Божий и вместе с тем сын человеческий, совершенный Бог и совершенный человек. Преодолевая земное тяготение, он осуществляет связь земли и неба, являя собой Спасителя человечества. Поэтому языкотворческая деятельность средневекового человека была сконцентрирована в основном на номинациях "личностного" Бога, Бога-Сына, который предстает в старославянском языке в самых разных образах, а именно в образе:

Христа-спасителя (ср. **избавитель** 'спаситель': **господі помощьнічє моі избавитель моі** СС: 248; **избавьникъ** 'избавитель'; **съпаситель** 'избавитель, спаситель': **ѡтьцъ посла сына своего съпасителѣ вьсемоу мироу** СС: 664);

Христа-заступника (ср. **застѫпьникъ** 'заступник, защитник, помощник': **ты же господі застѫпьникъ моі есі** – СС: 232; **защититель** 'защитник': **господь заштітітель жівотоу моемоу** – СС: 233; **исходатаинникъ** 'ходатай, заступник': **христосъ иже и исходатаинникъ ѥсть намъ вьсѣхъ добръ** – СС: 274; **ходатаи** 'заступник, посредник': **ходатаю нашь і доводителю къ отьцю твоемоу небесъноумоу молимъ тѧ о в'сѣхъ насъ** – СС: 762);

Христа-попечителя, подателя всякого блага (ср. **подъѩтель** 'тот, кто поддерживает, защитник': **бъисть господь подъѩтель мої** – СС: 465; **промысльникъ** 'наставник, попечитель': **вьсѣхъ бо вѣкъ видимих' и невидимыихъ промысльникъ богъ** – СС: 522);

Христа-всевидящего и справедливого судьи (ср. **вьсевидѧ** ' всевидящий': **дѣѣши нѣстъ вьсевидѧштиꙗ сила божиꙗ съмотрѧшти вьсе** – СС: 161; **сѫдитель** 'судья': **богъ сѫдителъ правьденъ и крѣпокъ і тръпѣлівъ** – СС: 682; **необиньнъ** 'справедливый': **на страшънѣмь і необинънѣмь сѫдици христосовѣ** – СС: 368), воздающего по заслугам на Страшном суде (ср. **въздатель** 'воздающий': **что противѫ томоу мъздамъ вьздатель любивыи чьстемь добро дѣѭштиимъ христосъ** – СС: 134; **мьздодавьць** 'воздающий': **да тъчно вѣньцѧ полоучимъ вьси отъ мъздодавьца бога** – СС: 338; особенно ярко эту идею передает глагол **вътрътърати** 'ввергнуть в ад': **богъ ѫзами въ тъмѫ вътрътъравъ съвѧзанъ вь великѫѭ ноць** – СС: 158);

Христа-учителя, несущего свет знания, наставника и пастыря, снисходительного и терпеливого (ср. **свѣтитель** 'несущий свет': **господь свѣтитель мои и съпасъ мои кого оубоѭ сѧ** – СС: 596; **оучитель** 'учитель, наставник'; **оучити** 'наставлять, поучать': **вьзиде исоусъ въ црькъве і оучааше** – СС: 756; **длъготрьпѣливъ** 'снисходительный, терпеливый': **господь же дльготрьпѣливъ сы бѣсы проганꙗаше** – СС: 189; **навести** 'направить, навести (на путь истинный)': **наведи мьѧ господі на пѫть твоі** – СС: 345);

Христа-утешителя и целителя скорбящей души (ср. **оувѣтьникъ** 'утешитель' < **оувѣтъ** 'утешение': **господі боже нашъ оутѣшение скръбѧщиимъ і плачѫщиимъ сѧ оувѣтъ** – СС: 724). Эта идея очищения души от грехов и пороков, нравственного и физического исцеления человека Иисусом Христом особенно ярко передана глаголами (ср. **раздрѣшити** перен. 'отпустить грехи': **да раздрѣшиши отъ грѣхъ раба твоего сего** – СС: 570; **оцѣстити** перен. 'очистить': **имени твоего ради господі оцѣсти грѣхъ мои** – СС: 438; **истрѣбити** 'очистить': **и простьръ рѫкѫ коснѫ сѧ емь ісоусъ глаголѧ хоцѫ истрѣбити тѧ** – СС: 272);

Христа, несущего людям любовь (ср. **чловѣколюбьць** 'тот, кто любит людей': **ѣко благы чловѣколюбець богъ еси** – СС: 781; **чловѣколюбивъ** 'человеколюбивый': **тѣм' же чловѣолюбивыи богъ не хотѧи сьмрьти грѣшъныимъ** – СС: 781), добро и милосердие (ср. **благодавьць** 'благодетель': **ты владыко благодавьче і чловѣколюб'че** – СС: 86; **милосрьдъ** 'милосердный': **милосръдъ ты господи** – СС: 326; **милостивъ** 'милосердный, ласковый': **боже милостивъ бѫди мьнѣ грѣшьникоу** – СС: 326; **прѣщедръ** 'в высшей степени милосердный, премилостивый': **прѣщедры боже** – СС: 554);

Христа, творящего чудеса (ср. **чоудотворьць** 'чудотворец': **чоудодѣꙗнию съпаса не разоумѣѭтъ** СС: 785);

Христа, обладающего высшей мудростью, сокровищами всякого знания, знающего все тайны человеческого сердца (ср. **богомѫдростьнъ** 'мудрый как бог'; **богомѫдръ** 'божественно мудрый'; **срьдцевѣдьць** 'знаток человеческого сердца, души');

Христа, обличающего зло (ср. **обличьникъ** 'обвинитель' СС: 394).

Приняв облик младенца, Христос еще ближе приблизился к человеку. Он становится страдальцем (ср. **прѣдъложити сѧ** 'пожертвовать собой': **господі боже нашъ прѣдложеи сѧ самъ агнець непороченъ за животъ в'сего мира** – СС: 539), принявшим за людей мучение и смерть (ср. **распѧтъ** 'о Христе'; **мѫченикъ** 'мученик'; **страстоносьць** 'страдалец, мученик'; **страстотрьпьць** 'страдалец, мученик').

Таким образом, Бог принял все человеческое, включая смертный приговор от имени человека, издевательства, ненависть и зависть.

Интересно, что во всех этих именах Бог предстает как существо активное, деятельное, причем действия его всегда направлены вовне и никогда на себя (что отличает его номинации от названий человека).

Внутренняя форма этих слов проливает свет не только на восприятие человеком Бога, но и на оценку им самого себя.

Ощущение тварной силы и могущества Бога, создавшего не только окружающий мир, но и самого человека, рождало в сознании средневекового человека чувство зависимости и собственной ничтожности пред ликом Вседержителя, в руках которого была его жизнь и судьба. Это чувство абсолютной зависимости, ощущение себя с о т в о р е н н ы м совмещалось в его сознании с чувством недоступности Того, Кто абсолютно вне тебя. Естественно поэтому, что человек предстает в этих названиях как существо слабое и униженное, земная жизнь которого – это жизнь под судом, она насквозь пронизана чувством страха перед адом и жаждой спасения (об этой жизненной цели особенно ярко говорит глагол **цѣлывати** 'достигать спасения').

Это чувство страха перед неизведанным будущим рождало в средневековом человеке ощущение бессилия, неуверенности в себе, беспомощности, а главное – осознание трагичности своего бытия. Не имея опоры в себе, чувствуя себя потерянным, человек воспринимал себя одиноким и беззащитным во враждебном ему мире, "прахом" и "песчинкой" перед ликом всемогущего Бога и всесильной власти, его сердце было наполнено жаждой любви, добра и сострадания. Поэтому человек обращался к Богу, который, обладая беспредельной силой (ср. **сила** 'перен. о Боге': **оузьрите сына чловѣчьскаго сѣдѧшта о десн҃ѩ҃ѭ силы** – СС: 602), становился его единственной опорой в жизни, источником любви и сострадания. Эта потребность любви, а кроме того одиночество и ощущение личной греховности рождали в человеке чувство близости к Богу с его милосердием: Бог карал его за прегрешения, однако и прощал в своем милосердии (ср. **мъногомилостивъ** 'всемилостивый (Бог)': **прѣщедры боже і м'ногомилостиве** – СС: 335; **прѣмилостивъ** 'в высшей степени милосердный': **і ты господі боже мої штедръ і прѣмілостівъ трьпѣлівъ прѣмілостівъ и рѣснотівьнъ** – СС: 545). Естественно поэтому, что в Боге человек находил свое успокоение, в Боге он видел своего Заступника и Спасителя, свой нравственно-этический идеал и средоточие экзистенциальных ориентаций.

Таким образом, Бог в представлениях средневекового человека – это прежде всего "личностный" Бог, Бог терпения и утешения. Отстраняя от себя собственные качества и свойства, желания и надежды, человек по-своему осмыслял божественное начало мира. Бог средневекового человека являлся как бы зеркальным отражением его души, чаяний его сердца, самое главное из которых – обретение спасения.

Теоморфные имена являются смысловым стержнем культуры Средневековья, главным регулятивным принципом которой был Бог. В соответствии с этим принципом происходила организация мира духовных сущностей этой эпохи. Именно этот принцип регулировал нормы средневекового общества, переходя из сферы сознания человека в сферу его поступков. Поэтому в средневековом мире практически все становилось предметом духовного и ценностного осмысления.

Анализ лексики, входящей в сферу духовной жизни средневекового человека, показал, что весь его идеальный мир формировался вокруг этого регулятивного принципа. В основании модели средневековой культуры лежала глобальная оппозиция "д о б р о" ~ "з л о" со множеством ее коррелятов, которые составляют инвентарь любой культуры (*дух ~ плоть, жизнь ~ смерть, вера ~ безверие, страдание ~ спасение, святой ~ грешный, любовь ~ ненависть, честь ~ бесчестие, простота, бесхитростность ~ хитрость, бедность ~ богатство* и т.д.), причем и этот идеальный мир воспринимался в категориях "верх" ~ "низ", "божественное" и "земное".

Как же лексически и словообразовательно "разрабатывается" в старославянском языке главная христианская оппозиция – д о б р о и з л о?

Добро. Понимание человеком добра во многом определяло ценности средневекового общества, его этические и даже эстетические идеалы, поскольку вся жизнь человека предопределялась его выбором земного пути к спасению, т.е. выбором между добром и злом.

Средневековое представление о добре было персонифицированным, ибо оно соотносилось прежде всего с Богом. "Само Божество есть Добро по существу, и все сущее причастно Добру, как творения – солнцу", – говорит Дионисий Ареопагит [Дионисий Ареопагит 1994: 89]. Добро, таким образом, было сущностным атрибутом Бога, поэтому **доброчьстивъ** это не просто 'набожный', но чтущий Бога. Однако добро могло соотносится и с человеком, но, как свидетельствует материал старославянского языка, оно не было сущностным атрибутом человека, ибо человек был сопричастен не только к добру, но и ко злу.

Понятие "добра" было довольно глубоко проработано в старославянском языке, причем в разных аспектах – этическом, социальном, эстетическом и даже витальном.

Добро в языковом сознании средневекового человека – это прежде всего благо (само прилагательное **благо** (**благаꙗ**), выступающее в функции существительного, имело значение 'добро': **изиджтъ сътворьшеи блага въ въскрѣшенье животоу** – СС: 90), ср. также **благость** 'доброта, милость'; **благостыни** 'доброта'; **благыни** 'добро, доброта'). Естественно поэтому, что "добро" в средневековом сознании соотносилось прежде всего с этическим понятием (прилагательное **добръ** имело значение 'хороший, добрый') и в первую очередь с религиозным, поскольку с добром связывалась набожность и благочестие человека (ср. **доброчьстие** 'благочестие, набожность').

Дериваты с корнем **добр-** говорят нам о том, что понималось под добром в средневековом обществе, какое ментальное содержание вкладывалось в это понятие:

добро – это благое деяние (ср. **добросътворение** 'добродеяние'; **добросътворити** 'сделать добро'). Истинное добро исходит от Бога (ср. **добродѣꙗ** 'делающий добро': **любивыи чьстемь добро дѣꙗштиимъ христосъ** – СС: 191), но оно может плодиться и усилиями человека, в побуждении его воли к добрым делам, когда оно является творческим актом свободной личности, поэтому способность творить добро рассматривалась как одна из добродетелей человека (ср. **доброта** 'добродетель'; **добродѣꙗние** 'добрые дела, добродетель'; **добродѣꙗнъ** 'добродетельный'; **добрость** 'добродетель');

добро – это и стремление следовать в своей жизни принятым нормам, образцам, правилам поведения (ср. **доброобразьнъ** 'добропорядочный' < **образъ** 'пример, образец': **непосагъшиꙗ бо печетъ сѧ о господи на доброобразьнок и благоприлежьнок** – СС: 191);

добро – это разум, знания (ср. **доброразоумивъ** 'очень сведущий, знающий').

добром для средневекового человека являлась и смелость (ср. **добродрьзостьнъ** 'откровенный' < **дрьзость** 'смелость'), ведь для того, чтобы откровенно признаваться в своих грехах (а покаяние и исповедь в Средневековье первоначально были публичными) или высказывать свое мнение, нужна была известная смелость.

Добро в языковом сознании средневекового человека было понятием социологизированным, ибо с добром связывалось социальное происхождение человека (в частности, его знатность, ср. **добродие** 'знатность'; **доброродьнъ** 'знатный, благородный', поэтому знатный человек по определению должен был быть добрым человеком), а также его имущество (ср. **добро** 'имущество').

Добро в средневековом обществе рассматривалось и как эстетическая категория, т.к. добро – это красота (ср. **добръ** 'красивый'; **доброта** 'красота'; **доброличьнъ** 'красивый').

Наконец, добро могло ассоциироваться с витальностью человека (ср. **добропринимати** 'быть здоровым, сильным'), так как здоровым человек мог быть лишь тогда, когда он в душе своей "принимал" Бога.

Таким образом, категория "добра" работала практически во всех сферах жизни средневекового человека – от витальной до социальной и религиозной, от этической до эстетической, оказывая влияние на формирование многих абстрактных понятий мира христианских сущностей.

З л о являлось вторым компонентом глобальной оппозиции ("добро" ~ "зло") средневекового ментального мира. Вопрос о происхождении зла, его онтологической сущности является одним из сложнейших в богословской и философской литературе. "Что такое зло?" – задает вопрос Дионисий Ареопагит и ответ его не однозначен, ср.: "Зло не происходит от Добра" (с. 137). "Зло состоит в совершенном отсутствии добра" (с. 153). "Добро и Зло происходят от разных начала и причины" (с. 155). "Не в Боге зло, и зло не божественно" (с. 157). "Зло есть лишь отпадение от добра" (с. 165) и т.д. [Дионисий Ареопагит 1994]. Приводя множество определений зла (каждое из которых сопровождается глубокими аргументами), он заключает: "Остается считать, что зло представляет собой слабость и убывание добра" (с. 179).

Мы не будем входить в разрешение этого сложного вопроса и останемся в рамках старославянского языка, материал которого позволяет нам утверждать следующее: если добро исходит от Бога, то зло не касается Бога, оно исходит от самого человека, являясь его конститутивным признаком.

Именно поэтому зло в языковом сознании средневекового человека рассматривалось прежде всего как категория этическая, апеллирующая к нравственности человека: само прилагательное **зълъ** имело значение 'плохой, дурной', а субстантивируясь, обозначало 'зло, злое дело' или 'плохого человека', причем не просто плохого, а такого, который заслуживает наказания (ср. **зълосъмрьтьнъ** 'заслуживающий смерти человек'). Поэтому корень **зъл-** представлен в именах, называющих нечто плохое, скверное (ср. **зълоба** 'скверна, пакость, все плохое'; **зълобивъ** 'причиняющий зло').

Интересно, что средневековый человек стремился даже персонифицировать зло (ср. **прьвыи зълъ сотона** – СС: 241), на что указывают дериваты с корнем **бѣс-**: **бѣсьнъ**, **зълобѣсьнъ**, имеющие значение 'одержимый злым духом'. И эта одержимость злом приводила к болезни человека, ибо "зло возникает не от силы, но от слабости" [Дионисий Ареопагит 1994: 185], ср. параллель с добром, которое несет человеку здоровье.

Итак, зло расценивалось как порок человека (ср. **скврьньнолюбие** 'тяготение ко злу, к пороку'), поэтому беззлобный – это прежде всего беспорочный человек (ср. **безълобивъ** 'беззлобный, кроткий, беспорочный'; **безълобие** 'беззлобность, невинность'; **незлоба** 'беззлобность, беспорочность'; **незлобие** 'беззлобие, беспорочность').

Дериваты с корнем **зъл-** позволяют понять, что же являлось злом для средневекового человека. По-видимому, это было прежде всего:

– б е з б о ж и е, б е з в е р и е или неправедная вера, ересь, так как у неверующего человека сам дух тяготеет к злому (ср. **зълочьстьнъ** 'безбожный человек'; **зъловѣрие** 'безбожие'; **зъловѣрьство** 'ложная вера, ересь'), тогда как истинная вера (**вѣра прѣмѫдрости** 'истинная вера') связывалась с правоверием (ср. **правовѣрие** 'истинная вера');

– б е з н р а в с т в е н н о с т ь (ср. **зълонравьнъ** 'безнравственный человек');

– к о в а р с т в о (ср. **зълокъзньнъ** 'злокозненный'; **лѫкавьство** 'зло, коварство'; **пронырьство** 'зло, подлость, вероломство' < **пронырити** 'достичь лукавством');

– з л о д е я н и е (ср. **зълодѣꙗниѥ** 'злодеяние, злодейство');

– з л о с л о в и е (ср. **ржѥниѥ** 'злословие' < **ржгати сѧ** 'глумиться, насмехаться');

– у н и ж е н и е (ср. **зълобити** 'порочить, унижать');

– м у ч е н и я и с т р а д а н и я, причиняемые другому человеку (ср. **озълобити** 'измучить, причинить зло, страдания').

Зло так же, как и добро, было в средневековом обществе понятием социологизированным, однако в отличие от добра и блага, оно соотносилось не с социальным происхождением человека, а с его деяниями (ср. **злодѣꙗниѥ** 'злодеяние'; **зълосъ-творити** 'причинить зло'; **зълотворити** 'совершать зло, вредить' // 'порочить').

Дериваты с корнем **зъл-** указывают и на п р и ч и н у в о з н и к н о в е н и я з л а, озлобленности человека. И здесь снова прослеживается интересная параллель с понятием "добро": если добро как добродетель человека вознаграждается имущественным благополучием, обладанием чем-либо (ср. **добро** 'имущество'), то зло как один из его пороков наказывается отсутствием этого благополучия, поэтому оно порождается страданием из-за лишения этого "чего-либо" (ср. **озълѥниѥ** 'лишения, страдания'; **озълоблѥниѥ** 'лишения, страдания'; **неприꙗзнь** 'зло'; **неприꙗзньство** 'зло, злоба'), т.е. материал старославянского языка подтверждает слова Дионисия Ареопагита о том, что "зло есть лишь недостаток, отсутствие полноты свойственных нам благ" [Дионисий Ареопагит 1994: 169].

* * *

Мы рассмотрели лишь некоторые возможности реконструкции языкового сознания средневекового человека, которые нам открывает ономасиологический подход к изучению производного слова. Обращение к старославянскому языку, и в частности к внутренней форме производного слова, позволило нам "погрузиться" в эпоху Средневековья и "изнутри" увидеть и понять тот мир смыслов и мир ценностей, в котором жила и развивалась средневековая культура. Нам приоткрылись, пусть "крайне туманно и мерцающе очертания той эпохи, когда индивиды растворены для нас в народной массе и единственным произведением интеллектуальной творческой силы предстает сам язык" [Гумбольдт 1984: 48].

Материал старославянского языка, внимание к внутренней форме производного слова еще раз подтвердили мысль о социальной детерминированности данных языка, и в частности то, что «чистый факт и незаинтересованный глаз – просто миф. Когда глаз за работой, он в плену своего прошлого, старых и новых зависимостей, приходящих из мозга, сердца и ушей. Не только способ, но и сам объект видения регулируется нуждами и предпочтениями. Глаз отбирает, отталкивает, организует, классифицирует, анализирует и конструирует. Он не столько отражает, сколько собирает и разрабатывает, ничего не видит "раздетым", без каких-либо атрибутов... Так называемые "факты" всегда сформированы той или иной версией мира» [Goodman 1968 цит. по: Реале, Антисери 1997: 723]. А для эпохи Средневековья это было особенно актуально, поскольку слово для средневекового человека было исполнено особого, магического значения: слово было в начале, и начало всего было в слове (не случайно поэтому слово в языковом сознании средневекового человека было понятием персонифицированным, соотносившимся с идеей Бога, ср. **слово** 'о Христе'). Слово не просто называло то или иное явление, оно составляло его сущность[10]. Поэтому «переименовать "что-то", не изменяя, не задевая его "сущности", средневековому человеку казалось невозможным, ибо имя также принадлежит явлению, составляет его часть и закрепляет его в том состоянии, каковое было названо. Отсюда ощущение

[10] "Тогда не относились так недоверчиво к языку, как теперь, – говорит К. Юнг о средневековом мышлении, цитируя Т. Гомперца, – когда в словах мы так редко находим адекватное выражение фактов. В те времена, наоборот, господствовала наивная вера, что сфера понятия и сфера применения соответствующего ему слова всегда совпадают" [Юнг 1998: 56].

авторитетности слова, его ответственности» [Очерки 1998: 141]. И это обстоятельство объясняет, почему во внутренней форме производных имен старославянского языка так отчетливо проявились "следы культурной практики", корни того "коллективного бессознательного", которое лежит в основе архетипа языка любой культуры.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, как представляется, о плодотворности избранного подхода к познанию и описанию "бессознательной духовности" средневекового общества. Думается, что системно-функциональный подход к описанию материала старославянского языка, опора не на отдельное слово, а на весь массив производных слов позволили избежать автору субъективности в оценке материала.

Однако лучше всего об этом говорит сам старославянский язык, в частности, тот факт, что и имя, и глагол рисуют нам в принципе одну и ту же картину, поскольку в маркировании признаков, актуализируемых в отыменных и отглагольных дериватах со значением лица, прослеживается определенная последовательность. И эти повторы в лексической параметризации личности свидетельствуют, как представляется, в пользу объективности полученных результатов, позволяя выделить некоторые константы средневекового сознания. Такая удивительная корреляция мотивационных признаков всех трех частей речи не может быть случайной. Она является продуктом смыслополагания, следствием действующего в каждом языке (в том числе и в мертвом) одних и тех же законов смыслообразования, которые предопределяются императивами языка культуры, что в общем и понятно – "господствующий тип культуры формирует тип сознания людей, которые родились и живут в рамках этой культуры" [Сорокин 2000: 701]. И материал старославянского языка оказался созвучным общей установке культуры Средневековья. За эмпирически различными, кажущимися разрозненными картинами внешнего и внутреннего мира средневекового человека, за бессвязными, на первый взгляд, фрагментами его социокультурного универсума лежит тождество смысла – "этого общего знаменателя любой культуры" [Сорокин 2000: 29], поэтому язык ничего не придумывает, а выражает глубинные смыслы бытия.

Предлагаемый подход к изучению производного слова, предполагающий выявление, с одной стороны, его внутренней формы, а с другой – тех этнокультурных императивов, которые привели к актуализации этой формы, дал возможность, как представляется, найти основной принцип ("субстратное основание"), который пронизывает всю лексическую систему старославянского языка, придает смысл и значение каждому языкотворческому акту и из хаоса разрозненных единиц создает единое целое, т.е., иными словами, при таком подходе к словарному составу языка обнажаются смысловые структуры бытия человека и выявляется их роль в формировании "языка его культуры". Благодаря уникальности языка, а именно его способности сохранять и концентрировать все многообразие человеческого опыта-знания, мы проникаем в тайны повседневной жизни средневекового человека и слышим голоса людей далекой от нас эпохи.

Таким образом, научный потенциал ономасиологического подхода к изучению производного слова еще далеко не исчерпан. Более того, сама логика развития антропоцентрической лингвистики, реализация ее общей программы – "найти доступ к Человеку через язык" – требует обращения к внутренней форме слова, поскольку в этом случае нам открываются "сокрытые смыслы" текста культуры, ибо «язык, и в частности его словарный состав, представляет собой лучшее доказательство реальности "культуры" в смысле исторически передаваемой системы "представлений" и "установок"» [Вежбицкая 2001: 44]. А поскольку каждая культура, по определению Ф. Ницше, это самореализация человека, то, постигая человека, и в частности его язык как средство воплощения его творческой мысли, мы можем, погружаясь на разную глубину его истории (вплоть до праязыка), понять общие тенденции развития его культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С С 1983 – Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы Т 1 М , 1983

Аверинцев С С 1997 – Поэтика ранневизантийской литературы М , 1997

Антоний Великий 1998 – Духовные наставления М , 1998

Арутюнова Н Д 1984 – Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982 М , 1984

Березович Е Л 2000 – Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте Екатеринбург 2000

Вежбицкая А 2001 – Понимание культур через посредство ключевых слов М , 2001

Виноградов В В 1994 – Личность // В В Виноградов Из истории слов М 1994

Гадамер Х Г 1988 – Истина и метод М , 1988

Гофф Ж Ле 1992 – Цивилизация Средневекового Запада М , 1992

Гумбольдт В 1984 – Избранные труды по языкознанию М , 1984

Гуревич А Я 1984 – Категория средневековой культуры М , 1984

Гуревич А Я 1990 – Средневековый мир культура безмолвствующего большинства М , 1990

Гуревич А Я 1999 – Категории средневековой культуры // Соч Т 2 М , 1999

Демин А С 1999 – Архаическая персонология "Повести временных лет // Автопортрет славянина М 1999

Дионисий Ареопагит 1994 – О божественных именах О мистическом богословии СПб , 1994

Каждан А П 2000 – Византийская культура СПб 2000

Очерки 1998 – Очерки по истории мировой культуры М , 1998

Пелипенко А А Яковенко И Г 1998 – Культура как система М , 1998

Реале Дж , Антисери Д 1997 – Западная философия от истоков до наших дней Т 4 СПб 1997

Свирида И И 1995 – Человек в контексте культуры // Человек в контексте культуры Славянский мир М , 1995

Сорокин П А 2000 – Социальная и культурная динамика СПб , 2000

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред Р М Цейтлин, Р Вечерки Э Благовой М , 1984

Тарасов Е Ф 1987 – Язык и культура методологические проблемы // Язык и культура Сборник обзоров М , 1987

Телия В Н 1981 – Типы языковых значений М , 1981

Топоров В Н 1992 – Предисловие к книге В Айрапетяна Герменевтические подступы к русскому слову' М , 1992

Успенский Б А 1994 – История и семиотика // Избранные труды Т 1 Семиотика истории Семиотика культуры М , 1994

Ушакова Т Н 2000 – Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира М , 2000

Цейтлин Р М 1977 – Лексика старославянского языка М , 1977

Юнг К 1998 – Психологические типы Проблема типов в истории античной и средневековой мысли Минск, 1998

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№4 2002

© 2002 г. Т.А. ИСАЧЕНКО

НОВЫЙ ЗАВЕТ "ПЕРЕВОДА И СТЯЖАНИЯ" ИЕРОМОНАХА ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ ЕПИФАНИЯ (СЛАВИНЕЦКОГО)* ПОСЛ. ТРЕТИ XVII В.

Перевод Нового Завета, выполненный по благословению Архиерейского Собора 1673 г в последней трети XVII века старцем Епифанием Славинецким и его помощниками, остался в тени отечественной библеистики О нем почти ничего не знали Г А. Воскресенский, И А Чистович, митрополит Макарий (Булгаков) Касаясь перспектив исправления Библии 1663 г. и подготовки новой редакции к печати, проф И Е Евсеев (1868– 1921) заметил "Можно было рассчитывать, что этот текст (Библии 1663 года – *ТИ*) найдет себе пересмотр в трудах почтенного ученого XVII в Епифания, но, к несчастью, возникли иерархические смуты, связанные с делом патриарха Никона, и ученая энергия Епифания была направлена на другие книжные потребности тогдашнего времени" [Евсеев 1916 15] Из этого ясно, что перевод старца Епифания Славинецкого Евсееву также не был известен. Прекрасный знаток славянских рукописных коллекций акад. А.И.Соболевский отождествлял этот перевод только с одним поздним списком Четвероевангелия в собрании В М.Ундольского (20-х годов XVIII в.).

Оказавшись в греческой части Синодального собрания, перевод Епифания не вошел в "Описание" прот А.В Горского и К И Невоструева, в котором знаменитые археографы представили описание почти всех рукописей Ветхого и Нового Завета, сопроводив их важнейшими обобщениями, заложившими основу отечественной славянской библеистики В 1890 г архимандрит Владимир (Филантропов) включил списки под № 26 и 27, содержащие книги Нового Завета, переписанные писцами Московского Печатного двора, в "Систематическое описание ", но о переводе Епифания он тоже ничего не знал.

Долгое время единственным свидетельством о переводе была записка, опубликованная митрополитом Евгением (Болховитиновым) в первом томе "Словаря писателей духовного чина". В ней подробно описывались обстоятельства начала работ, сообщалось о прежних переводах Священного Писания на греческий и славянский языки, говорилось о Ртищевском братстве при Андреевском монастыре, о благословении Собора 1673 г, постановившего приступить к исправлению Библии, и о труде Епифания.

До появления в собрании В М Ундольского рукописи Четвероевангелия, предисловие к которому в исторической части совпало с запиской митрополита Евгения, перевод Епифания считался утерянным либо вовсе не существовавшим Наиболее пространное изложение всех обстоятельств библейской справы конца XVII в дал в своей книге М. Сменцовский [Сменцовский 1899] В обобщенном виде недавно их представил Ф Томсон [Thomson 1998]

Начатый в 1673 г, а продолженный в 1678—1679 гг (уже после смерти старца, последовавшей в 1675), труд Епифания занимает почетное место в ряду прежних и последующих библейских сводов Геннадиевской Библии (1499), Острожской (1581), Московской (1663) и Елизаветинской (1751) Погрешности прежних изданий (Острожской Библии и Библии 1663 г), на

* Согласно описи Евфимия в Погодинском сборнике № 1963, л 122 об

указали в предисловии к своему труду и которые исправили составители новой редакции, нашли отражение в русском издании Библии Святейшего Синода (1858-1869). Это делает перевод старца Епифания** этапным в истории русской библейской справы. Им завершается история славянской Библии допетровской эпохи и открывается история Библии Нового времени.

Списки Синодального / греческого собрания (далее – Синод. собр/ греч) № 472 и Синод / греч № 473 относятся к группе греческих рукописей, переписанных в России в XVII в. [Владимир 1894: № 26 и № 27; Treu 196: 260—262; Фонкич, Поляков 1993: 31]. Синод./ греч. № 472 включает весь Новозаветный канон:"Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа сиречь Святое Евангелие и Деяния и Послания Святых Апостолов и Апокалипсис, рукописная переводу и стяжания многомудраго мужа в философии и богословии, иеромонаха Епифания Славинецкого" (согласно описи Евфимия в Погодинском сборнике № 1963, л.122 об.).

Синод. /греч. № 473 включает те же тексты, но без Соборных Посланий и Апокалипсиса: "Евангелие и апостолов святых Деяния стяжания игумена Сергиа" (согласно той же описи). Первым по времени создан список Синод. / греч. № 473, представляющий собой корректурный экземпляр с поправками в тексте и множеством приписок на полях. Приписки принадлежат преимущественно руке чудовского инока Евфимия. Оба списка оформлены в два столбца – текст на греческом и славянском языках выстроен в двухколоночную диглоссу, представляющую собой первый интерлиниар (подстрочник) библейского текста в России.

Рукопись 1. Синод. / греч. № 473 (№ 27 по описанию архим. Владимира). **Четвероевангелие и Деяния Свв. Апостолов.**

Посл. треть XVII в. (б. зн.: 1) подобен зн.: Дианова 1997, № 200–**1678** г.,"голова шута", контрмарка HRD; 2) "голова шута", контрмарка I + (?) - знак не определен; 3) л. 24 и далее : Дианова 1997, № 513, 516 – **1684, 1689** гг., "голова шута" (тонкий вариант с копийком-шишечкой между бубенцами) ; 4) переплетный лист : Дианова 1998, № 92 — **1692** г.). 190 лл. 1° (325/30 х 208/10). Круглящийся полуустав (смена рук четырех писцов), в два столбца. Переплет картонный с матерчатым корешком (XVIII в.). К верхней крышке переплета прикреплены две записки. Верхняя: Кнїга сїѧ игумена Сергїѧ, что былъ приказной на печатномъ дворѣ и преставился въ ҂ зсѕ_мъ (7206 = 1698) февраля въ ·кв· (22) де". Ѿдати в патриаршю ризничную казну [1]. И нижняя: "Евангелие и деяния аптлское грекоросийское пи^менное. № 22".

На лл.1—6 по нижнему краю скрепа: "Из Синодальной библиотеки. А подписано по приказанию Святейшего Синода". Аналогичная скрепа, но другой рукой на л. 188 и далее (за подписью иеродиакона Гедеона, 1775 г.).

На л. 1 заголовок (киноварью): **КНИГА СІѦ СТОЄ** єуаґїє и Дѣянїѧ ст҃ыхъ Апл҃ъ преведена съ греческихъ книгъ Космою іеродїакономонахомъ грекомъ учившемся въ схолїи єллинославенствѣи оу учителен Іωаннїкїа и Сωфронїа Лихоудїевыхъ. Написано же книгъ печатнагω дѣла книгописцем Флωромъ Герасимовымъ.

Содержание · на лл. 1—190 помещен текст **Четвероевангелия и Деяний Святых Апостолов** по-гречески и по-славянски.

Исправления в славянском тексте сделаны иноком Евфимием. Об их характере можно судить по следующим примерам: вм. нарече – назва (Мф.1,25); вм. пришедъ – пристоупи (Мф.4,3);

** Здесь и далее мы употребляем понятие "перевод Епифания" вполне условно, в том смысле, в каком употребляет его инок Евфимий применительно к рукописи № 472 Известно, что после смерти Епифания была образована Комиссия, состав которой был обновлен Кроме игумена Сергия , иерея Никифора, иноков Евфимия и Моисея к работе были допущены монахи Иосиф (Белый), а также Сильвестр (Медведев) "со товарищи"

[1]Архимандрит Владимир помечает, что эта записка принадлежит руке иеромонаха Кариона Истомина [Владимир 1894 прим 18], однако совершенно очевидно, что перед нами письмо инока Евфимия Текст записки, кроме того, совпадает с содержанием описи грекославянских книг Евфимия в Погодинском сборнике (л 122 об)

вм. кто–либо – иже–либо (Мф.5,36); вм. назовутся — нарекутся (Мф.5, 9); вм. чесомъ –чимъ (Мф.5,13); вм. возмутъ (на рукахъ возмутъ тя) – понесутъ (Мф.4, 6) ; вм. возненавидиши – вознена_видствиши (Мф.5, 43). Исправления эти весьма незначительны и носят, по преимуществу, грамматический характер (замена суффиксов, флексий, местоименных форм и т.д.).

Лексические исправления отмечены в а р и а н т а м и на полях или над строкой: мытари — языцници (Мф.5, 47); хранилища – фулактиріа (Мф.23,5); учителю – равві (Мф. 23,7); лицемерїе – ипокрїтство (надписание к гл.23), край ризы – краспедъ (Мф.9, 20). Наблюдается попытка замены славянских слов — греческими. Отдельные места разъясняются, исходя из их этимологического прочтения: Мф.17,24 учитель вашъ не мытитъ ли дїдрахмы (вариант: не мытствитъ) в соответствии с греч. οὐ τελεῖ τα δίδραχμα, не платят подать, ср. церк.-слав. не дастъ ли. Другой пример: Мф.26, 67. Тогда въплеваша на лице Того и пятствовахъ Того в соответствии с греч. ἐκολάφισαν ("побили"). Приписка:"κολαφίζειν же есть, еже руками бити, согбенными персты, и да просто рекъ кулакомъ". Рядом присутствуют аналогичные цитаты на греческом и на польском, причем ἐκολάφισαν дублируется польск. zabyikować, κονδυλίζω русск. кулаком бью "клыкотю", κόνδῦλος" клыкоть, kułak".

В тексте находятся п р и п и с к и с толкованиями слов или фраз:

Мф.27,2, л. 42 против слов текста: и предаша того Понтїю Пїлату, игемону на полях помечено: Пїлатъ отъ Понта ѿкѡ бѣ. Ѡмлянинѡмъ же подаанствуя, послася игемѡнъ Іудеи.

Мф.13,31, л.19 об. против слов текста : Подобно есть цр҃ство нб҃ное зернꙋ сїнапнꙋ глосса : Ѧще ѿкѡ подобаетъ глати мѣсто, въ еже цр҃ствѣ есть Цр҃ь Бг҃ъ и Оц҃ъ, и Бг҃ъ Слово, и Сн҃ъ Бж҃їй, и Ст҃ый Дх҃ъ Бж҃їй, аг҃ли же и архаг҃ли, Авраамъ, и Ісаакъ, и Іаковъ, и вси праведници. Гдѣ ѿкѡ толикая в зернѣ сїнапномъ вмѣстятся? Ссылки даются на святоотеческие толкования (Феофилакта Болгарского, Епифания Кипрского, Иоанна Златоуста), цитируется греческий текст и указывается лист.

Разъясняя смысл чтения Ев. Мк.7, 3 фарїсеи бо и все иудеи, держась преданиа старцев, не едят, не умыв тщательно рукъ (ἐὰν μὴ πυγμῇ νίψωνται τὰς χεῖρας), Евфимий добавляет: "... πυγμῇ, си есть до лакта. πυγμη бо глется, еже ѿ лактя до краевъ перстовъ. Ѳеофилактъ " (л.55 об.).Такие же толкования приводятся на слова катепетасма (καταπέτασμα "*завеса*", Мф. 27,51, л. 44), дїдрахми (τα δίδραχμα "*подать*", Мф.17, 24, л.26), краніево мѣсто (Κρανίου Τόπος, Мф.27, 33, л.43 об.) и многие другие.

Множество глосс на полях рукописи являются вариантами чтений. Грецизмы дублируются славянским переводом : кинсонъ – поборъ (Мф.17,25), а славянизмы – греческими параллелями: край ризы – краспедъ (Мф.9, 20). Впрочем, в отдельных местах встречаются характерные для Епифания (а еще больше для Евфимия) слова и выражения : возкреститеся на л. 30, в винничїи на л. 30 об., укаменоваше на л. 32, ланитствовати на л.42, пророчествовати на л. 151 об., огневичествуетъ на л. 47 и другие. Почти все эти слова вошли в Лексикон Феодора Поликарпова и являются ныне достоянием книжного языка второй половины XVII в.

На л.12 об. рукописи находится пространная записка Евфимия, обращенная к Патриарху. После выписанных неудачных, по мнению Евфимия, чтений присутствует замечание:"Сꙋть и премногая сицевая обрѣтается[2]. Добро бы не единомꙋ прочести, якоже и пре малыми сихъ денми ѡбещася ст҃ня Ваша". В ряду неудачных чтений отмечены: Мф.1, 18 ѡбручившейся (с припиской"лучше ѡбрученѣй бо_бывшей); Мф.1, 23 во чрѣве воимѣетъ (с припиской"лучши: прїимет"); Мф 4,4 чрезъ ѹсто Бж҃ее (с припиской: "лучше: изъ ѹстъ Бж҃їихъ" и пометой: Бж҃ее въ грамматицѣ нѣсть, но Бж҃їе). Всего приведено 11 разночтений по первым пяти главам Евангелия от Матфея Предложенные редактором чтения согласуются с прежним переводом, зафиксированным в издании Библии 1663 г. (Вопреки распространенному мнению о новаторстве Евфимия, здесь явно демонстрируется консервативная преверженность его чтениям прежнего перевода).

[2] Здесь и далее «я» на месте слав «ѧ» - в соответствии с написаниями в рукописях

Аналогичная приписка Евфимия к л.184 (Ев. Ин.) присутствует в списке Синод.собр № 472.

Рукопись 2. Синод./ греч. №472 (№ 26 по описанию архим. Владимира). **Новый Завет**.

Посл. треть XVII в. (б.зн.: 1) на л.1 – Дианова, Костюхина 1997, № 468 полностью аналогичен знаку Синод. № 473 -"голова шута" с контрмаркой AC — **1678** г.; на лл.2—4 сходен с Диановой 1997, № 498, 500—**1682 -1683** г.,"голова шута"(вариант); 2) на лл.5—6, 199 подобны знакам Диановой 1998, № 9, 17 — **1683** г.,"герб Амстердама" в сопровождении литер AJ с контрмарками BDII, RC, PD, IV; 3) на лл.10—21 сходен с Дианова 1997, № 418 — **1681** г.,"голова шута" под ней литера L;

4) лл.22, 23, 28 Клепиков 1958 № 130,"герб Амстердама" с контрмаркой IG — **1672-1683** гг.; 5) л.30 сходен с Диановой, Костюхиной 1997, № 1028 — **1678-1680** гг.,"двуглавый орел"; 6) л.38 сходен с № 82 у Клепикова 1963 — **1678-1705** гг."голова шута без копийка между бубенцами" с литерным сопровождением FP; 7) л.40, л.120 Дианова 1998, №253 — **1688, 1690-1693** гг.,"герб Амстердама" с литерным сопровождением EP ; 8) с л. 89 по л.120 и с л.190 сходен с Диановой, Костюхиной 1997, № 874 — **1687** г.,"герб Семи провинций", контрмарка IV; 9) л.265 Дианова, Костюхина 1997, № 474 — **1685** г.,"голова шута"; 10) л.311 Дианова 1998, № 513 -516 —**1684-1689** гг.,"голова шута с копийком между бубенцами "). 479 лл. 1° (325/30 x 208/10). Полуустав близкий к скорописи (так называемый круглящийся) — в большей части рукописи рука основного писца предыдущего списка (Флора Герасимова), в два столбца.

Переплет - доски в желтой коже (XVIII в.).

Содержание : на л. 1 и приклеенных к верхней переплетной доске трех листиках помещены греческие эпиграммы и разные заметки, относящиеся к переводу Евангельскаго текста на славянский язык.

Листы 2— 4 без текста.

Л. 5— 6. **Речéнїа ѐврейскаѧ, ѐллїнскаѧ и латїнскаѧ, ѡбрѣтáющаѧсѧ в Новомъ Завѣтѣ, не преведéнаѧ на славéнскїй дїалектъ, за свойство и лѣпотꙋ ѻ҆нѣхъ дїалéктѡвъ.** Расположены по алфавиту. Нач.: **Аввадѡ́нъ. зрѝ Аполлѡ́нъ.**

Л. 7—9. Без надписания. Нач. : **В҆ Виѳлеéмѣ родѝсѧ Хр҃тóсъ. В҆ Назарéтѣ воспитáсѧ.** Далее следуют: 1) **Сéдмь словесà, ꙗже Хр҃тóсъ на кр҃тѣ висѧ, ѝзрече.** 2) **Сéдмь словесà, речéннаѧ ѿ Ст҃ыѧ Бц҃и, во Є҆ѵ҃лїи Хр҃тóсъ и ѡбрѣтáемаѧ.** 3)**Сéдмь востáнїѧ, бы́ша прежде Хр҃тóва востáнїѧ.** 4)О семействе Иосифа обручника. 5) **Четыри Марїи ѡ҆бносѧтсѧ во є҆ѵ҃лїихъ** и проч. 6) О чудесах Господа нашего Иисуса Христа. Л. 5—9 писаны полууставом двух почерков.

Л.10—20. **По житїю Хр҃тà Ї҆и҃са, Гд҃а и҆ Бг҃а нáшегѡ ѝзбрáшасѧ пꙋтшéствїѧ, чꙋдодѣ́ѝствїѧ и҆ ꙋ҆чéнїѧ Є҆гѡ̀, собрáннаѧ ѿ четырехъ Бж҃твенныхъ Є҆ѵ҃лїи и чи́номъ єли́ко мо́щнѡ расположéннаѧ с҆ ꙋ҆казáнїемъ свѣдѣтелствъ Ст҃ы́хъ Є҆ѵ҃лїстѡвъ, ѡ҆ чесóмъ всѝ д҃ или г҃, или в҃, или токмѡ̀ єдинъ: и кїй в҆ коей главѣ́ или стїсѣ́ пи́шетъ** и проч. Нач.: **Предвѣ́чное Бж҃тво Гд҃а нáшегѡ Ї҆и҃са Хр҃та** (Ин.1, 1)[3].

Л. 20 об.—21. Апостолы, как они именуются в Евангелии, Деяниях свв. Апостолов с толкованиями Феофилакта, Евсевия и других (на слав. яз.).

Л. 22 об.—38. **Собрáнїе ѝстóрїи ѡ҆ стрáсти Гд҃нѣй, начéнщеесѧ ѿ ꙋ҆готовленїѧ Пáсхи, и҆з четырехъ є҆ѵ҃лїстѡвъ ѝзбрáннаѧ, нà дéсѧть чáсти раздѣлéнное.** Нач.: **Пéрваѧ чáсть заключáетъ в҆ себѣ́ скóрбь прѝ вéчери послѣ́днѣй, патикрáтѡ Гд҃ꙋ тѧжкꙋ́ю.**

Л. 39 и 40 без текста.

Л. 41—284 занимают Четвероевангелие и Деяния Свв. Апостолов. На л. 184 – пространная

---

[3]Архим Владимиром отмечено, что в слав. рук. Московской Синод биб-ки под №257 (автограф Симеона Полоцкого) тот же текст помещен на лл 344—350, но заголовок короче На лл 320—329 (почерк Сильвестра Медведева) – то же, но заглавие изменено В № 801 на лл. 2—10 заглавие другой редакции **Исторїѧ о пꙋтешествїѧхъ, чꙋдодѣ́ѝствїихъ и ꙋ҆чéнїихъ Гд҃а и Бг҃а нашего Ї҆и҃са Хр҃та** и проч. с заменой выражений характерными для справщика Евфимия: писменици вм книжники, **кр҃тованїе** вм **распѧтїе, пресвꙋтери** вм **старцы.**

записка Евфимия с разночтениями прежнего и нынешнего перевода Евангелие от Иоанна (аналогична его записке на л.12 об. в Синод.473). Между л. 228 и 229 (перед Деяниями) к рукописи приплетен листок в четверку, на котором помещен черновик записки старца Евфимия царю Петру:

Державнѣ́ шїй цр҃ь гдр҃ь,

млтивѣйшїм Ваши" (зачеркнуто: твоимъ) гдр҃ьскимъ млр҃днымъ жалованїе" для моей старости и дряхлости данъ мнѣ въ послꙋ́женїе чл҃вѣкъ пожилой, Тїмоѳей Родїонов, конюх (последние пять слов вынесены на поля – *Т.И.*), и приходитъ ко мнѣ въ де". Кѣлью нагрѣе^т и мѣня, ꙋ́богова дряхлово богомолца Вашего (зачеркнуто слово твоегѡ) застарелаго накормя, начевать в до" свой ѿходит, и паки поꙋ́трꙋ ко мнѣ приходи^т.

Всемлтивѣйшїй гдр҃ь, прошꙋ́ Вашего Величества: вели, гдр҃ь, емꙋ́, Тїмоѳею, ꙋ́ мена, бг҃омолца Вашего, въ послꙋ́женїи быть по прежнему и денежное, и хлебное жалованье по ѡкладꙋ́ давать емꙋ́ по прежнемꙋ́, по конюшескомꙋ́, окладꙋ́ (три последних слова зачеркнуты). Что^е мнѣ, бг҃омолцꙋ́ Вашемꙋ́ (посл. слово зачеркнуто), в глꙋ́бокой в такой старости не бе́з призренїя быти, *животъ свой не скончать нꙋ́ждно* (посл. слова зачеркнуты).

Вашего Величества нижайшїй рабъ и бг҃омолец твой (посл. зачеркнуто), Чꙋ́дова мн҃тря старый келарь монах Ѳеѳилїй. Генваря ·ів҃. (12) де" ҂аѱд (1704).

Это последний по времени документ, относящийся к известиям о старце Евфимии Чудовском (впервые опубликован: [Исаченко 1994: 179]; вторично: [Страхова 1998: 280, прим.37]].

Л. 291—469. Четырнадцать Посланий Апостола Павла. Семь Соборных Посланий[4] и Апокалипсис. В начале каждой главы изложено краткое содержание.

Разделение на главы и стихи то же, что и в современных печатных изданиях Нового Завета. На полях и в тексте часто встречается сигла"чю҃" – ссылка на Чудовской Новый Завет Святителя Алексия.

Л.470–479. Заголовок"Царїе греческїе / Патрїархи Константїнопольскїе", за которым следует указатель с именами царей, митрополитов и патриархов : 1) цари греческие: от Константина Великого до 1453 г. (т.е. до взятия Константинополя турками), 2) Патриархи Константинопольские: от св. Митрофана (327 г.) до Григория III Мелиссина, 3) князья и цари Российские: от св. Владимира до Иоанна и Петра Алексеевичей, со сказанием о времени поставления их и кончины, їа҃ (12) и ѿвезе́нъ на Бѣло езеро в Ферапо́нтовъ мн҃трь. В лѣто же ҂зрпд (7184 = 1676) ї҃ꙋня въ <…> де" превезе́нъ изъ Ферапо́нтова в Кꙋрїловъ мн҃трь ҂зрпѳ (7189 = 1681) а҃ѵгꙋ́ста въ < … > де" свобожде́нъ изъ заточе́нїя. Преста́вися а҃ѵгꙋ́ста въ ѕ҃ (6) де". Погребенъ в Воскресенскомъ мн҃трѣ на Їстрѣ, ѿ негѡ созда́нномъ. Поло́женъ в ма́нтїи а҃рхїерейстѣй и в схи́мѣ[5].

На л.479 об. о Патриархе Иоакиме сказано: Їоакїмъ бы́вый митрополїтъ Новогра́дскїй. Їꙋ́ля въ кѕ҃ (26) < имеется в виду поставление –*Т И* >. Преста́вися в лѣто ҂зрчн (7198 = 1690) марта въ.ік҃. (17) шестесятъ девятаго лѣта свойственна вѣка. Бывъ на пр҃толѣ шестьнадесятъ лѣтъ безъ мц҃ей четырехъ. Здесь же *приписка* Евфимия монаха о Патриархе Адриане: ҂сд҃ (204-го= 1696) февро́-

[4] В списке присутствует только Соборное Послание св Апостола Иакова.

[5] Евфимий, в течение полувека работавший вблизи русских иерархов и, вероятно, сопровождавший в 1658 г Никона в Новый Иерусалим (к этому времени относится парсуна"Патриарх Никон с клиром", которая по сей день хранится в Истринском краеведческом музее; воспроизведена В Г Брюсовой в кн ."Русская живопись 17 века" М , 1984), был там назначен строителем Галилейской пустыни и временно исполнял обязанности иверского справщика), а по низложении Патриарха в 1666 г был возвращен в Москву, где в Чудовом монастыре, вероятно, принял постриг. Сведения на последних лл списка № 473 вполне документальны и принадлежат лицу, бывшему в ближайшем окружении Патриархов, иноку Евфимию

[6] Но сведений о кончине (16 10 1700) Патриарха нет Следовательно, записи сделаны до 1700 года

арїѧ занемоществовалъ Ѧдрїанъ патрїархъ[6]

Славянский текст большей части рукописи принадлежит руке Флора Герасимова. Оригиналом греческого текста Четвероевангелия архим. Владимир называет рукопись XIV в под № 19 [Владимир 1894. 20]

Кодикологические дополнения. Список игумена Сергия корректурный и составлялся раньше Своим продолжением он имеет часть, включенную позднее (при переплетении) в список"первейший достоинством"— Синод / греч № 472.

Б у м а г а списка № 473 по водяным знакам совпадает с бумагой списка № 472 – в той его части, которую занимают Послания Апостольские и Апокалипсис (лл 291— 405·"голова шута" [Дианова 1997, № 513, 516–1684-1689гг])

Таблица распределения филиграней в списках по датам

Синод /греч 473	Синод /греч.472	
	Лл 5-6 Амст /AJ +BDIB, PD, IV	— 1683
	Лл 10-21 Шут/L	— 1681
	Лл 22- 28 Амст /LM + IG	— 1682, 1684
	Л 30 Орел	— 1678-1680
	Л 38 Шут / FP	— 1678-1690
	С л 40 Амст / EP	— 1688-1693
	С л.40 по 289 – Четвероевангелия и Деяния	
	С л 89 7 провинций + IV	— 1687
	С л 120 Амст/ EP	— 1688-1693
	Л 190 90 7 провинций + IV	— 1687
	Л 265 Шут	— 1685
Четвероевангелие, Деяния Свв. Апостолов	**С л.291 – Послания Свв. Апостолов и Апокалипсис**	
Лл 1-190 Шут — 1684-1689	Л 311 Шут	— 1684-1689
	С л 405 Орел	— 1678-1680
	С л 418 — Соборные Послания Св Ап Павла	
	С л.435 — Соборные Послания Св Ап Иоанна	

Таким образом, кодикологическая экспертиза подтверждает одновременность появления тетрадей с текстами Новозаветного канона в списках Синод № 473 и Синод № 472 (1) Четвероевангелия и Деяний Апостольских на л 1—190, (2) Посланий Апостольских и Апокалипсиса на л 291–469 Названные тексты, судя по бумаге, были переписаны в одно время Возможно, что при переплетении рукописей порядок следования тетрадей нарушился[7] Корректурный экземпляр игумена Сергия с правкой инока Евфимия отражает более раннюю стадию работы над текстом исправления, внесенные Евфимием в текст Синод № 473 (включая приписки), полностью отражены в Синод № 472

Долгое время Епифаниев перевод был овеян легендой О нем судили преимущественно по исторической записке Архива Коллегии иностранных дел, опубликованной митрополитом Евге-

[7] О том что многие рукописи Патриашей (Синодальной) библиотеки вплоть до конца XVIII в существовали в непереплетенном виде свидетельствует Н П Попов, бывший одно время хранителем ризницы [Попов 1934 20]

нием [Евгений 1818, I: 190, 1827, I. 178–183]

В записке подробно изложены обстоятельства начала работы старца Епифания и его сотрудников, сообщается о прежних переводах Священного Писания на греческий и славянский языки, говорится о Ртищевском братстве в Андреевском монастыре справа — Крутицкое подворье, резиденция митрополита Сарского и Подонского Павла[8]. В записке говорилось.". . после кормничества престола онаго святейшаго Питирима Патриарха[9] великий государь царь и великий князь Алексий Михайлович... указал, а Священный Собор, преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы всея Великия России разных епархий, благословил преводити Библию всю вновь, Ветхий и Новый Завет, ему иеромонаху Епифанию Славинецкому. " Епифаний Славинецкий был приглашен в Москву специально для пересмотра и исправления Библии[10].

Алексей Михайлович обратился к митрополиту Сильвестру Коссову с просьбой прислать в Москву образованных людей"божественнаго писания ведущих и еллинскому языку навычных". для справки Библии греческие на словенскую речь .". Митрополит выполнил просьбу царя и летом 1649 г. в Москву прибыли Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский в сопровождении старца Феодосия, доверенного человека киевского митрополита. Боярин Феодор Ртищев выстроил Андреевский монастырь на Воробьевых горах, где и была организована первая патриаршая школа с обучением греческому и латыни. В числе первых его переводов мы видим"Филологический словарь" и"Книгу лексикон греко-славено-латинский-","Греческо-римское право" Левенклавия[11],"Анатомию" Андрея Везалия – важнейшие пособия переводчиков в их работе над текстами. Прекрасное знание греческого и латинского языков снискало автору большой авторитет среди современников Патриарх Никон назначил иеромонаха Епифания начальником патриаршего училища и главным справщиком книг.

Библия, изданная в Москве в 1663 г, вышла с благословением Патриарха Никона и предисловием Епифания. Поновление языка было незначительным [Meyendorff 1991 108–113, Евсеев 1916, I 151–152, Thomson 1998. 688].

Из записки митрополита Евгения мы знаем, что после созыва Архиерейского Собора старец Епифаний"ради царскаго повеления, наипачеже ради спасения души своея и иных ради пользы, первее нача преводити Новый Завет .." Когда этот перевод был завершен, скоропостижно скончался митрополит Павел (09. 09.1675),"вскоре и отец Епифаний Славинецкий, муж мудрости внешния и духовныя исполнен сый, от мира сего преставися в вечное блаженство в тоежде 7184 лето ноемврия месяца в 19 день" (19 11.1675) Таким образом, перевод Ветхого Завета не состоялся ("и тако оное преведение Ветхаго Завета в дело не произыде"), а Новый Завет, полностью переведенный, не был вычитан ("точию Новый Завет преведеся, яко мощно бе, точию на чисто не прочтеся и не исправися преводником иеромонахом Епифанием, яко зрится зде, с многих древних книг рукописных и печатных ")

В записке называются и с т о ч н и к и, к которым обращались справщики Говоря о множе-

---

[8] Местоблюститель патриаршего престола (1664 —1667, с перерывами)

[9] Патриарх Питирим скончался 19 апреля 1673 г М Сменцовский (1900), вслед за еп Амвросием, ошибочно называет дату — 1674 г

[10] О Епифании Славинецком см [Евгений 1827, I 172—183, Евгений 1847, кн 4 Смесь С 62—72, Певницкий 1861, № 8 405—438, № 10 135—182, Строев 1882 105- 108, Брайловский 1890а, 236—250, 1890б 231—233, Браиловский 1892 78—81, Ротар 1900, № 10 1—38, № 11 189—217, № 12 347—400, Соболевский 1903 44, 64, 98, 121, 164, 183, 199, 213, 231, 268, 284, 286, 288-291, 293, 294, 206,-298 301-303, 306, 308, 324, 334, 338, 382, 347, 438, Булич 1904 181—182, Харлампович 1914 (см Указатель личных имен), Шолом 1958 19—23, Махновець 1960 539—542, Панченко 1992 309–313]

[11] Под русским названием "Сокращения божественных правил" Константина Арменопула (1653 вторично — 1656 г)

стве рукописных и печатных книг, бывших под рукой во время работы, автор записки конкретно называет три из них:"Первая славенская книга бе у преведения сего преводу и рукописания святаго Алексия митрополита всея России чудотворца, писанная в лето 6865 (1355). ...Вторая славенская книга бе у исправления сего, преводу цареградскаго в лето 6890 (1382) прежде Флоренскаго соседалища[12] за 56 лет писанная. Третья книга, Беседы Святаго Иоанна Златоустаго на Священное Евангелие преводу святогорца мужа премудра монаха Максима Грека, в лето 7032 (1524)". Автор добавляет также, что некия речения "исправляшася с книги Бесед же Святаго Златоуста на Послания Святаго Апостола Павла, печатанныя в Киевопечерстей Лавре (1623 г.)"

В числе греческих источников автор называет издания 1597 г. (Франкфурт)[13], 1600 г (Лондон)[14] и издание 1587 г. (без выходных данных) "с книг греческих самых Седмесятых преведения, в Франкфорте печатанных в десть лета 1597, и с других в Лондинии печатанных лета 1600, и иныя издания лета 1587[8]. Здесь, вероятно, речь идет о Sixtine Greek text (1587)[16]

Среди лиц, принимавших участие в справе, названы:"Сергий, бывший игумен из Путивля града Молчанскаго монастыря, Евфимий", монах Чудова монастыря, что в Москве, Никифор, иерей, справщик книг печатнаго дела, Моисей иеродиакон и монах Чудова монастыря екклесиарх; Михаил Родостамов и Флор Герасимов, книгописцы книг печатнаго дела" О Симеоне Полоцком в предисловии сказано, что ему"не изволи" отец Епифаний у дела сего бывши того ради,"зане аще и учен бе и знаяше нечто, но латински точию; гречески же ниже малейше что либо знаяше".

Упомянутый екклезиарх Чудова монастыря Моисей известен, между прочим, как переводчик Книги Иова 1671 г (рукопись Санкт-Петербурского Отделения Института истории РАН, коллекция Н П Лихачева, № 384) Свящ Никифор в расходных книгах Московского Печатного

---

[12] Словом соседалище Евфимий переводит греч snnlъdrion (ср Мф 5, 22) В данном случае подразумевается Флорентийский собор

[13] По-видимому, Divinae Scripturae, nempe Veteris ac Novi testamenti, omnia Recens a Viro doctissimo et linguarum pertissimo diligenter recongnita, et multis inlocis emendata [Francofurti, apud Andreas Wechelıheredes, Claudium Marnium & Ioan Aubrium, 1597 (4°,VI + 1098] Предисловие, переведенное Евфимием [Соболевский 1903, 214], читается в Синод сборнике № 1 на лл 200—205 [Протасьева 1973 103, Страхова 1995 79, Thomson 1998 691, com 439] Томсон связывает упомянутое автором франкфуртское издание с именами Jean Aubry († 1600/ 1601) и Claude de Marne († 1610) [Darlow, Moule 1963, II/ I № 4653, также № 4633)

[14] Лондонских изданий 1600 г было три Два из них – в 8° (№№ 256 и 259) Одно – в 4° (№ 257) Все перепечатки Женевской версии [Darlow, Moule 1968 117—118, №256, 257 и 259] Возможно однако составитель предисловия подразумевает эльзивировское издание 1624 г (Textus qui dicitur Receptus, ex prima editione Elzeviriana (Lugduni Batavorum anno 1624 impressa) depromptus) или, как полагает Thomson, Walton 's Polyglot (Biblia Sacra Polyglotta, complectentia textus originales[ ] 6 vols London T Roycroft, 1654-1657)

[15] Сведения записки не точны, они варьируются данными предисловия к рукописи Ундольского под № 1291 "съ книгъ греческихъ въ Франкофуртѣ печатаныхъ в десть лѣта 1600 <sic!> И съ другихъ въ Лондини печатаныхъ лѣта <дата не названа–*Т И*> И иныя издания лѣта 1587" Возможно, ошибка допущена именно в рукописи (подобных неточностей в списке довольно много) Обратим внимание, что на л 179 Погодинского сборника в описи книг Евфимия ясно сказано о франкфуртской книге "в десть", то есть в лист Это совпадает с данными каталога – издание 1597 (Франкфурт) имеет размер 351 x 222 mm, т е размер in folio ("в лист") Изданная там же в 1600 году греческая Библия имеет размер в 16° (112 x 70 mm) [Darlow, Moule 1963, II/ I 598, № 4657] Размер лондонского издания, согласно той же описи – в 4° ("в полдесть") Этому соответствует издание С Barker (London, 1600), упоминаемое Дарлоу [Darlow, Moule 1968, № 257]

[16] Darlow 1963, II/ I 597, № 4647

Двора упоминается под одним (1666) годом и в одной строке с зачисленным на работу чтецом Аврамием Фирсовым, переводчиком известной Псалтири 1683 г на "простом обыклом языке" [Исаченко 1984; 1987а. Последнее принципиально важно, так как в записке говорится, что"проведение книг Ветхого Завета" в ходе библейской справы 70–80-х гг "в дело не произыде, точию Новый Завет преведеся". Это означает, что составитель записки сознательно отмежевывается от выполненных в 70–80-е годы XVII в. ветхозаветных переводов.

ОПИСИ КНИГ ИЕРОМОНАХА ЕВФИМИЯ ЧУДОВСКОГО

Важными документами, содержащими упоминание о переводе, являются описи книг библиотеки иеромонаха Евфимия.

Одна была составлена самим старцем Евфимием в 1702 г. (РНБ, Погодинский сборник под № 1963, л.122 об)[17]. Помимо двух Синодальных списков с переводом книг Нового Завета, в описи упоминаются: печатное кавычное Евангелие, Лексикон[18] и Чудовской Новый Завет Святителя Алексия[19]

В описи обозначена дата, согласно которой Евангелие и Чудовской Новый Завет, взятые Евфимием"для прочитания" (то есть для сличения текстов), были возвращены в Крестовую палату (на Патриаршее рассмотрение) в марте 1679 г. Об этом свидетельствует приписанное на полях слово"дано" (т е. возвращено): **ев҃ліе кавычное, взятое ѹ ст҃ейшагѡ Іоакіма Патріарха в Кр҃товон егѡ патріаршѣй палатѣ для прочитанія** < далее на полях>: **с рѹкописным Новымъ Завѣтомъ, писанымъ на хартіи рѹкою великагѡ архіерея Алеѯіа митрополита, Всеа Россіи чюдотворца. Дано**. Далее строка продолжается. **въ ⁄ зрпз** (1679) **лѣтѣ, марта въ** <пропуск> **днь**. Отсюда ясно, когда указанные две книги были возвращены в Крестовую палату – в марте 1679 г.

Запись осталась незамеченной исследователями творчества инока Евфимия. Между тем, уже в марте 1679 г. была завершена, по всей видимости, подготовка к изданию Четвероевангелия и Деяний – текстов, которые мы видим в списке № 473. В связи с этим запись в Погодинском сборнике является важной временной вехой в истории библейской справы XVII в.

Свидетельство старца Евфимия вполне определенно. В описи, составленной Евфимием, значатся : 1) Новый Завет (**Вторая кн҃га числом Первѣйшая же достоинством и честію: Новый Завѣт Гда** <нашего> **Іисса Хр҃та, сирѣчь Ст҃ое, Ев҃ліе и Дѣянія и Посланія С҃х Апл҃ѡвъ и Апокалѷпсисъ, рѹкописная переводѹ и стяжанія многомрагѡ мѹжа в філософіи и богословіи, іеромонаха Епіфанія Славінецка-гѡ, родом белорѹсца...** (л.122 об)[20].

---

[17] По данной описи книги переданы в ризницу через патриаршего казначея Филарета Кудрявцева. как это следует из записи на л 178 об Погод сб-ка под № 1963

[18] Среди рукописей ГИМ этот список ныне значится под шифром Синод собр , № 1046 "свод разных мест из греческих св отцов, объясняющий и определяющий смысл слов и выражений Св Писания" [Евгений 1827 176] — ценнейшее пособие для справщиков в их работе над переводами

[19] Рукопись бесследно исчезла в первые послереволюционные годы при передаче книг Патриаршей ризницы в Исторический музей

[20] Фраза "вторая числом" подразумевает порядковый номер рукописи в описи (всего здесь указано четыре книги, первая — "Лексикон в малую десть") Фраза "первейшая же достоинством и честию" подразумевает полный (беловой) список Нового Завета "переводу и стяжания иеромонаха Епифания Славинецкого"

[21] Эта запись почти дословно совпадает с текстом записки, приклеенной к верхней крышке переплета Синод собр № 473 "Книга сия игумена Сергия, что был приказной на Печатном дворе и преставился в 7206 (1698) году, февруариа в 22 день Отдати в Патриаршу ризничную казну" Отметим, что в записке Евфимия сведений о Козьме нет, значит, в заголовок 1- го листа они внесены помимо него

На этом же листе присутствует другая запись (№ 3) кнга грекословенски же писанаѧ Еуліе и Аплѡвъ стыхъ Деѧнія стѧжанія игумена Сергіа, иже бысть приказный на Печатномъ дворѣ, а письмо Флора Герасімова, печатнагѡ двора книгописца[21]

Обе рукописи, о которых идет речь в описи, отождествляются со списками Синод / греч собр под № 472 и 473 (по описанию архим Владимира № 26 и 27)

ОПИСЬ КНИГ ИЕРОМОНАХА ЕВФИМИЯ, ИЗДАННАЯ А.Е. ВИКТОРОВЫМ

В 1863 г хранителем Московского Публичного и Румянцевского музеев А Е Викторовым была опубликована еще одна опись — на сей раз книг собственной библиотеки иеромонаха Евфимия, переданных на сороковой день (8 июня 1705 г, Евфимий скончался 28 04 1705) в ризную казну и библиотеку [Викторов 1863, 1876] В опубликованном документе среди переданных книг фигурировало"Святое Евангелие и Деяние Святых Апостол, переведенные с греческих книг Космою иеродиаконом греком, по полям приписывано Евфимиевою же рукою" — в точном соответствии с записью 1-го листа Синод /греч № 473 Соболевский по поводу записи заметил "Вероятно, что здесь имеется в виду текст Епифания" [Соболевский1903 289]

Известный славист, обладавший превосходной интуицией, основанной на знании источников, гипотетически допускал существование других списков с переводом Нового Завета, но Синодальные рукописи были ему не известны[22]

Слово *стяжание* в исторических словарях русского языка толкуется двояко (1) действие по глаголу *стягивать*"соединять, составлять, собирать" эквивалентного словам *собрание, свод* [23], *(2)* 'имение, имущество' (в смысле приводимой Далем поговорки "Церковное стяжанье — Божье" [Даль 1882, IV 352] Именно во втором значении Евфимий употребляет слово *стяжание* применительно к рукописи игумена Сергия (Синод / греч собр № 473), говоря "Книга Деяния *стяжания* игумена Сергиа "

Иначе Евфимий говорит, по-видимому, о рукописи Синод собр № 472, что она"преводу и *стяжания* иеромонаха Епифания Славинецкого", подразумевая, конечно же, не владельца рукописи, а составителя

РУКОПИСЬ В М УНДОЛЬСКОГО ПОД № 1291

Третий источник сведений о переводе старца Епифания — предисловие к рукописи Четве-

[22]"Единственный известный нам список Евангелия в переводе Епифания Муз Унд 1291 к XVII в [sic!] Списков остальных новозаветных книг нам неизвестно" [Соболевский 1903 291] Ср противоположное мнение на этот счет "Едва ли можно также сомневаться в том, что Козма перевел на русский язык Четвероевангелие и Деяния апостолов " [Фонкич 1994 55, прим 155]

[23] И в этом смысле его употребляет инок Евфимий, когда говорит"стяжание и собрание Чудова монастыря грешнаго негли монаха Евфимия" применительно к своду "Душевное сокровище" (подробное описание Исаченко 1994) В нем объединены тексты, над которыми Евфимий работал как справщик (с 1653), как переводчик (с 1675) и как редактор (с 1672) Творения Дионисия Ареопагита (1675-79), Творения Кирилла Иерусалимского (ок 1680), Творения Иоанна Златоуста, Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, Слова Григория Паламы"на латин" (последние три переведены между 1680 и 1685 гг), Кормчая с толкованиями Вальсамона, Аристина и Зонары, дополненную позже Посланиями Климента Римского, Синтагмой Матфея Властаря (по"Синодикону" Беревегия [Исаченко 1987б]), и противоеретические сочинения"на кальвин","на латинян", Катехизис иерея Николая Булгара, Лексикон грекославенский Федора Поликарпова, Енхиридион патриарха Досифея и другие сочинения В список своих трудов Евфимий включил также исправленный в 1674–1678 гг перевод книг Нового Завета (Четвероевангелия и Деяний Апостольских), выполненный в 1674–1679 гг Описание помещено в Погодинском сборнике № 1963 на л 178

[24] РГБ ф 310, № 1291 [Соболевский 1903 289 Ундольский 1870)

вероевангелия в списке перв трети XVIII в из собрания известного библиофила В М Ундольского (1815 – 1864)[24]

Рукопись в четверку (19,7 х 15,7), на 272 листах, одета в коричневый переплет (доски в коже), с золотым тиснением на верхней крышке (в среднике – сцена Благовещения) На корешке – тисненая надпись "Евангелие" По водяным знакам список датируется первой третью XVIII в (Клепиков 1958, № 137 "герб Амстердама" в сопровождении литер AJ – 1716, 1723, 1740 гг) На первом, форзацном, листе (в зн "Pro Patria"– не ранее конца XVIII в) з а п и с ь "Сіе сто́е евангелие переводу іеромонаха Епифанія по реклу Славинецкого" (XVIII в) На обороте верхней крышки – экслибрис Румянцевского музея с пометой"Ундольского" Н лл 1, 19, 90, 135 и 212 наклеены з а с т а в к и - у к р а ш е н и я (печать 1677 г), на л 19 – и н и ц и а л Первые 18 л рукописи заняты п р е д и с л о в и е м, принадлежащим лицу, хорошо осведомленному в деталях справы

С появлением рукописи сведения о переводе подтвердились предисловие в своей исторической части совпало с запиской митрополита Евгения Некоторые его сведения дополняют содержание записки Погрешности прежнего перевода, на примере отдельных чтений, рассматриваются автором с ссылками на греческий подлинник, славянский и другие переводы, преимущественно же на перевод Евангелия, осуществленный митрополитом Алексием — Алексиевский Чудовской Новый Завет Всего приведено 14 примеров с разночтениями, подобных следующим

Мф 3,12[25] "И ПОТРЕБИТЪ ГУМНО СВОЕ Речение сіе потребитъ знаменуетъ погубитъ, ищезиствитъ, неявствитъ **Ꙗко погꙋ́битъ всѧ̀ глюꙗ́щаѧ лжꙋ̀. Потребѝтъ** (рекше погубитъ) **ѿ гра́да Гдⷭ҇нѧ всѧ дѣ́лающїѧ беззаконїе** Здѣже ст҃ый Іоаннъ Крст҃итель гл҃етъ не о *потреблении*, рекше *погублении* гумна гл҃етъ, но о *разчищении*, яко земледѣлцы творятъ разчищаютъ гумно млатити пшеницу и отвевати зерна от плѣвы Яко и преведение ст҃аго Алексія митрополита Всея Россіи чудотворца показующо гл҃етъ в Матфее и Лукѣ, и самое греческое, и латинское, и полское сице **и̑ расчи́ститъ гꙋ́мно̑ свое**" (л 7 об — 8)

Мф 11,53 "НАЧАША КНИЖНИЦЫ И ФАРИСЕЕ БGДНG ГНGВАТИСЯ [НА НЬ], И ПРЕСТАТИ ЕГО О МНОЗG, ЛАЮЩЕ ЕГО, ИЩУЩЕ УЛОВИТИ НGЧТО ОТ УСТЪ ЕГО, ДА НА НЬ ВЗГЛАГОЛЮТЪ Греческий же слогъ гл҃етъ сице **Нача́ша пис. ме́нні̑цы и фарі̑се́е лю́тѣ гнѣ́ватисѧ, [на него] егѡ̀ ѡ многихъ, навѣ́тꙋющіе [ко́вствꙋющіе] егѡ̀, и и̑щꙋ́ще ꙋлови́ти нѣ́что ѿ ꙋ́ста̀ егѡ̀, да̀ оглаго́лютъ егѡ̀.** Сицево и по латински разумѣние Подобнѣ и Алексия ст҃аго преведение, гл҃етъ, **и загражда́ти ꙋ́ста емꙋ̀ ѡ мно́зѣ** А еже, **престати** его **и лающе**, речения, отнюдъ неприлична и неразумна

Лука 17 29 ОДОЖДИ КАМЫ ГОРЯЩА, И ОГНЬ СЪ НБ҃СЕ А в гречестѣмъ Евангелии, и в преведении Алексия митрополита, сице **ѡдождѝ о́гнь и жꙋ́пелъ ѿ нб҃се** Вездѣ гл҃етъ точию **огнь и жꙋ́пелъ**, снесть **сѣ́рꙋ**, а **камені̑ѧ** никакова не бысть и евангелистъ ст҃ый Лука и Моисей бг҃овидецъ не повѣствуютъ Погрѣшение сіе недоразуменное преводника — всякъ бо чл҃къ под недоумѣніемъ и погрѣшеніемъ" (л 9об —10)

Лк 8, 46 "ЧУХЪ Въ Луки ст҃аго евг҃листа Евг҃ліи въ главѣ 8, стх 43 Речение велми грубое Чухъ у простаго бо всего народа, наипаче у поселянъ, знаменующо гласъ призыванія животныхъ, свиней Въ ст҃ѣмъ Евг҃ліи сіе мѣсто по еллински <*греч* ugnwn *пропущено*>, по славенски же претолковуется **познахъ** или **разꙋмѣ́хъ**, яко и въ преведении ст҃аго Алексія митрополита написано **разꙋмѣ́хъ**, а не **чꙋ́хъ** " (л 9)[26]

Хранитель Московского Публичного и Румянцевского музеев А Е Викторов, описывая приобретенную им у владельца рукопись (60-е годы XIX в), отмечал " в Елизаветинское издание Библии (1751 г) все вышеперечисленные погрешности вошли без изменений в том

---

[25] Здесь и далее значения тех или иных слов выделены курсивом нами –*Т И*

[26] Все адреса цитат в рукописи приведены на полях шрифтовая разметка наша *Т И*

виде, в каком они присутствуют в Библии 1663 г. Из этого ясно, что труд Епифания и его помощников не был известен Елизаветинским справщикам. Зато в новом издании святейшего Синода Русского перевода Евангелия все указанные места читаются совершенно согласно с переводом, сделанным Епифанием. Последнее обстоятельство, свидетельствуя о вечности сделанных Епифанием исправлений, может служить доказательством важности его труда для нового исправленного издания славянского текста Нового Завета, если такое издание когда-либо будет предпринято"[27].

Надо, однако, отметить, что только исторические свидетельства обращения переводчиков XIX в. к переводу старца Епифания позволят определенно высказаться на этот счет. Факты многочисленных совпадений в чтениях Епифаниева, Синодального и современного подстрочного переводов говорят о том, что всякое буквальное прочтение текста могло бы дать примерно один и тот же результат.

Проиллюстрируем это примерами, помещая слева — прежний перевод (по изд. 1663 г.), в центре — перевод Епифаниев перевод к.XVII в., а справа — Синодальный русский перевод 1858—1869 гг.

Евангелие от Матфея

3:12 потребитъ	**очиститъ**	Он **очистит** гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу (НЗ Е = Синод. !)
4:25 ѿ десѧти градъ	**ѿ Десѧтиградїа**	И следовало за Ним множество народа из Галилеи и **Десятиградия** (НЗ Е = Синод. !)

Евангелие от Луки

6:44 чешꙋтъ смоквы:	**собираютъ смоквы**	потому что не **собирают** смокв с терновника (НЗ Е= Синод. !)
17:29 камыкъ горѧщь и огнь съ небесе	**_огнь и жꙋпелъ отъ небесе:**	пролился с неба дождь **огненный серный** (НЗ Е = Синод. !)

Впрочем, множество мест в переводе Епифания с чтениями Синодальным перевода не согласуется.

Евангелие от Матфея

10:29 не двѣ ли **птицы**	не два ли врабїѧ	Не две ли малые **птицы** продаются за ассарий? (Библия 1663= Синод. !)
11:5 **нищїи бл҃говѣствꙋютъ**	... бл҃говѣствꙋютсѧ:	мертвые воскресают и **нищие благовествуют;** (Библия 1663= Синод. !)

[27] РГБ. архив А.Е. Викторова (ф. 51), карт. 12, ед. 32, л. 47 об

17:25 **не дастъ ли** **не мытитъ ли** (вар.: **мытствитъ**) **не дастъ** (Библия 1663= Синод. !)

Евангелие от Луки

8: 46 **чꙋхъ**	**разꙋмѣхъ**	**ибо Я чувствовал силу, исшедшую из меня** (Библия 1663=Синод. !)

Крайне буквальный перевод Епифания согласуется, между прочим, с современными чтениями подстрочника (Евангелие от Луки 1994; Евангелие от Матфея 1997): 1:53: **лютѣ гнѣватисѧ** (δεινῶς ἐνέζειν"ужасно иметь внутри"), **навѣтꙋюще** (ἐνεδρεύοντες "подстерегающие"); 6:44: **собираютъ смоквы** (**Τρυγῶσιν**"собирают"); 17: 29: **ѡ҆дождѝ ѻ҆гнь и҆ жꙋпелъ ѿ нб҃сѐ:** (**ἔβρεξεν πῦρ καὶ θεῖον ἀπ᾽οὐρανοῦ**"пролился дождем огонь и сера с неба"); 8, 46 **разꙋмѣхъ** (**ἔγνων**"узнал").

Труд Епифания и его помощников отличается строгим буквализмом с однозначным соответствием переводимых и переводящих лексем, с поморфемным калькированием, с сильно выраженной тенденцией к"грецизации" на всех уровнях результирующего текста. На уровне лексики данная тенденция реализуется в обильном и не всегда мотивированном притоке иноязычных слов, на уровне синтаксиса — в элементах греческого управления, греческой структуры фразы, на уровне акцентологии – в следовании греческой системе ударений в заимствованных словах, на уровне орфографии – в грецизирующем начерке, переходящем местами в пографемное воспроизведение облика заимствуемого слова."Убо, читателю благоразумный, читая богодохновенную сию книгу, паки необыкновенно что-либо обретая, сомнению не подлагайся, ибо не своемыслие дело сие, но подражание прежде бывших толковников, право правящих слово истины, ради лучшаго согласия с греческими…", – обращается автор к читателям.

Рукопись Ундольского от оригинала отделяют почти 50 лет. Список содержит ошибки и искажения: Мф.21,9 : *сницахъ* вм. *клицахъ* ("к"прочитано писцом как"с") и вычайшихъ вм. высочайшихъ (пропуск слога); ср. чтение списка Синод. / греч. собр. № 473 и 472: **Народиже предходѧщїи и҆ послѣдꙋюшїи клицахъ** (вариант: **воплѧхъ**), **гл҃юще: ѡ҆санна С҃нꙋ Давїдвꙋ, бл҃гословенъ грѧдꙋщїй во̀ имени Гд҃а: ѡ҆санна высочайшихъ** (вариант: **вышнихъ**).

Много неточностей и пропусков допущено писцом в обозначении дат (неверно указана дата смерти Патриарха Питирима: 7189 (1681) вм. 7181 (1673)[28] и дата проведения Собора: 1681 вм. 1673. Перепутаны выходные данные западных изданий (на л. 5). Одновременно отметим, что все исправления инока Евфимия, какие мы видим в тексте и на полях Синодальных списков, внесены писцом в текст рукописи. На полях отражен весь справочный и текстологический комментарий – с той же бережностью, с какой его вносил автор. Все это заставляет думать, что список составлялся одним из последователей инока Евфимия, учеником школы Чудова монастыря.

Говоря о чудовской школе перевода применительно к конкретно взятому переводчику, мы определяем способ оценки его деятельности и литературных результатов по следующим параметрам:

1. Выбор результирующего текста, ориентация переводчика на определенный, более или менее идеализированный тип текста, каким хотел бы (сознательно или бессознательно) переводчик видеть свой текст.

2. Принципы перевода, включая совокупность технических параметров: способы калькиро-

[28] Патриарх скончался 19 04 1673.

рования, контекстуальная синонимия, иноязычные вкрапления, глоссирование, избыточная вариативная лексика.

3. Выбор исходного текста. Мы имеем в виду ориентацию на конкретную культурно-историческую и идеологическую традицию, на определенный культурный ареал, язык и памятники данного языка. Даже самое общее деление на Запад и Восток в конце XVII в. привело к возникновению в среде русских книжников двух религиозно-политических партий "западников" и "грекофилов". Борьба этих партий определила противопоставленность (лингвистическую и литературную) двух школ московского перевода С одной стороны – школы Чудова монастыря, с другой – школы Заиконоспасского монастыря.

О НОВГОРОДСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРЕДИСЛОВИЯ И ЗАПИСКИ

Среди книг, некогда принадлежавших В.М. Ундольскому и приобретенных Румянцевским музеем вместе с его библиотекой, сегодня в Отделе рукописей РГБ находится экземпляр"Словаря" митрополита Евгения (Болховитинова), содержащий пометы владельца собрания[29]. Одна из них крайне интересна для нас.

На полях, против слов владыки"записка Архива Коллегии Иностранных дел", Ундольский помечает: «а в"Истории Российской иерархии" еп. Амвросия эта записка значится *как документ Новгородской семинарской библиотеки* <здесь и далее курсив наш. – *Т И* > (т. I : 510, № 65)». Приводим это место полностью: «[Собор] Московский XXX. В 1674 [году, sic! — *Т И.*][30] при том же царе [Алексее Михайловиче] во время междупатриаршества,"о переведении Библии Ветхого и Нового Завета вновь с греческого оригинала 70 Толковников". Историческая записка находится в числе рукописей новгородской Семинарии»[31].

Данные владыки Амвросия вызывают доверие. Будучи сыном диакона новгородской епархии, владыка долгое время жил и трудился в ее пределах, а с 1808 по 1816 г. являлся ректором новгородской семинарии (см : Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.1 (репринтное изд-е). М., 1992. Стб. 141-142).

С Новгородом оказалась связана судьба еще одного русского иерарха — митрополита Иова (1624–1716).

НОВГОРОДСКИЙ ВЛАДЫКА ИОВ

Новгородский митрополит Иов был одним из выдающихся русских иерархов,"талантливых самородков Петровского времени" [Строев 1882 191] Вступив на кафедру, митрополит Иов собрал вокруг себя бывших учеников чудовской школы и фактически возродил ее. По его благословению в Новгороде было основано греко-славянское училище, и, вероятно, типография [Чистович 1861] Он готовился к завершению исправления Библии [Пекарский 1862, I: 216-217; Сменцовский 1899· 409] и даже ее изданию Лихудов Иов, по выражению И.Е. Евсеева,"выпросил у Петра" [Евсеев 1916 8]

Списки Чудовского рукописного скриптория сегодня можно видеть в Софийском Новгород-

---

[29] Изд 2-е М , 1827, шифр в подсобной библиотеке ОР РГБ 03 б / V-14

[30] Отметим, что все историки, вслед за еп Амвросием, называют 1674 г как время проведения Собора, не уточняя источника В недавних публикациях О Б Страховой фигурирует даже 1671 г ("with this proposal and received the blessing of Patriarch Pitirim and the council of bishops especially convined for this purpose in September 1671" [Strakhov 1994 95], то же утверждение в работе [Страхова 1993 259] На самом деле Собор состоялся осенью 1673 г, спустя несколько месяцев после кончины Патриарха Питирима († 19 04 1673)

[31] Ссылка дана на 2-е изд "Истории" В 1-м изд (1808) те же сведения помещены на с 271 под № 44

Списки Чудовского рукописного скриптория сегодня можно видеть в Софийском Новгородском и бывшем Тихвинском (ныне собр. СПБДА) собраниях ОР РНБ, среди рукописей БАН [Каталог 1881, №№ 145, 168, 169; Исторический очерк .. 1956]. В том числе между ними находятся полемические трактаты, связанные с вопросами о переводах, их об идеологической направленности:"Обличение на гаждателей Священного Писания" (РНБ, F XVIII.41, кон.XVII в),"Остен" (БАН 34.3.13, осн. 914, кон. XVII – нач. XVIII в.) Полемика по вопросу о переводе Библии уходит корнями в 80-е годы XVII в. След ее — в критических замечаниях на полях рукописи Синод./ греч.собр. № 473 (л. 12 об., приписка с записями рецензента), патриаршем запрете на распространение перевода Псалтири Авраамия Фирсова 1683 г [Евгений 1827, II. 230; Астафьев 1888, 1889; Bryner 1974 : 320, Jagič 1884· 40; Winter 1953: 244; Исаченко 1984), в умолчании об осуществленном переводе Книги Иова 1671 года [Исаченко 2002], наконец, в появлении"Книги на оглаголающия Священную Библию" (ГИМ, Синод. собр. № 373), которую А.В. Горский и К И. Невоструев связывают с именем чудовского инока Евфимия [Горский, Невоструев1855, I 1. 286][32].

Убеждая владыку позаботиться о более исправном переводе Библии на славянском языке, иеродиакон Дамаскин в 1704 г. подал Новгородскому митрополиту Иову три прошения [Филарет 1859, I: 246]. Сменцовский считает, что в 1704 году к митрополиту Иову поступило"Обличение" [Сменцовский 1899: 408].

Митрополит стал советоваться с авторитетным тогда в Новгороде ученым из монашеской среды — Юрьевским архимандритом Гавриилом (Домецким) [Белоброва 1993]. Домецкий отверг большую часть замечаний автора"Обличения" и нелестно отозвался об учености составителя [33].

Дамаскин в защиту Евфимия и Лихудов написал"105 ответов на Домецкое недоумение"[34], которые сыграли свою роль: Гавриил Домецкий от архиерея был отдален, а в Новгород приглашены Лихуды. В 1705 г. Евфимий и Дамаскин закончили свой земной путь (первый — 28 апреля, второй — осенью 1705), и участие этих замечательных книжников уходящего XVII в. в столь важном для государства деле было завершено.

В 1712 г. последовал царский указ об исправлении Библии [Описание 1879, т III. 28, пр. XIII, XLVII ; Евсеев 1916: 8]. Братья Иоанникий и Софроний Лихуды возглавили справу[35], и рукопись Ундольского также могла быть следом их подготовительной работы[36]. Но это был уже следующий этап — сотрудничества Лихудов с архимандритом Феофилактом Лопатинским, справщиками Феодором Поликарповым и Николаем Семеновым, монахами Феологом и Иосифом [Бобрик 1991– 1992].

Четвероевангелие в рукописи Ундольского — поздний и не совсем текстологически исправ-

---

[32] Есть мнение, что рукопись относится к более поздниму времени (1702–1704 гг Сменцовский 1899) Частью этого сочинения является "Обличение на гаждателей Св Писания" (автограф Евфимия в рук Чудовск собр № 285) По мнению митрополита Евгения, "Обличение" было сочинено в Новгороде (владыка связывал его с Лихудами запись на рукописи Софийского собр РНБ, № 1203, содержащей "Ответы <Гавриила Домецкого> на защищение книги "Остен" Бычков 1882 168 – 169, № 145)

[33]Рукопись Софийского собр РНБ, № 1203, лл 1-10

[34] В 1883 году опубл И Яхонтовым по рукописи БАН 17 5 8

[35] Братья Лихуды переехали Новгород в 1706 году [Фонкич 1994 51. прим 132)

[36] Список Ундольского по филиграням датируется именно этим временем (1716, 1723, 1740) Его шрифтовые заголовки, в которых наблюдается замена кириллических прописных букв греческими во многом схожи с гражданским письмом Петровской эпохи Историк старопечатной книги Н П Киселев в свое время отметил, что аналогичные заголовкам были использованы в свое время русскими книжниками при напечатании славянского текста Острожской Библии [Киселев 1962]

сведениях, которые содержит предисловия. Вместе с запиской митрополита Евгения эти сведения подтверждают существование при Новгородской кафедре скриптория, продолжающего традиции школы Чудова монастыря. Второе достоинство предисловия — тот текстологический комментарий, который дан автором во второй его части. Детальный анализ 14-ти, приведенных автором примеров, в записке митрополита Евгения не повторяется. Наше предположение о попытках издать (либо использовать при издании) перевод старца Епифания в Новгороде подтверждается фактом существования там в первой трети XVIII века греческой типографии, а также присутствием лиц, готовых участвовать в подобном издании – ближайших учеников из московского окружения иноков Евфимия и Епифания – иеродиакона Дамаскина, монаха Иова, Кариона и, возможно, Козмы.

БЫЛ ЛИ ПЕРЕВЕДЕН ВЕСЬ НОВОЗАВЕТНЫЙ КАНОН?

Существует мнение, что Евангелие иеромонаха Епифания Славинецкого в рукописи Ундольского – единственный список сохранившегося перевода[37]

Мы показали, что о славянском переводе Нового Завета впервые упоминается в рукописной описи старца Евфимия, помещенной в Погодинском сборнике под № 1963 на л.122 об. Но этот перевод с трудом иеромонаха Епифания ранее не отождествлялся.

Архимандрит Владимир, представивший полную постатейную роспись списков и точно определивший лицо, внесшее исправления (инок Евфимий), о труде старца Епифания также не упоминает.

Академик А.И. Соболевский, хорошо знавший рукописные собрания России, был близок к отождествлению перевода Епифания с Синодальными списками ("... вероятно, здесь имеется в виду текст Епифания" [Соболевский 1903: 291], но он усомнился в сведениях заголовка, приписывавшего перевод Евангелия и Деяний иеродиакономонаху Козме.

Ошибочное прочтение последней строчки в записи Евфимия о рукописи Синод./греч. собр. № 472 ("Новый Завет ...переводу и стяжания многомудраго мужа в философии и богословии, иеромонаха Епифания Славинецкого, родом белорусца, по-гречески <вар.: еллински>, славенски и латински предовольна наказана и вельми въ языцех сихъ искусна") помешало Б.Л. Фонкичу отождествить рукопись Синод./греч.собр. № 472 с переводом Епифания. Фраза:"белорусца, еллински, славенски и латински предовольна наказана", свидетельствующая об эрудиции ученого монаха, была истолкована исследователем в смысле перевода (переписывания) Епифанием выполненного им труда на трех языках: греческом, славянском и латинском" [Фонкич 1994: 27]. Между тем, глагол **наказывати** употреблен здесь в значении 'учен, эрудирован', ср.: **сꙋнникъ ꙋченъ и наказанъ** — doctus et eruditus в Геннадиевской Библии 1499 г. (Книга Неемии., VII.65).

Б.Л. Фонкич, однако, вполне определенно высказался на счет возможного участия Козмы, имя которого прописано в заголовке Синод.№ 473:"Едва ли можно также сомневаться в том, что Козма перевел на русский язык Четвероевангелие и Деяния апостолов ..." [Фонкич 1994: 55, прим. 155].

---

[37] "Рассматриваемое Четвероевангелие [рукопись Ундольского № 1291 — *Т.И.*] единственный плод этих совместных усилий» [Страхова 1993· 255-256; Strakhov 1994: 94-95, прим.3; Страхова 1995]. В другом месте. "В предисловии, написанном несомненно Евфимием, специально подчеркивалось [sic ! – Подробного утверждения в тексте мы нигде не видим – *Т.И.*], что перевод четырех Евангелий был единственным результатом работы, предпринятой Епифанием Славинецким и его помощниками" [Strakhov 1994 94-95, прим 3)

Архиепископ Амвросий, как известно, цитирует решение Московского Собора 1673 г."преводити Библию всю вновь — Ветхий и Новый Завет" [Амвросий 1807, I: 510, № 65]. Автор записки и, видимо, предисловия к Четвероевангелию — инок Евфимий — сообщает о выполнении этого решения лишь в первой его части:"... Новый Завет преведеся яко мощно бе, точию начисто не прочтеся ...". Завершить работу помешала кончина Епифания [Евгений 1827: 178-183 ; рукопись Унд. № 1291, л.6 об.].

Помимо рукописи Ундольского, сегодня можно с уверенностью указать на списки, содержащие тот же перевод – рукописи Синод./ греч.собр. под № 473 и 472. Оба списка датируются 80-ми годами XVII в., т.е. достаточно близко стоят ко времени появления оригинала.

Созданный иноками Чудова монастыря, по преимуществу с ориентацией на исторический труд Святителя Алексия, перевод Епифания может быть введен в научный оборот под именем Чудовского Нового Завета старца Епифания Славинецкого (НЗЕ).

Важнейшей в историческом отношении рукописью этого перевода является полный беловой список Синод./греч. № 472, переплетенный после 1704 г. и в этом обновленном составе включающий Четвероевангелие, Апостол и Апокалипсис:

1."Вторая числом, первейшая же достоинством и честию, Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа, сиречь Святое Евангелие и Деяния и Послания Святых Апостолов и Апокалипсис, рукописная переводу и стяжания многомудраго мужа в философии и богословии, иеромонаха Епифания Славинецкого, родом белорусца..." — этот список, указанный иноком Евфимием на л.122 об. Погодинского сборника в перечне грекославенских рукописных книг, приписан старцу Епифанию по праву родоначальника и вдохновителя всех работ.

2. Второй Синодальный список под № 473 — корректурный экземпляр игумена Сергия. Он содержит пометы, исправления и замечания старца Евфимия Чудовского:"Книга грекославенски же писанная Евангелие и Апостолов Святых Деяния стяжания игумена Сергия, ище бысть приказный на Печатном дворе, а письмо Флора Герасимова, печатнаго двора книгописца".

3. Наконец, Четвероевангелие в рукописи Ундольского — поздний и не совсем текстологически исправный список первого перевода. Ценность его заключена как в исторических известиях предисловия, так и в детальном текстологическом анализе, проведенном на материале 14-ти, отобранных автором примеров, с разночтениями. Факт совпадения текста предисловия с запиской митрополита Евгения подтверждает существование в Новгороде при Архиерейском Доме, скриптория, проводившего принципы школы Чудова монастыря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амвросий (Орнатский), еп 1807 – История российской иерархии. Изд. 2-е. М., 1807.

Астафьев Н.. 1888; 1889 – Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами // ЖМНП. № 335 (1888), № 258 (1889).

Белоброва О.А. 1993 – Лихуды Иоанникий и Софроний // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 2. СПб., 1993.

Бобрик М 1991—1992: Издание Библии 1712—1721 гг. на голландском и церковнославянском языках в культурно-языковой ситуации Петровского времени // Cyrillomethodianum. V. 15-16.

Брайловский С. 1890а – Филологические труды Епифания Славинецкого // Русский филологический вестник. 1890. Т. 23.

Брайловский С 1890 – Заметка о греко-славено-латинском словаре Епифания Славинецкого // Русский филологический вестник. Т. 24.

Брайловский С 1892 – О словаре Амвросия Калепина: (Из бумаг Ундольского) // Русский филологический вестник. 1892. Т. 27.

Булич С К 1904 - Очерк истории языкознания в России СПб , 1904 Т 1

Бычков А Ф 1882 – Описание церковнославняских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки Т 1 СПб , 1882

Викторов А Е 1863 – Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи русской литературы и древности/ Изд Н С Тихонравовым Т V Отд 3 М , 1863

Викторов А Е 1876 – Обозрение старинных описей Патриаршей Ризницы М , 1876

Владимир (Филантропов) архим 1894 – Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки Ч 1 Рукописи греческие М , 1894

Горский А В Невоструев К И 1855—1917 – Описание славянских рукописейМосковской Синодальной библиотеки М , 1855-1917 Отд 1 Ч 1 , отд II Ч I-III, отд III Ч I

Даль В И 1882 – Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля Изд 2-е Т 10 М , СПб , 1882

Дианова Т В 1997 – Филиграни XVII—XVIII вв Голова шута М , 1997

Дианова Т В 1998 – Филиграни XVII—XVIII вв Герб города Амстердама М , 1998

Дианова Т В Костюхина Л М 1980– Водяные знаки рукописей России XVII в по материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост Т В Дианова, Л М Костюхина М , 1980

Дианова Т В Костюхина Л М 1988 – Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ Каталог М , 1988

Евангелие от Луки 1994 – Евангелие от Луки на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык (Греческий текст Greek New Testament, Fourth revised edition Stuttgart 1993] Стокгольм , 1994

Евангелие от Матфея 1997 – Евангелие от Матфея на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык [Греческий текст Greek New Testament, Fourth revised edition Stuttgart 1993] Стокгольм, М , 1997

Евгений (Болховитинов), митр 1818, 1827 – Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви Изд 1-е СПб , 1818 Т 1, изд 2-е СПБ , 1827 Т 1

Евгений (Болховитинов) митр 1847 – Об ученых трудах Епифания Славинецкого // ЧОИДР 1847 Кн 4 Смесь

Евсеев И Е 1912 – Записка о научном издании славянского перевода Библии и проект означенного издания // К 200-летию со времени первого царского указа об усовершенствовании славянского текста Библии 1712—1912 СПб , 1912

Евсеев И Е 1916 – Очерки по истории славянского перевода Библии Пг , 1916

Исаченко (Лисовая) Т А 1984 – Псалтирь Аврамия Фирсова 1683 г Особенности языка и перевода // ИАН ОЛЯ 1984 № 3

Исаченко (Лисовая) Т А 1986 – Лексика Кормчих книг второй половины ХУП века Канд дис филол наук М , 1986

Исаченко Т А 1987а – Текстуальные полонизмы Псалтири Фирсова 1683 года книжные заимствования или диалектизмы ? // Русская региональная лексика М , 1987

Исаченко Т А 1987б – Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованиями Феодора Вальсамона в переводе Евфимия Чудовского // ВЯ 1987 № 3

Исаченко Т А 1994 – Духовное завещание Евфимия Чудовского и другие малоизвестные материалы // Книга Исследования и материалы М , 1994 Т 69

Исаченко Т А 2002 – Книга Иова в переводе иеромонаха Чудова монастыря Моисея (1671) Особенности языка и перевода (в печати)

Исторический очерк 1956 – Исторический очерк и обзор фондов рукописей Отдела Библиотеки АН Опись рукописных книг собрания царевича Алексея Петровича М , Л , 1956 Вып 1

Каталог 1881 – Каталог Российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора / Сост П Н Тиханов // ПДП 1881 Вып XII №№ 1, 11

Киселев Н П 1962 – Греческая печать на Украине в XVI веке // Книга Исследования и материалы М , 1962

Клепиков С А 1958 – Бумага с филигранью "Герб г Амстердама" // Записки ОР ГБЛ М , 1958 Вып 20

Клепиков С А 1963 – Бумага с филигранью "Голова шута" // Записки ОР ГБЛ М , 1963 Вып 26

Махновець Л Е 1960 - Українські письменники Біо-бібліографічний словник Київ, 1960 Т 1

Описание 1879 – Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительственного Синода Т 1–3 СПб , 1879

Остен 1865 – Остен Памятник духовной письменности XVII века Казань, 1865

Панченко А М 1992 – Епифаний // Словарь книжников и книжности Древней Руси СПб XVII век А-З СПб , 1992

Певницкий В Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в XVII веке // Труды Киевской духовной академии 1861 № 8, № 10

Пекарский П П 1862 – Наука и литература в России при Петре Великом Т 1–2 СПб , 1862

Попов Н П 1934 – О возникновении Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А С Орлова Л , 1934

Протасьева Т Н 1973 – Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А В Горского и К И Невоструева) М , 1970 Т 1, М ,1973 Т 2

Рижский М 1978 – История переводов Библии в России Новосибирск, 1978

Розенкампф Г А 1829 – Обозрение Кормчей книги СПб , 1829 Изд 1-е Прил III

Ротар И 1900 – Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII века // Киевская старина 1900 Т 71 № 10, № 11, № 12

Сменцовский М 1899 – Братья Лихуды Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв СПб , 1899

Соболевский А И 1903 – Переводная литература Московской Руси Библиографические материалы СПБ , 1903 (= Сборник ОРЯС Т 24 № 1)

Страхова О Б 1993 – Сколько переводов Св Писания было сделано в последней четверти XVII века в Московской Руси? // Palaeoslavica № 1 1993

Страхова О Б 1995 – Литературная деятельность Евфимия Чудовского // Palaeoslavica № 3 1995

Строев П М 1848 – Рукописи славянские и российские, принадлежащие И Н Царскому М , 1848

Строев П М 1882 – Библиологический словарь и черновые к нему материалы П М Строева / Приведены в порядок и изданы под редакцией А Ф Бычкова СПб , 1882

Ундольский В М 1870 – Славяно-русские рукописи В М Ундольского, описанные самим оставителем и бывшим владельцем собрания с № 1 по № 573 (с приложением очерка собрания рукописей В М Ундольского в полном составе / Сост А Е Викторовым М , 1870

Филарет (Гумилевский) архиеп 1859 – Обзор русской духовной литературы Харьков, 1859

Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. 1993 – Греческие рукописи Синодальной библиотеки. М., 1993.

Фонкич Б.Л. 1994 – Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII в.: Разные аспекты исследования. СПб., 1994.

Харлампович К. В. 1994 – Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1 (см. Указатель личных имен).

Шолом Ф. Я. 1958 - Епіфаній Славинецький і російська філологічна наука середини XVII ст. / Міжслов'янські літературі взаемини. Київ, 1958.

Яхонтов И. 1883 – Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVII века. СПб., 1883.

Bryner E. 1974 – Bible translations in Russia // The Bible translator. 1974. V.25.

Darlow T.H., Moule H.F. 1963 – Historical Catalogue of the printed editions of Holy Scripture in the Library of the British and Foreign Bible Society. Compiled by T.H. Darlow M.A. and H.F. Moule M.A. in two volumes. Vol.II. Polyglots and languages other than english. London, 1963.

Darlow T.H., H.F. Moule 1968 – Historical catalogue of the printed editions of the English Bible 1525-1961, revised and expandad from the edition T.H. Darlow and H.F. Moule, 1903 by A.S. Herbert M.A.B.D. London; New York, 1968.

Jagić V. 1884 – Отчет о присуждении Ломоносовской премии за 1883 год с приложением // Сборник ОРЯС Имп. АН. 1884. Т. 33. Ч.II.

Meyendorff P. 1991 – Russia, ritual and reform: The liturgical reforms of Nikon in the17th Century.Crestwood.1991.

Strachov O. 1994 – The issue of a"nonstandard" translation of the Holy scriptures in Moskovite Rus' // Metropolitan Aleksij, Maksim Grek, Epifanij Slavineckij // Medieval Russian Culture. V. I. Berkeley; Los Angeles ; London, 1994.

Strachov O. 1998 – The Byzantine Culture in Muscovite Rus'/ The Case of Evfimii Chudovskii (1620-1705). Köln; Weirmar; Wien. 1998 (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte Bd.26).

Thomson F.J. 1998 – The Slavonic Translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible / Interpretacija Svetego Pisma. Ljubljana, 1998.

Treu K. 1966 – Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR: Eine systematische Auswertung der Texthandschriften in Leningrad, Moskau, Kiev, Odessa, Tbilisi, Erevan. Berlin, 1966.

*Winter E.*1953 – Halle als Ausgangspunkt der Russlandkunde im 18.Jahrhundert // Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik 2. Berlin, 1953.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2002

© 2002 г. М.Н. БОГОЛЮБОВ

АВЕСТИЙСКОЕ НАЗВАНИЕ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД

В авестийском гимне, посвященном Тиштрии (Yt. 8), звезде и божеству, сказано о том, что *stārō kərəmå̄* "падающие звезды", "метеоры" – это *pairikå̄* "ведьмы", которых истребляет Тиштрия:

tištrīm stārəm raēuuantəm	xᵛarənaŋuhantəm yazamaide
yō pairikå̄ taurwaiieiti	yō pairikå̄ titāraiieiti
yå̄ stārō kərəmå̄ patanti	antarə ząm asmanəmca (Yt. 8, 8)

"Тиштрию, звезду богатую, могучую мы чтим.
Которая ведьм побеждает, которая ведьм одолевает.
Которые как *stārō kərəmå̄* падают между землей и небом".

Юсти (HZ: 84) на основании звукового сходства второго компонента *stārō kərəmå̄* с др.-инд. *kṛ́may-* "червь" и перс. *kirm* "червь" придал словосочетанию *stārō kərəmå̄* значение 'Wurm-Sterne' в смысле *Sternschnuppen* "падающие звезды". Так появилась авестийская основа *kərəma-* "червь". На авест. *kərəma-* "червь" сослался Хорн [GNE: № 850]. Эту ссылку Хорна иранисты продолжают учитывать[1].

Уже Хюбшман [PS: 87, № 850] отметил, что значение "червь", придаваемое авест. *kərəma-*, не достоверно. Бартоломе принял перевод *stārō kərəmå̄* 'Sternschnuppen' [AiW: 469; Av: Yt. 8, 8], приведенный Юсти, но значения и этимологии *kərəma-* он не коснулся. Шерер [Gestirnnamen: 24, № 1] обратил внимание, во-первых, на др.-инд. *klā́myati*, *klā́mati* "уставать", "утомляться", допуская для *stārō kərəmå̄* значение 'ermatterte Sterne'? и, во-вторых, на хетт. *kalmi-*, *kalmanna-*, которые, возможно, как-то относятся к понятию огня. При втором сопоставлении, замечает Шерер, *stārō kərəmå̄* можно было бы понять как "feurige Sterne".

Авест. *kərəma-*, в отличие от простого слова – др.-инд. *kṛ́may-* "червь", перс. *kirm* "червь", осет. *kalm* "змея", "червь", является словом производным, образованным от корня в слабой степени – **kṛ-*, путем прибавления суффикса *-ma-*. Так образованы авестийские *stərəma-* (Yt. 5, 130) "Lager", "Lagerraum" [AiW: 1606]; *han.kərəma-* (Yt. 5, 49) "befestigend", "Befestiger" [AiW: 1770].

Часть *stārō* последовательности *stārō kərəmå̄* по форме двузначна: *stārō* "звезды" – им. падеж мн. числа, но одновременно *stārō*, в случае написания *stārō.kərəmå̄*, может выступать в качестве компонента сложного слова *stārō.kərəmå̄* "звездные *kərəmå̄*". Здесь учтем чтение **stārō.sāra-*, которое Бартоломе счел более вероятным для *starō.sāra-* [AiW 1599]. Последовательности *stārō kərəmå̄* и **stārō.kərəmå̄* объединены общей особенностью. Подобно тяжелому анлауту |st-| первой части анлаут второй

[1] См.: С.Н. Соколов [Соколов 1964: 287]; В.И. Абаев в статье осет. *kalm* "змея", "червь" привел авест. *kərəma-* со знаком вопроса [ИЭСОЯ, I: 569]; Авеста в русских переводах (1861–1996) [Авеста... 1997: 253 – "Тиштр-яшт" 8].

части также исторически мог быть тяжелым: *stārō* * *skərəmå*, **stārō.skərəmå*. При диссимиляции анлаут второй части упростился: *stārō kərəmå*, **stārō.kərəmå*. Выше предложенный корень **skṛ-* вводит авест. *kərəma-* < **skṛma-* в довольно широкий круг иранской лексики, характерно представленный персидским *sakār* (*sikār*, *sukār*) "горячий, раскаленный, пылающий уголь". Значение перс. *sakār* ярко запечатлено в двустишии поэта Сузани (1093–1173, Самарканд):

Ba dār-i dunyā čun bar furūxt ātaš-i ẓulm,
Sakār-i ān ba ǰahannam hamī xᵛarad ču ẓalīm.

"Кто на этом свете зажжет огонь жестокости,
Тот как страус будет пожирать в аду его угли"[2].

К **skṛ-*, **skar-*, **skār-* восходят: афг. пшт. *skōr* "уголь", "головня", *skarwáṭa* "красный тлеющий уголек", "искра" [ПРС: 518, 519], осет. диг. *sk'ærnæg* "искра" [ИЭСОЯ, III: 122], сак. *skara-* "уголь" [DKhS: 429], согд. *'sk'r*, *sq'r* "уголь" [SD: №№ 1548, 8776], вахан. *ṣ̌korč* "древесный уголь", "головня" [ЭСВЯ: 345]. Сюда же относится авест. *garəmō.skarana* (V. 14, 7) "сосуд для горячих углей". Производное от **skar-* засвидетельствовано в хорезмийской глоссе Словаря Замахшари Muqaddimat al-Adab [Vel. Tog., Muq. 210, 1]. В арабском тексте Словаря говорится: *malla l-xubzata fī l-mallati wa hiya xubzatu mallatin* [Vel. Tog., Muq. 209, 8; 210, 1] "он испек хлеб в горячей золе, и это хлеб из горячей золы". У Ветцштайна [SLAP: 140, 5–6] эта фраза имеет следующее чтение: араб. *malla l-xubzata fī l-mallati* | перс. *bipuxt nān-rā dar xākistar, nān-rā dar xākistar garm kard* | араб. *mallan wa hiya xubzatu mallatin* | перс. *nān-i ba-xākistar puxta* – (араб.) "он испек хлеб в горячей золе" | (перс.) "он испек хлеб в горячей золе, он разогрел хлеб в горячей золе" | (араб.) "горячей золой, и это хлеб из горячей золы" | (перс.) "хлеб, испеченный в горячей золе". Хорезмийский вариант фразы читается следующим образом: *fβy'drc hy pcyd'y sk's/š wrd* "в горячей золе его он испек, *'y sk's/š sk's/š wrd*" [Vel. Tog., Muq. 209, 8; 210, 1; ChwW: 19, 86, 280, 575]. МакКензи [MacK 1972: 68] распознал *skār-* в *sk's°* *(')*skāš°* (где *-š* < *-r* + суффикс: **skār-sa-* / **skār-θa-*). Интересна форма *wrd*. В ней можно видеть страдательное причастие прош. времени от *wr-*. По Бейли [ZorP xxv-xxvi] с основой (*s*)*u̯ar-* "гореть" или (*s*)*u̯el-* "тлеть" связаны ст.-слав. **варъ** "жар", "зной", русск. *варить* и, возможно, осет. диг. *wæras* "брага". Ср. др.-русск.: *вариво, варьница*; **варьнъıи** "жаркий, палящий", **варıа** "место, где варили напитки", **врѣти** "кипеть". Из хорезмийской фразы явствует, что глагол *war-* имел те же значения, что и *pac-* "варить", "печь": *fβy'drc hy pcyd 'y sk'š wrd* "в горячей золе (*f-*(*a*)*βy-ādarakā-*) его он испек (*pcyd*); в горячей золе (*skāš-* < *skār-sa-*/*skārθa-*) испеченный (*ward* < **war-ta-*) (хлеб – хорезм. *'y pknd* имя муж. рода)".

В авестийском тексте Vidēvdāt 8, 84–95, где содержатся параграфы, сохранившие названия печей и мест хозяйственного использования огня, приведен термин *skairya-*: *yō ātrəm skairiiaṯ haca dāitīm gātīm auui auua.baraiti* (V. 8, 95) "Кто отнесет огонь от *skairiia* (от места, где пекут хлеб в горячей золе) в приготовленное место". Хорезм. *skāš wr-* "печь (хлеб) в горячей золе" позволяет именно так толковать авест. *skairiia*.

Возвращаясь к авест. *stārō kərəmå* "падающие звезды", я хочу сказать, что изложенный материал поддерживает высказанное в начале предположение о том, что *kərəmå* передает позднее чтение. К *kərəmå* в результате диссимиляции свелось историческое **skṛma-* "горячие угли", "горячая зола", "искры"[3]. Второе слово сочетания *stārō* **skərəmå* могло быть приложением "звезды-искры" или, что вероятнее, *stārō skərəmå*

[2] В персидской поэзии называют страуса, саламандру "пожирателями огня" – перс. *ātaš-xᵛār*.

[3] О русском *искра* смотри в [ЭССЯ, 6: 52; ЭССЯ, 8: 236].

является сложным словом **stārō.skərəmå* "звездные искры":

tištrīm stārəm raēuuantəm	xᵛarənaŋuhantəm yazamaide
yō pairikå taurwaiieiti	yō pairikå titāraiieiti
yå stārō kərəmå patanti	antarə ząm asmanəmca (Yt. 8, 8).

"Тиштрию, звезду богатую, могучую мы чтим.
Которая ведьм побеждает, которая ведьм одолевает,
Которые как звездные искры падают между землей и небом".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авеста... 1997 – Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997.

ИЭСОЯ – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958, Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1978; Т. IV. Л., 1989. Указатель. М., 1995.

ПРС – *Асланов М.Г.* Пушту-русский словарь. М., 1985.

Соколов С.Н. 1964 – Язык Авесты. ЛГУ. 1964.

ЭСВЯ – *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., Вып. 6, 1979; Вып. 8, 1981.

AiW – *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (repr. Berlin, New York, 1979).

Av – *Wolff Fritz.* Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. Auf der Grundlage von Chr. Bartholomae's Altiranischen Wörterbuch. Strassburg, 1910.

ChwW – *Benzing Johannes.* Chwaresmischer Wortindex. Wiesbaden, 1983.

DKhS – *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.

Gestirnnamen – *Scherer Anton.* Gestirnnamen bei den indogermanischen Völkern. Heidelberg, 1953.

GNE – *Horn Paul.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.

HZ – *Justi Ferdinand.* Handbuch der Zendsprache. Leipzig, 1864 (Nachdruck 1969).

MacK 1972 – *MacKenzie D.N.* The Khwarezmian glossary–V. // BSOAS. V. 35, 1972.

PS – *Hübschmann H.* Persische Studien. Strassburg, 1895.

SD – *Gharib B.* Sogdian dictionary (Sogdian – Persian – English). Tehran, 1995.

SLAP – *Wetzstein I.G.* Samachscharii lexicon Arabicum Persicum. Lipsiae, 1850.

Vel. Tog., Muq. – *Velidi Togan Zeki.* Horezmce tercümeli Muqaddimat al-Adab. Istanbul, 1951.

ZorP – *Bailey H.W.* Zoroastrian problems in the Ninth-Century books. Oxford, 1971.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2002

© 2002 г. Э.Ф. ВОЛОДАРСКАЯ

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ КОНТАКТОВ*

Язык как средство коммуникации связан с культурой многочисленными и сложными связями. Языковые контакты имеют место как при непосредственных контактах народов, так и при отсутствии их, представляя при этом важную часть опосредованных контактов культур. Одним из серьезных последствий взаимодействия культур является заимствование лингвистических единиц, одновременно представляющее собой определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей.

Заимствование – это универсальное языковое явление, заключающееся в акцепции одним языком лингвистического материала из другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними, различающихся по уровню и формам. Изучение этого процесса как результата контактов между народами и их языками имеет важное значение для решения ряда лингвистических проблем, а также вопросов, связанных с историей, археологией, психологией и другими науками.

Настоящая статья является результатом исследований взаимодействия английского и русского языков и посвящена особенностям процесса взаимопроникновения лингвистических единиц в английском и русском языках. В части I обсуждения английских заимствований в русском языке уделяется внимание истории вхождения, динамике их накопления в словарях иностранных слов, а также механизмам интеграции их в систему реципиента.

Часть II, посвященная русскому языку в Англии и в английском языке, содержит информацию о результатах качественного и количественного анализа русских заимствований XIV–XX вв. в английском языке, историю их вхождения в английский язык, а также особенности их интеграции в систему реципиента.

I. АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. ИСТОРИЯ ВХОЖДЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКИЙ ЯЗЫК

На протяжении всего исторического развития русский язык сталкивался с влиянием других языков, сила и значение которого зависели от конкретных лингвистических и экстралингвистических факторов. В ряду таких языков стоят церковнославянский, южнославянские, латинский, греческий, тюркские, французский, немецкий, английский и другие языки.

Первые заимствования иностранных слов в русском языке отражают взаимодействие славян с иранскими, немецкими, скандинавскими, финно-угорскими и другими племенами и позволяют судить о хронологии и характере этих ранних контактов. Русско-английские контакты относятся к более поздним и имеют большое значение в истории русского языка, а также играют значительную роль в процессе его сближения с другими европейскими языками. Начало англо-русских взаимоотношений

* Текст настоящей статьи представляет собой лекцию, прочитанную автором в Кембриджском университете (Великобритания).

относится к XVI в. [Володарская 2001а: 62]. Проводниками первых английских слов в русский язык были русские послы при дворе английских королей Елизаветы I и Якова, а также первые английские специалисты в области медицины, горного дела, кораблестроения, военного дела, активно внедрявшие английскую специальную терминологию. В основе раннего заимствования английских слов лежала безусловная необходимость, с которой первые российские дипломаты сталкивались при составлении донесений, "статейных списков" московскому правительству. В них они активно использовали названия английских административных должностей, а также слова из общественно-политической и торговой терминологии. К заимствованным словам этого периода относятся *ерль* (earl), *лорд* (lord), *алдраман* (alderman), *лорд трезер* (lord Treasurer), *чифджестес* (Chief Justice), *лорд кипер* (lord Keeper) и др. Передача собственных имен и названий местностей в русском языке дает интересную информацию об английском произношении того периода: The Theames – *Земись, Темись*; Woolwitch – *Улючь*; Tottenham (High) Cross – *Татногеймкрос*; Cumberland – *Кумарлянд* и др. [Алексеев 1944: 85].

В XVI в. вслед за успехами внешней торговли России наблюдается довольно оживленное проникновение в русский язык иностранной, в частности английской, лексики. Заимствованные слова входили вместе с иностранными товарами и понятиями. По данным И.Н. Шмелевой [Шмелева 1961] "Торговая книга" – социальный памятник русской внешней торговли XVI в. – содержит 450 терминов и слов, относящихся к XI–XVI вв. Интересно проследить появление английских слов в распределении их по векам: XI–XIII – 99, XIV–XV – 97, XVI – 254. Увеличение числа торговой терминологии в XVI в. объясняется не внутриязыковыми процессами, а экстралингвистическими причинами: успехами русской внутренней и внешней торговли, а также усилением политической активности страны. К английским торговым заимствованиям этого периода относятся *лундыш* (< London: лондонское сукно), *еренга* (Irish: ирландское сукно), *колчестер* – Colchester, *галина* – gallon (английская мера), *карза, карзай, карзая* – kersey (сорт сукна, изготавливавшийся в графстве Кент) [Шмелева 1961].

Именно в этот период было заложено начало профессионального изучения английского языка с научной и практической целью. Первым переводом с английского языка на русский был учебник геометрии, выполненный в 1625 г. Альбертусом Далмацким [Райнов 1940: 284].

Второй период активного вхождения английских слов в русский язык начинается во время правления Петра I (1682–1725). Эпоха Петра I ознаменовалась великими свершениями во многих областях жизни, что серьезным образом отразилось на русском языке. Вслед за революционными преобразованиями Петра I в кораблестроении в русский язык хлынул поток голландских и английских заимствований из этой области. Именно в этот период, по мнению В.В. Виноградова [Виноградов 1978: 43], была заложена мода на иностранные языки, включая английский. В это время наблюдается активизация заимствований предыдущего периода, а также дальнейшее обогащение русского лексикона за счет английских заимствований из различных областей быта, торговли, наук. Последние большей частью представлены математикой, кораблестроением, морскими и общеинженерными науками. Морская терминология проникала в русский язык в условиях конкуренции с голландскими заимствованиями. О важности английского языка в морском деле свидетельствует факт его введения в число обязательных предметов в Московской навигационной школе. Интересно отметить, что первые российские авторы учебников и словарей английского языка, а также преподаватели и переводчики вышли из морских учебных заведений.

Третий пик проникновения английских слов в русский язык отмечается в 20-х гг. XIX в.; в его основе лежала эволюция процесса заимствования английских слов в период между Петровской эпохой и первой четвертью XIX в. В качестве основных вех на пути этого процесса необходимо отметить англофильскую направленность Екатерины II, учреждение ею с целью перевода иностранных, в том числе английских, книг переводческого общества (1768–1783 гг.), деятельность Эдинбургского салона

Е. Дашковой (1776–1779 гг.), формирование российского научного, профессорского контингента, а также контингента переводчиков и лексикографов из числа россиян, направленных на учебу в английские университеты. К этому же ряду событий следует отнести переводы М.И. Плещеева под псевдонимом "Англоман", в том числе перевод знаменитого монолога Гамлета "Быть или не быть", увеличение количества пособий по практическому изучению английского языка, кратковременное, но в определенной степени знаменательное существование в Петербурге "Английского театра" в 1770–1771 гг., а также учреждение "Английского клуба" в Москве в 1782 г.

Основными причинами возросшего престижа английского языка в России представляются следующие:

- укрепление и повышение престижа Англии на мировой арене;
- некоторое ослабление влияния французского языка на русский язык вследствие войны 1812 г., освободившее определенное пространство для английского языка;
- формирование в русской общественной мысли мнения об английском языке как языке прогресса и вольнодумия;
- создание в течение трех столетий благоприятных лингвистических условий, облегчающих заимствование английских слов;
- увлечение английской литературой, предопределившее выход английского языка из закрытого великосветского круга к широким слоям русского общества.

Мнение Л.А. Булаховского о том, что пристрастие к английскому языку в русском обществе не диктуется серьезными мотивами – английской литературой, наукой и техникой, "а основывается оно главным образом на отношении русских дворянских верхов к английской аристократии..." [Булаховский 1957: 220], представляется справедливым лишь применительно к первоначальному этапу развития интереса к английскому языку. Напротив, рост интереса к английской литературе, наряду с активизацией издательского дела в России, а также научно-технический, экономический и политический прогресс в Англии, привели к выходу английского языка из узкого аристократического круга к широким слоям российского общества. Подтверждение этому мы также находим в "Общем курсе русской грамматики" В.А. Богородицкого [Богородицкий 1911: 142].

Два следующих этапа внедрения английского языкового материала приходятся на XX в. и относятся к двадцатым годам и к эпохе перестройки в конце века.

Конец XIX – начало XX в. – активный предреволюционный период, благоприятствовавший процессу заимствования. Основными проводниками иноязычных слов в этот период выступали революционеры, почерпнувшие многие идеи и взгляды из произведений немецких, французских и английских авторов. До конца 20-х гг. основными языками-донорами выступали французский и немецкий языки. Участие английского языка в этом процессе было минимальным. Политическая революция 1917 г. разворачивалась на фоне научно-технической революции. Мир стал свидетелем рождения телефона, фотографии, кинематографа, авиации, автомобиля. В результате научно-технического прогресса усилилась конкуренция между немецким, французским и английским языками-донорами. Вследствие антинемецких настроений периода Первой мировой войны популярность немецкого языка на короткое время снизилась, в результате чего некоторые немецкие слова были заменены соответствующими русскими словами (так, например, *Санкт-Петербург* был переименован в *Петроград*). Хотя доля английских заимствований в общем числе иноязычных слов в русском языке была минимальной, в первые два десятилетия XX в. в него вошли слова boom – *бум*, boycott – *бойкот*, film – *фильм*, lawn-tennis – *лаун-теннис*, ragtime – *рэгтайм*, stand – *стенд*, jazz – *джаз*, dancing – *дансинг*, service – *сервис*, doker – *докер*, foxtrot – *фокстрот*, blooming – *блюминг*, sweater – *свитер* и др.

После 20-х гг. и особенно в период первой пятилетки приток иностранных слов в русский язык увеличился, причем английский язык приобрел главенствующую роль в качестве лингвистического донора. В эти годы в русский язык вошли английские

слова combine – *комбайн*, container – *контейнер*, tanker – *танкер*, trowler – *траулер*, trolley-bus – *троллейбус*, jumper – *джемпер*, demping – *демпинг*, cocktail – *коктейль*, pick-up – *пикап*, detektor – *детектор*, conveyor – *конвейер*, teletype – *телетайп*, *televisor* – *телевизор*, *television* – *телевизия*, *телевидение* др.

В годы сталинского режима в середине 30-х гг. и до конца Второй мировой войны, а также в годы холодной войны были созданы условия для ингибирования процесса заимствования иностранных слов. В эти годы многие английские слова были заменены на русские, к примеру, в области спортивной терминологии: *голкипер* – на *вратарь*, *хавбек* – на *полузащитник*, *офсайд* – на *вне игры*, *корнер* – на *угловой удар*, *пенальти* – на *11-метровый удар*, *форвард* – на *нападающий*, *хенндс* – на *игра руками*, *тайм* – на *половина игры*[1]. Несмотря на неблагоприятные лингвистические условия, в 1938–1955 гг. русский язык в этот период все же обогатился словами *бульдозер*, *грейпфрут*, *аллергия*, *бойлер*, *гандбол*, *офис* и др. Некоторые английские слова, вошедшие в русский язык в 30-е гг., сохраняли полученную ими отрицательную коннотацию до начала перестройки в конце 80-х гг. XX в. К этому ряду относятся слова *бизнес*, *бизнесмен*. В 1956–1969 гг. в русский язык вошли слова-экзотизмы *бестселлер*, *комикс*, *лобби*, *супермен*, *бармен*, *вестерн*, *стриптиз*, *твист*, *мюзик-холл*, *рок-н-ролл*, *поп-арт*, *хэппенинг*, *джин*, *гэмблинг*, *акваланг*, *круиз*, *шорты*, *аутсайдер*, *бадминтон*, *бикини*, *битник*, *дизайнер*, *компьютер*, *лазер*, *секс*, *хула-хуп*. К экзотизмам относилось слово *сервис* в период с 1933 по 1960 гг., когда его значение поверглось специализации в условиях конкуренции со словом *обслуживание*.

Период ингибирования заимствования сменился к 60-м гг. периодом потепления в отношении иноязычного лингвистического влияния, что незамедлительно сказалось на лексической картине русского языка. В 70–80-е гг. русский язык заимствовал из английского языка слова: *импичмент*, *истэблишмент*, *консенсус*, *менеджмент*, *нонконформизм*, *панк*, *свинг*, *фифти-фифти*, *фломастер*, *акселерация*, *сериал*, *дисплей*, *сингл*, *диск-жокей*, *хит-парад*, *аэробика*, *виндсерфинг*, *виндсерфер*, *скейтборд*, *спарринг-партнер*, *рок-группа*, а также кальки: *банк данных*, *белые воротнички*, *пакет предложений*, *сверхдержава* и пр.

2. ТРАЕКТОРИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Нередко лингвистические единицы попадают в язык-реципиент из языка происхождения непрямым путем через другой или другие языки. Это положение справедливо и в отношении англицизмов в русском языке. Английский язык содержит большое количество иностранных слов, в связи с чем англицизмы являются этимологически гетерогенными системами в языках-реципиентах. Важно учитывать этот факт, а также траекторию заимствования при определении языка происхождения и языка-донора. Роль английского посредничества прослеживается в словах *аллигатор*, *альбатрос*, *бунгало*, *вигвам*, *джунгли*, *каноэ*, *кафе*, *мокасины* и т.д., траектории которых приведены ниже:

испанский *el lagarto*	→	английский *alligator*	→	русский *аллигатор*
испанский *alcatruz*	→	английский *albatross*	→	русский *альбатрос*

[1] В 60-70-е годы многие слова вернулись в спортивную терминологию и в настоящее время употребляются наряду с русскими синонимами. Отдельные слова в русскую спортивную терминологию не вернулись, отчасти в связи с тем, что они вышли из употребления в английском языке.

бенгальский *bangalah*	→	английский *bungallow*	→	русский *бунгало*
алгонкинский *mikiwam*	→	английский *wigwam*	→	русский *вигвам*
гаитянский *canoa*	→	английский *canoe*	→	русский *каноэ*
алгонский *makasin*	→	английский *moccasin*	→	русский *мокасины*
санскрит *jangala*	→ хинди → *jangal*	английский *jungle*	→	русский *джунгли*

Приведенные траектории английских заимствований имеют упрощенный вид, достаточный для наших целей. В реальности они имеют более сложный характер, так как на каждом отрезке пути слово имеет свои особенности развития, взаимодействия с окружающими лексемами, длительностью нахождения в лексическом пуле той или иной национальной или социальной группы языкового общества. Каждый отрезок и каждая точка траектории движения слова представляют собой момент, соединяющий воедино массовое и единичное, стихийное и рациональное. Это целая эпоха словотворчества, отражающая богатство взаимодействия языков и культур.

3. ПРИРОДА И ФОРМЫ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Лингвистический материал, подвергшийся заимствованию, может иметь различную природу: звуки, буквы, фонетические правила, слова, морфологические единицы, стилистические элементы, междометия и т.д. Как и любые другие иностранные слова, английские заимствования входят в русский язык как в форме собственно заимствований, так и в форме ка́лек или полукалек. Последние приобретают большое значение в периоды ингибирования заимствования, а также в связи с переводческой активностью. Лингвистическая значимость ка́лек заключается в обогащении ими словарного запаса слов без внедрения иностранной оболочки, а также в сближении образов мышления двух народов и их восприятия языковой картины мира.

Мы приводим наиболее известные английские заимствования, в том числе фразеологические, см. Приложение в конце статьи.

Являясь особой формой заимствования, калькирование вносит свой вклад в обогащение словарного запаса языка. В русском языке калькирование известно с глубокой древности. Уже первые восточнославянские памятники письменности содержат большое количество лексических единиц, калькирующих греческие слова [Вялкина 1964]. Калькирование английских слов имеет как словообразовательный характер, так и семантический без включения словообразовательного процесса. Так, например полукальки *экстраток* является переводом английского слова *extracurrent*, первая часть которого перевода не требует; переводится только вторая часть. Аналогичный характер имеют слова *супердержава*, *термоядерный*. Примерами словообразовательных калек, представляющими собой поморфемный перевод соответствующих английских слов, являются слова *краснокожий*, *небоскреб*, *пережиток*, *полураспад*, *рабовладение* и т.д. В Приложении 1 также приводятся примеры семантических калек, передающих новое значение без создания морфофонемных новообразований. К таким словам относятся, например, слова *белый* (о расе), *конек*, *третичный*, *ядро* и т.д.

Особой формой калькирования является фразеологическое калькирование.

Согласно В.Н. Телии фразеологический фонд русского языка активно пополняется за счет заимствований из других языков, в частности, из английского языка, среди

которых автор называет такие фразеологизмы, как *мозговой штурм, утечка мозгов, эскалация войны* [Телия 1996: 77]. Фразеологические кальки являются отражением органического соединения моментов заимствования, оригинального словотворчества и лексической передачи национальных концептов. Так, например, фразеологическая калька *держать порох сухим* является переводом английского выражения *to keep one's powder dry* и означает "быть бдительным, готовым к защите и обороне". Существует мнение, что выражение принадлежит Оливеру Кромвелю, который использовал его в своей речи перед войском накануне сражения при Данбаре. Компактность и образность выражения вызвали к нему интерес со стороны многих языков.

Другим примером фразеологической кальки с английского лексического материала является перифраза *четвертая власть*. Оригиналом является выражение *the fourth estate*, автором которого является Г. Филдинг: "None of our political writers... take notice of any more than three estates, namely Kings, Lords, and Commons... passing by in silence that very large and powerful body which form *the fourth estate* in this community" (цитируется по [OED 1994]). В русском языке это выражение появилось в XVIII в. в форме *четвертое сословие* и использовалось применительно к литературе, в частности журналистике. В XIX в. калька переосмысляется и приобретает форму *шестая держава* для обозначения прессы. Фраза подчеркивает могущество и независимость прессы, ставя ее в один ряд с пятью великими державами, каковыми в то время являлись Россия, Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия. Среди других вариантов следует назвать английское выражение *the fifth estate*, употребляющееся применительно к радио, и *седьмая держава*, подразумевающее царскую цензуру; автором последнего является М.Е. Салтыков-Щедрин. В XX в. выражение приблизилось к английскому оригиналу с появлением новой формы – *четвертая власть*.

Словотворческое калькирование лежит также в основе выражения *сто тысяч почему*, переведенного С.Я. Маршаком с английского оригинала *seven million Whys*. Несмотря на формальную неточность перевода, фразеологизм точно передает смысл английского выражения из стихотворения Р. Киплинга "Шесть слуг".

Иногда фразеологизмы содержат вместо калек собственно заимствования; в качестве примера можно привести фразеологическое сочетание *семь футов под килем!*, означающее пожелание доброго пути судну или уходящему в море человеку; оно основано на двух ключевых заимствованиях: английском слове *foot* – "нога, ступня" и голландском слове *kiel* – *киль*. Слово *фут* используется в русском языке, в частности в морской терминологии, в значении линейной меры длины, равной 12 дюймам или 1/3 ярда. Значение выражения связано с поверьем, бытовавшим среди моряков, о 6-футовой глубине под килем, безопасной в условиях мелководья. Появление магического числа *семь* вместо *шесть*, вероятно, объясняется желанием усилить пожелание.

Серьезные политические, экономические, социальные и культурные потрясения, произошедшие в нашей стране в период перестройки, незамедлительно нашли свое отражение в языке. С точки зрения лингвистического заимствования характеристикой современного этапа развития русского языка является его бóльшая открытость к иностранным словам. По мнению Л.П. Крысина [Крысин 1996: 142], одним из наиболее социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи, является процесс активизации употребления иноязычных слов, а также расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии. Многие англицизмы, употреблявшиеся в узкой терминологической области, стали переходить в стандартный русский язык, расширяя при этом свои семантические возможности.

Усиливается также заимствование вследствие бóльшей экономичности по сравнению с коренными или калькированными описательными выражениями. Примерами таких пар являются: *сейф – несгораемый шкаф; снайпер – меткий стрелок; спичрайтер – составитель текстов речей; шоп-тур – поездка за границу с целью закупок; хайджакер – угонщик самолета; овертайм – добавочное время; презентация – официальное представление; шотлист – список финалистов*.

Интересным и характерным моментом заимствования на современном этапе является выход на первое место по объему англицизмов семантических групп, связанных с компьютерной техникой, бизнесом, экономикой и менеджментом. Ранее наиболее многочисленной являлась семантическая группа, включающая научно-техническую лексику. Характерной особенностью современного периода также является движение в сторону умеренного заимствования. Это относится к словам, заимствованным не по необходимости, а вследствие лингвистической мимикрии. Процесс модерации, т.е. движения в сторону умеренного и сбалансированного заимствования, представляется естественным процессом саморегуляции языка, при котором на определенном этапе переходного периода проявляется переосмысление необходимости полной замены русских слов английскими заимствованиями.

Анализ языка современной литературы, а также средств массовой информации позволяет нам суммировать особенности современного этапа развития русского языка с точки зрения заимствований из английского языка следующим образом:

1) английский язык становится доминирующим языком-донором;
2) происходит активизация использования более ранних заимствований;
3) наблюдается реинтерпретация старых заимствований в направлении нейтрализации их отрицательной коннотации; в отдельных случаях процесс не останавливается на нейтральной отметке, а сдвигается в сторону положительной, иногда неоправданно положительной, коннотации;
4) происходит семантическое освоение экзотизмов с целью их бóльшей интеграции;
5) осуществляется переориентация заимствований моносемантического плана терминологического корпуса в полисемантические слова стандартного языка;
6) приобретает особое значение заимствование английских слов по причине их большей экономичности и рациональности по сравнению с русскими описательными синонимами;
7) выходят на первое место по количественному составу семантические группы, включающие компьютерную лексику, а также лексику, связанную с бизнесом, экономикой и менеджментом;
8) активизируется процесс ассимиляции заимствований посредством СМИ в связи с интенсификацией контактов с зарубежными странами;
9) наблюдается начальная стадия модерации процесса заимствования, в основе которой лежат психологические особенности переходного периода.

4. ДИНАМИКА НАКОПЛЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКИХ СЛОВАРЯХ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

С целью проведения количественной оценки уровня английских заимствований нами был проведен сравнительный анализ следующих словарей иностранных слов XX в.: [Бодуэн-де-Куртенэ 1911; Петров 1941; Васюкова 1999; Комлев 2000; Крысин 2000]. В таблицах 1–6 приведена информация о качественном и количественном составе вышеуказанных словарей. Таблицы показывают стабильный рост доли английских заимствований в русском языке в течение всего XX в.: процентное содержание англицизмов в словарях иностранных слов возросло от 2,57% (И.А. Бодуэн-де-Куртенэ) до 25% (Н.Г. Комлев). Промежуточное положение занимают словари под ред. Ф.Н. Петрова (6,3%) и И.А. Васюковой (7,8%). Наиболее точное представление об уровне англицизмов в русском языке дают, по нашему мнению, словари Л.П. Крысина (9,16%), а также "Новейший словарь иностранных слов и выражений" [НСИСВ 2001] (10%). Необходимо заметить, что эти данные дают лишь относительную характеристику картины заимствования из английского языка ввиду выбора анализируемого материала. Выбор словарей диктовался необходимостью выявить уровень заимствования из источников, наиболее приближенных к реальной ситуации вследствие своей большей гибкости.

Таблица 1

Словарь иностранных слов И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, 1911 г.

Заимствованные слова	Кол-во слов	%
Греческие слова	4829	30,21%
Латинские слова	4624	28,93%
Французские слова	2734	17,10%
Тюркские слова	267	1,67%
Английские слова	411	2,57%
Немецкие слова	1359	8,50%
Прочие	1760	11,01%
Всего иностранных слов	15984	100%

Таблица 2

Словарь иностранных слов под редакцией Ф.Н. Петрова, 1941 г.

Заимствованные слова	Кол-во слов	%
Греческие слова	4401	30,33%
Латинские слова	4097	28,24%
Французские слова	2258	15,56%
Тюркские слова	100	0,69%
Английские слова	669	4,61%
Немецкие слова	918	6,33%
Прочие	2066	14,24%
Всего иностранных слов	14509	100%

Таблица 3

Словарь иностранных слов И.А. Васюковой, 1999 г.

Заимствованные слова	Кол-во слов	%
Английские слова	479	7,8%
Прочие	5661	92,2%
Всего иностранных слов	6140	100%

Таблица 4

Словарь иностранных слов Н.Г. Комлева, 2000 г.

Заимствованные слова	Кол-во слов	%
Английские слова	1125	25%
Прочие	3375	75%
Всего иностранных слов	4500	100%

Интересно отметить, что тенденция к стабильному росту англицизмов в русском языке отражалась и в словарях XIX в., в частности в Словаре иностранных слов А.Д. Михельсона [Михельсон 1866]. Однако в XX в. уровень заимствования англицизмов вырос в 5–8 раз. Анализ словаря Л.П. Крысина по буквам русского алфавита показывает (см. табл. 5), что наибольшее количество слов приходится на буквы С, К, Б, П, Т, а наименьшее – на буквы Е, З, Ю, Ж, Ц. Сравнение уровней англицизмов в русском языке и русизмов в английском языке приводится в конце статьи.

5. АССИМИЛЯЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Судьба английских слов в системе русского языка неодинакова, что предопределяется их способностью к ассимиляции в новой лингвистической ситуации с целью более гармоничного интегрирования в систему реципиента. Эволюция заимствований в новой языковой системе проходит в соответствии с законами русского языка на фонетическом, графическом, грамматическом, семантическом и стилистическом уровнях.

Фонетическое и графическое осмысление имеют первостепенное значение для успеха дальнейшей ассимиляции с целью потери заимствованным словом своего первоначального иноязычного облика. Звуковое освоение английских слов протекает по направлениям, свойственным ассимиляции любых иноязычных слов в русском языке: аканье при произношении звука [о] в первом предударном слоге (*фонограф*), оглушение звонких согласных на конце слов (*смог, гид, дог*), смягчение согласных перед буквой "е" (*леди, фермер, трест, телефон, сервис*), замена иностранных звуков, отсутствующих в русском языке, на фонетически близкие звуки русского языка. Последнее можно иллюстрировать английским звуком [dʒ], который в результате ассимиляции заменяется фонетически и графически на сочетание [дж] (*джин, джаз, джип*). Однако в словах типа *менеджер* имеет место заимствование английского звука [dʒ], графически оформленного в виде сочетания [дж]. Английские слова заимствуются с ударением языка-донора, однако при ассимиляции их ударение может сохраниться или измениться в соответствии с особенностями реципиента. Примерами слов, сохранивших свое первоначальное ударение, являются слова *ресивер, рекордер, резистор*. К англицизмам, изменившим ударение, относятся слова *респондент, релевантный*; к этому же ряду относятся слова *репортер* и *рекордсмен*, которые в словаре [Бодуэн-де-Куртенэ 1911] еще имеют формы *репо́ртеръ* и *реко́рдсманъ* соответственно. Интересно отметить акцентологическое влияние английского языка на освоение новых заимствований в русском языке. Эта роль в XIX–XX вв. принадлежала французскому языку и заключалась в приобретении новыми заимствованиями ударения на последнем слоге. С учетом постепенного утверждения английского языка доминирующим донором лингвистических единиц с конца XX в. наблюдается тенденция к англизации ударения, в том числе в заимствованиях из французского языка (*пла́нер*).

Особенности графической передачи английских заимствований в русском языке определяются различием между письменными системами языка-донора и языка-реципиента. Несмотря на использование разных алфавитов, ассимиляция английских заимствований проходила довольно гладко, так как в течение столетий русским языком уже было освоено много французских, латинских, греческих, немецких и других западноевропейских заимствований. Некоторые английские заимствования в русском языке являются заимствованиями из вышеназванных, а также других языков, но не напрямую, а через английский язык, который выступал в виде языка-посредника.

Графическое освоение английских заимствований проходит в два этапа: 1) передача латинского написания слова кириллицей; 2) изменение правописания в соответствии с новым лингвистическим окружением. Если первый этап присущ только языкам с разными системами письменности, то второй этап наблюдается во всех языках при

заимствовании лингвистических единиц. Ранее [Володарская 2001б] это положение демонстрировалось на примере французского слова *habile*, попавшего в английский язык в Средние века и сменившего около 15 форм написания до установления его современной формы написания – *able*. Вариативность форм английских заимствований проявляется прежде всего в их графическом облике: *сканнер – сканер, леггинсы – леггенсы – легинсы – легенсы; киднеппинг – киднэппинг – киднепинг*. Анализ словарей XX в. демонстрирует изменения, произошедшие в словах *леди* (первоначально *лэди*), *чемпионат (гампиенант, чэмпиеонат, чемимонат), чемпион (чэмпион), бренди (бранди), тред-юнион (трэд-юниони), трест (трэст)* и т.д. Язык находится в состоянии постоянного изменения. На лексическом уровне иностранные слова представляют собой наиболее подверженную изменениям часть вокабуляра. В качестве примеров правописательной ассимиляции английских заимствований в русском языке следует привести также нижеследующие слова и их промежуточные формы *воксал – вокзал; фашионабль – фешенебль – фешенебельный; факторея – фактория; сандвич – сэндвич; римейк – ремейк; трам – трамвэ – трамвай*.

При переходе от словаря Бодуэна-де-Куртенэ к словарям Л.П. Крысина и Н.Г. Комлева наблюдаются изменения в написании, а также в местоположении ударения отдельных слов, что демонстрирует этапы их ассимиляции с целью интеграции английских слов с системой русского языка. Полная информация об эволюции английских слов в русском языке, отраженная в словарях иностранных слов, приведена в монографии [Володарская, в печ., "а"].

Вопросы ассимиляции тесно связаны с переводческими трансформациями при передаче информации из одного языка в другой. В арсенале переводческих приемов важное значение имеют транскрипция и транслитерация. Первая подразумевает воспроизведение звучания слова оригинала, а вторая – передачу его графической формы. История английских слов в русском языке прошла этапы от приема транслитерации к транскрипции. Так, например, транслитерированные имена *Шакеспеаре* и *Невтон* в настоящее время используются в транскрибированных формах *Шекспир* и *Ньютон*, причем последнее изменило ударение – с последнего слога (по аналогии с французским) на первый слог (английское ударение). Отсутствующие в русском языке звуки [ð] и [θ] воспроизводятся при транскрипции как [д] и [з] в первом случае, и как [т] или [с] – во втором. Английский звук [w] транскрибируется русским звуком [у]. Несмотря на то, что в современной переводческой практике преобладает транскрипция, существует непоследовательность и ряд сложностей, связанных с передачей английских слов путем транслитерации. Это положение иллюстрируется существованием разных форм одного и того же слова: *Чарльз – Карл, Вильям – Уильям, Джеймс – Яков* и т.д. (см. [Комиссаров 2001: 160].

Особенности грамматического строя русского языка определяют направление грамматических изменений, происходящих с английскими заимствованиями. Грамматическая ассимиляция английских слов связана с категориями рода, числа, в также со склонением существительных и прилагательных и спряжением глаголов. Как правило, слова приобретают грамматические категории языка-реципиента вне зависимости от наличия или отсутствия их в языке-доноре и теряют свое прежнее грамматическое значение. При сравнении двух контактирующих языковых систем наименее серьезные расхождения между английскими заимствованиями в русском языке и их этимонами в английском языке наблюдаются в категории числа, наибольшие – в категории рода [Аристова 1978].

Примером морфологической ассимиляции служит переосмысление формы числа существительных как в случае заимствования слов *леггинсы* (leggins), *слаксы* (slucks), *слипс* (slips), *бимс* (beams), *рельс* (rails), которые приобрели форму множественного числа по правилам русского языка, несмотря на то, что они были заимствованы в форме множественного числа языка-донора. Другими примерами этого ряда являются слова *джинсы* (jeans), *бутсы* (boots), *сникерс* (snickers), *фолдерс* (folders), *памперсы* (pumpers), *баксы* (bucks) и др. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае

Буквы алфавита	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н
Английские слова	48	137	47	56	105	2	3	2	27	4	150	46	74	22
Французские слова	423	222	95	192	341	2	40	20	171	2	477	117	335	95
Немецкие слова	341	153	76	393	212	9	0	20	172	2	551	155	280	90
Латинские слова	184	51	99	54	66	1	0	3	71	1	150	51	91	37
Греческие слова	371	101	5	245	74	15	0	16	78	2	109	44	137	57
Польские слова	13	18	6	21	7	0	0	2	0	0	38	15	33	3
Тюркские слова	15	17	2	0	3	0	0	1	4	0	21	4	7	0
Нидерландские слова	8	38	6	21	7	0	0	6	0	0	35	18	8	6
Испанские слова	15	13	2	12	5	0	0	0	8	0	34	5	15	4
Итальянские слова	30	32	15	23	17	0	2	0	11	0	40	19	33	11
Прочие	47	42	23	19	38	2	1	5	25	2	90	30	63	17
Всего иностранных слов	1495	824	376	1036	875	31	46	75	567	13	1695	504	1076	342

супплетивных форм множественного числа существительных. Так, например, слово *спортсмен* имеет форму единственного числа в отличие от английского слова *sportsmen*, являющегося существительным множественного числа. Параллельное существование таких слов английского происхождения как *мичман* и *спортсмен* объясняется не категорией числа, а временными рамками их вхождения в русский язык. В отдельных случаях наблюдается противоположное явление. Так, например, слова *социолингвистика* (sociolinguistics), *психолингвистика* (psycholinguistics), *прагматика* (pragmatics), использующиеся в форме множественного числа, ассимилировались с системой русского языка в форме единственного числа. Подобные аналогии наблюдаются и в других языках. Так, например, термин *лингвистика* (linguistics), впервые появившийся во французском языке в 1826 г. и заимствованный в английский язык в 1837 г., употреблялся сначала без показателя множественного числа окончания *s*.

К разряду морфологической ассимиляции также относится процесс словосложения английских слов в момент их заимствования в русский язык большей частью устным путем. К этой группе лексикализированных заимствований относятся слова типа *вокзал* (Vauxhall), *футбол* (football), *трамвай* (tramway), в которых обе части сложного английского слова вошли в единое слово в русском языке; *бейдевинд* (by the wind), *делинт* (delint), в состав которых вошли существительное, предлог и (или) артикль; слова, полученные словосложением лексем коротких предложений – *асей* (I say), *рында* (ring the bell), *аврал* (over all), *полундра* (fall under!) и др.

Ассимиляция иностранных слов в русском языке прослеживается и в изменении их рода. Учитывая наличие категории рода существительных в отличие от системы английского языка, все неодушевленные существительные, за исключением существительных типа *ship*, при их заимствовании в русский язык приобретают средний род. Существительные с нулевым окончанием приобретают в русском языке мужской род: *рекорд, джем, рейд* и др.

В качестве примеров ассимиляции для сравнения можно привести французские заимствования, вошедшие в русский язык в мужском или женском роде, сменившиеся впоследствии средним родом в результате ассимиляции: *кашне, пальто, боа, контральто, рагу, шоссе* и др. Большинство английских заимствованных существительных склоняются по правилам русского языка, приобретая соответствующие

Таблица 5

иноязычных слов" Л.П. Крысина, 2000 г. (по буквам)

О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Э	Ю	Я	Всего иностр. слов	Всего иностр. слов (%)
21	123	96	191	106	7	64	37	3	16	35	34	2	8	1466	9,16%
71	464	235	294	191	23	185	9	17	1	55	218	0	0	4295	26,84%
124	431	176	189	161	17	235	44	73	0	144	215	17	2	4282	26,76%
40	158	125	182	68	26	84	1	43	0	0	58	8	2	1654	10,34%
96	284	25	216	199	12	87	77	7	0	0	157	0	2	2416	15,10%
3	24	15	3	10	1	10	7	7	1	34	0	0	2	273	1,71%
1	1	1	7	16	3	15	1	0	12	4	1	1	4	141	0,88%
2	13	16	10	11	2	11	0	0	0	25	2	3	0	248	1,55%
0	17	5	18	7	0	6	7	0	2	1	4	0	0	180	1,12%
9	28	9	47	22	2	21	0	3	7	2	0	0	0	383	2,39%
7	57	19	25	13	6	43	30	8	10	26	9	2	4	663	4,14%
374	1600	722	1182	804	99	761	213	161	49	326	698	33	24	16001	100%

падежные окончания. Небольшая часть несклоняемых существительных отражает развитие и место элементов аналитизма в синтетической системе русского языка. Эта категория существительных в большей степени образует группу экзотизмов ввиду невозможности образования ими синтетических связей в форме падежных окончаний, свойственных русскому языку.

Отдельные слова, употребляющиеся в разных родовых формах, демонстрируют продолжающийся процесс ассимиляции. Так, например, слово *виски* до недавнего времени имело мужской род, в настоящее время считающийся нестандартным вариантом употребления. Употребление среднего рода слова *виски* в настоящее время считается стандартным.

Смену рода заимствованных существительных в русском языке можно сравнить с ассимиляционными процессами в древнеанглийском языке, который, в отличие от современного английского языка, имел категорию рода. Изучая древнеанглийский язык, Вельна [Welna 1980] приводит анализ 516 заимствований, 31% которых демонстрируют смену рода; из 144 латинских заимствований 59 слов женского рода и 42 слова среднего рода перешли в системе древнеанглийского языка в мужской род *а*-склонения. Проблема смены рода известна также в процессе ассимиляции английских заимствований в современном немецком языке. По мнению Погатчера [Pogatscher 1988], сущность смены рода неоднозначна, в основе ее лежат различные причины, включая психологические.

Участие заимствованной лексемы в словопроизводстве в системе языка-реципиента является признаком наиболее успешной ассимиляции. Например, английский суффикс, имеющий форму *-абель-*, в русском языке показывает положительную продуктивность, начало которой положило слово *некоммуникабельность* и по аналогии с которым появились слова *читабельный, смотрибельный* и др. Процесс деривации можно также наблюдать в случае таких интегрированных слов, как *парк, митинг, лидер, стресс, шок* и др. Дериватами слова *парк* являются *парковать, парковка; митинг – митинговать, митинговщина; лидер – лидировать, лидерство; стресс – стрессовый; шок – шокировать, шоковый.*

Ассимиляция заимствованных слов часто ведет к появлению однокоренных дублетов, обладающих абсолютным функциональным тождеством в данной временной точке. Так, например, в русском языке XVIII в. существовали дублеты: *музык – музыкус – музыкант; азард – азарт – газард; гувернанта – гувернантка; букет – пукет; журнал – юрнал; интриган – интригант* [Василевская 1966].

Конкурентная борьба за место в языке реципиента, как правило, приводит к выживанию одной формы заимствования. При сохранении двух и более форм наблюдается размежевание их значений, т.е. наблюдаются семантические изменения в связи с заимствованием. Так, например, вследствие семантического сужения английское слово *нотис* известно в русском языке исключительно в значении "письменное уведомление, даваемое капитаном фрахтовател". Специализацию значений в процессе семантической ассимиляции можно продемонстрировать на примере установившихся в процессе ассимиляции значений русских производных одного и того же английского слова *liner*:

Liner → *Лайнер* – "лайнер, пассажирское судно, пассажирский самолет"

Liner → *Лейнер* – "канал ствола орудия в виде тонкостенной стальной трубы с винтовыми внутренними нарезами"

Семантическая специализация происходит также при взаимодействии новых заимствований с устоявшимися заимствованиями более раннего периода, а также с коренными словами языка-реципиента. В участках наложения семантических полей происхоит конкурентная борьба, приводящая к специализации конкурирующих слов. Процесс имеет большое лингвистическое значение, так как приводит к обогащению синонимического пула языка-реципиента. Так, например, английское слово *апартеид*, имеющее значение "расовая дискриминация", претерпело в системе русского языка семантическое сужение с одновременной специализацией и употребляется для обозначения политики насильственного разделения населения (в ЮАР) на основе расовой дискриминации. Чаще всего коренное слово или более раннее заимствование сохраняет более общее значение и оставляет более узкое новому заимствованию. Примерами таких синонимических пар являются: *эскалация – интенсификация, усиление; обслуживание – сервис; стюардесса – бортпроводница; плеер – магнитофон; эксклюзивный – исключительный*. В отдельных случаях наблюдается процесс вытеснения старого заимствования новым без признаков специализации их значений. Так, английское слово *прайс-лист* все чаще заменяет немецкое заимствование *прейскурант* в том же значении, а слово *мейкап* – французское слово *макияж*. Дальнейшее развитие взаимоотношений между словами, входящими в эти синонимические пары, может пойти как по пути полного вытеснения одного из них из употребления, так и по пути их семантической специализации.

Процесс ассимиляции новых слов имеет важный социолингвистический аспект, связанный с особенностями освоения иноязычной лексики различными социальными группами носителей языка. В результате тестового анализа [Какорина 2000] было показано, что скорость освоения заимствований в различных социальных группах языкового коллектива неодинакова. Степень освоения слов из разных тематических областей также имеет разноуровневый характер в связи с различиями в культурно-языковой компетенции информантов. Путь к адекватному пониманию нового слова в большинстве случаев лежит через незнание – ложное понимание – неточное понимание его; исследования этих этапов эволюции понимания имеют важное лингвистическое и социолингвистическое значение для установления механизма ассимиляции заимствований, появления их дублетов, а также форм, являющихся следствием включения в процесс народной этимологии.

С конца 90-х гг. XX в. особый интерес приобретает изучение русского языка

эмигрантов, проживающих за рубежом, в том числе в англоязычных странах. Формы развития русского языка под влиянием иностранного и, в частности, английского языка в метрополии и в диаспоре серьезно различаются. Прежде всего сложнее происходит фонетическая ассимиляция англицизмов, так как она происходит в условиях английского окружения. Из результатов анализа, сделанного Е.А. Земской [Земская 2001б], вытекает, что основной формой заимствования в условиях Зарубежья является калькирование, увеличение числа несклоняемых существительных за счет заимствований, а также выраженный процесс гибридного словообразования (*фудстэмщик, фрэнтка, биллать, юзать, шопиться* и т.д.).

6. ПУРИЗМ И АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Интенсификация процесса заимствования, как правило, вызывает противодействие пуристических кругов с целью сохранения самобытности родного языка. В отдельных случаях процессу способствуют экстралингвистические условия, в которых развивается язык. Отношение к заимствованию у разных языков различно. Иногда разные периоды развития языка отличаются различной степенью открытости к иностранным языкам. Так, например, японский язык относится к языкам, сильно изменившим свое неприятие иноязычного влияния в сторону, благоприятствующую ему [Loveday 1966]. Диаметрально противоположным примером является венгерский язык, который изменил свой курс от большей открытости к активному отторжению иностранных слов. Примером эффективности пуристического движения на современном этапе может служить успешность замены англицизмов соответствующими коренными словами в словенском языке, который долгое время испытывал серьезное влияние со стороны немецкого и сербскохорватского языков, а в настоящее время – английского языка. Среди словенских калек, полностью заменивших англицизмы вследствие пуристических рекомендаций, Х. Пфандль называет *košarka* (basketball), *odbojka* (volleyball), *rokomet* (handball), *uvoz-izvoz* (import-eksport), *strežnic* (server), *računalnik* (computer/kompjuter) и др. [Pfandl 2001 : 692].

Учитывая исторические факты исчезновения отдельных языков вследствие тесного переплетения лингвистических и экстралингвистических причин, вполне можно понять обеспокоенность пуристов. Однако не во всех языках и не все рекомендации пуристов оправдывают их ожидания и приводят к вытеснению иностранных слов. Причиной, лежащей в основе отрицательного результата пуристической активности, является реальная лингвистическая и экстралингвистическая ситуация, в которой происходит языковой контакт. В ряду известных последствий языковых контактов, расположенных по линии возрастания, заимствование занимает начальное положение:

заимствование → кодовое переключение → конвергенция → пиджинизация →
→ креолизация → смешение языков.

Заимствование является наиболее часто встречающимся явлением, появляющимся в результате контактов между языками; все остальные точки представленной схемы требуют особых экстралингвистических условий.

Так, например, в условиях функционирования русского языка как государственного его контакты с другими языками приводят к заимствованию лингвистических единиц, явлению, универсальному для всех языков. Более серьезные последствия, небезопасные для языка, наблюдаются в условиях Зарубежья, когда функционирование русского языка происходит под сильным влиянием иноязычного окружения. В отдельных случаях приходится говорить о пиджинизации [Polinsky 1998] или креолизации [Ярцева 1990] русского языка у эмигрантов.

В условиях иноязычного окружения происходит атрофия некоторых функций языка. Так, исследования Е.А. Земской показывают, что в среде русской эмиграции русский язык используется преимущественно в устной форме, в связи с чем происходит угасание его письменной формы [Земская 2001а]. Обсуждая функции языка в иноязычном обществе, В.М. Алпатов [Алпатов 2000] отмечает некоторое сужение

функций языков народов бывшего СССР, проявлявшееся на фоне довольно благополучного двуязычия советского периода.

Уровень заимствования в английском языке достигает 70% [ЛЭС 1990 : 33], в русском языке 10% [Брейтер 1997 : 12]. Сравнительный анализ истории развития английского и русского языков дает информацию о более благоприятных экстралингвистических условиях лингвистического заимствования иностранных слов в английский язык. По уровню заимствования в сравнении с другими языками русский язык относится к языкам с умеренной открытостью к влиянию извне. Рекомендации представителей пуристического движения, известных литераторов, критиков, лингвистов, политиков, общественных деятелей, как правило, сводятся к возрождению архаических лексем, к активизации использования коренных морфем в словообразовании, а также к использованию ка́лек вместо собственно заимствований. Критикуя использование иностранных слов вместо коренных, пуристы часто рекомендуют другие иностранные слова, что представляется непоследовательным, однако неизбежным. Сравнительно недавним примером является попытка заменить слово *ваучер*, получившее в русском языке отрицательную коннотацию вследствие экстралингвистических причин, на другое иностранное слово – *чек*. Заимствование является важным способом обогащения словарного запаса языка, что при условии сохранения коммуникативности и функционально-стилистических ограничений определяет его целесообразность.

Сохранение самобытности родного языка представляется результатом не ограничения заимствования, а силы механизма саморегуляции языка, проявляющейся в данном конкретном случае в трансформации заимствований с потерей их иностранного облика. Степень его совершенства зависит как от внутренних лингвистических, так и от внешних, экстралингвистических, причин. Налиие в русском языке значительного количества слов иностранного происхождения, потерявших иностранную форму, свидетельствует в пользу совершенства этого механизма, отлаженного в течение веков.

II. РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Русский и английский языки представляют разные ветви одной и той же индоевропейской семьи языков. Это подтверждается существованием в них довольно большого количества слов общего происхождения. Одним из серьезных последствий взаимодействия культур является заимствование лингвистических единиц. Взаимодействие языков может иметь место при непосредственном контакте народов, представляя собой как односторонний, так и двусторонний процесс обогащения языковым материалом. Контакты между языками могут происходить и без непосредственного контакта народов, представляя важную часть опосредованных контактов культур. Последнее справедливо в отношении взаимодействия русского и английского языков.

Процесс заимствования представляет особый интерес с точки зрения обогащения лингвистического запаса языка-реципиента наряду с внуренними возможностями: словосложением, аффиксацией, изменением значений существующих слов.

С целью интеграции в систему реципиента заимствованные слова или в целом лингвистический материал претерпевают изменения в соответствии с его фонетическим, морфологическим, грамматическим строем.

Настоящая работа является частью исследования процесса взаимопроникновения лингвистических единиц при взаимодействии русского и английского языков и посвящена анализу русских заимствований в английский язык по данным, представленным в Оксфордском словаре английского языка (второе издание) [OED 1994].

Согласно результатам количественного и качественного анализа, Оксфордский словарь, являющийся наиболее полным словарем английского языка, содержит 100 слов-когнатов, т.е. слов общего индоевропейского корня, присутствующих как в русском, так и в английском языках, и 499 собственно русских заимствований. Целью работы было проведение сравнительного количественного анализа слов

общего происхождения, известных с древнейших времен, и русских заимствований с XIV до конца XX вв.

Среди слов общего происхождения помимо слов общего индоевропейского корня обнаруживаются такие, которые, по словам Б. Странг, заимствованы у русских славян готами и распространены в языках других германских народов. Одним из таких слов является славянское слово *chleb*, заимствованное в готский язык в форме *hlaifs*, которое впоследствии обнаруживается в древнеанглийском языке в слове *hlāf* [Strang 1974 : 416]. Нынешняя форма слова в английском языке, *loaf*, имеет значение 'буханка, каравай, булка', *the loaf* – 'хлеб'.

История русских заимствований в английском языке отражает историю торговых и политических отношений России и Англии. В связи с ростом могущества российского государства в XVI–XVII вв. укрепляются его позиции в международном масштабе, разворачивается оживленная торговля с иностранными государствами, в том числе с Англией, повышается интерес к России и россиянам [Брагина 1981].

Именно в этот период появляются первые лингвистические работы по русскому языку, написанные иностранцами. Первый зарубежный двуязычный словарь (французско-русский) "Парижский словарь московитов" появился в 1586 г. Вслед за ним в Англии в 1618 г. появился русско-английский словарь Ричарда Джеймса под названием "Записная книжка". В 1682 г. в Англии вышла "Краткая история Московии" Дж. Мильтона. В 1696 г. в Оксфорде вышла "Русская грамматика" Генриха Лудольфа [Strang 1974], что явилось заметным событием в английском языкознании того периода. Вопросы заимствования русских слов в английский язык и их классификация обсуждались рядом советских авторов [Секирин 1964].

Качественный анализ русских заимствований, включенных в [OED 1994], сводится к выделению ряда семантических групп (см. табл. 6; подробнее см. [Володарская, в печ., "б"]). О количественном распределении русских заимствованных слов по буквам английского алфавита см. в табл. 7.

Таблица 6

Семантические группы русских заимствований, включенных в Оксфордский словарь, 1994 г.

№№ пп.	Семантические группы	Кол-во слов	%
1.	Историческая лексика	105	21,04
2.	Научно-техническая лексика	95	19,04
3.	Бытовая лексика	74	14,83
4.	Биогеографическая лексика	58	11,62
5.	Общественно-политическая лексика	57	11,42
6.	Народы и языки	50	10.02
7.	Лексика, связанная с искусством	22	4,41
8.	Религиозная лексика	19	3,81
9.	Армейская лексика	9	1.80
10.	Жаргонная лексика	4	0,80
11.	Профессиональная лексика	4	0,80
12.	Междометия	2	0,40
	Всего	499	100%

Таблица 7

Распределение русских заимствований в Оксфордском словаре 1994 г. по буквам английского алфавита

Буквы	Кол-во слов	%	Буквы	Кол-во слов	%
S	89	17,8	A	14	2,8
K	47	9,4	L	14	2,8
P	45	9,0	I	12	2,4
T	41	8,2	Z	11	2,2
C	33	6,6	U	10	2,0
B	28	5,6	G	7	1,4
R	28	5,6	H	7	1,4
M	27	5,4	Y	6	1,2
O	20	4,0	J	4	0,8
V	19	3,8	F	3	0,6
N	17	3,4	E	1	0,2
D	15	3,0	W	1	0,2

В группу исторических заимствований включены слова дореволюционного, революционного и советского периода: *arsheen* (аршин), *czar* (царь), *desyatin* (десятина), *yer* (ер), *knez* (князь), *okhrana* (охрана), *kulak* (кулак), *bolshevik* (большевик), *bucharinism* (бухаринизм), *commissar* (комиссар), *politbureau* (политбюро), *sovnarhoz* (совнархоз) и др.

Научно-техническая лексика широко представлена названиями минералов, терминами из области химии, физики, математики, биологии, медицины, космических наук, лингвистики: *Achtaragdite* (ахтарагдит), *Ferganite* (ферганит), *hydro-* (гидро-), *Kurchatovium* (курчатовий), *jarovization* (яровизация), *vernalisation* (вернализация), *Markov* (Марков), *Mendelevium* (менделевий), *lunik* (луник), *lunokhod* (луноход), *marsokhod* (марсоход), *planetokhod* (планетоход), *sputnik* (спутник), *ethnonym* (этноним), *folkloristics* (фольклористика).

Бытовая лексика демонстрирует самобытность уклада русской жизни: *babushka* (бабушка), *blin* (блин), *chark* (чарка), *kovsh* (ковш), *zakuska* (закуска), *pirog* (пирог), *kasha* (каша), *kissel* (кисель), *rouble* (рубль), *samovar* (самовар), *shapka* (шапка), *sarafan* (сарафан), *isba* (изба), *vodka* (водка) и т.д. Слова этой группы встречаются как при описании русской жизни, так и во внерусском контексте, например, слова *vodka*, *Stolichnaya*, *Pavlova* широко используются в англоязычных странах для обозначения известного напитка и блюда. Последнее объясняется газетой "Guardian" (18 April 1964) следующим образом: "A Pavlova... is a meringue basket so called because it spreads out like the skirts of a ballerina".

Биогеографическая лексика представлена словами, обозначающими растения, животных, природные явления и зоны: *badiaga* (бадяга), *zubr* (зубр), *tur* (тур), *sable* (соболь), *suslik* (суслик), *siskin* (чижик), *beluga* (белуга), *omul* (омуль), *buran* (буран), *purga* (пурга), *steppe* (степь), *podzol* (подзол), *sierozem* (серозем), *solonchak* (солончак) и т.д.

Общественно-политическая лексика составлена из слов, обозначающих общественно-политическое устройство России на современном этапе: *perestroika* (перестройка), *glasnost* (гласность), *intelligentsia* (интеллигенция), *Russianness* (русский дух), *shefstvo* (шефство), *Duma* (Дума), *Uprava* (управа), *tchin* (чин), *apparat* (аппарат), *apparatchik* (аппаратчик), *chinovnik* (чиновник),

subbotnik (субботник), *saturdaying* (субботник), *starosta* (староста), *tolkach* (толкач) и др. Общественно-политическая лексика советского периода отнесена в группу "Историческая лексика".

Лексика, представленная в шестой группе, составлена из 50 названий языков и народов России и стран бывшего Советского Союза, например: *Belorussian* (белорусский), *White Russian* (белорусский), *Malo-Russian* (украинский), *Kalmuck* (калмыкский), *Lesghian* (лезгинский), *Tsigane* (цыгане).

Лексика, связанная с искусством, включает в себя как слова исконно русского значения: *balalaika* (балалайка), *bylina* (былина), *gusli* (гусли), *skaz* (сказ), *prisiadka* (присядка), так и слова, ставшие частью мировой культуры: *Tchaikovskian* (относящийся к Чайковскому), *Rachmaninovian* (относящийся к Рахманинову), *Rayonnism* (лучизм: направление в живописи), *Acmeism* (акмеизм).

Малочисленные группы – армейская лексика, жаргонная лексика и междометия – представлены такими известными словами как *Kalashnikov* (Калашников), *Katyusha* (Катюша), *Stavka* (ставка), *hurray* (ура), *feldsher* (фельдшер), менее известными, но представляющими лингвистический интерес, жаргонными словами: *droog* (друг, член банды), *sheeny* (жид), *tsatske* (цацка).

Сравнительный анализ русских заимствований и слов общего происхождения показал соотношения когнат / некогнат – 16,3 / 83,7, т.е. общее количество русских заимствований превысило количество слов общего происхождения в пять раз, причем наибольший вклад внесен заимствованиями, отнесенными к исторической, научной и бытовой лексике.

С точки зрения формы большинство исторических заимствований являются фонетическими: *yamtschic* (ямщик), *artel* (артель), *sovkhoz* (совхоз), *kolkhoz* (колхоз) или кальками: *labour day* (трудодень), *political guide* (политуказание), *godless* (безбожный), *progressive piece-rate system* (прогрессивка), *Land of Soviets* (страна Советов), *local Soviet* (местные Советы).

Некоторые фонетические заимствования вытесняются на определенном этапе ассимиляции кальками, например: *Komsomol – Young Communist League*, *Sovkhoz – Soviet farm*.

Особый интерес в истории заимствования играет степень ассимиляции, которая в случае русизмов тесно связана с аффиксационной продуктивностью и конверсией. Например, от существительного *knout* путем конверсии образован глагол *to knout*, причем фонетически слово полностью ассимилировано с фонетической основой английского языка. Слово успешно использовалось классиками английской литературы XIX века [Володарская 2000 : 39–59].

Для русских заимствований характерным является тип конверсии, при котором прилагательное образуется от заимствованного существительного. В качестве дополнительных примеров можно привести прилагательные *soviet*, *kolkhoz*, *perestroika*.

Деривация русских заимствований английскими суффиксами свидетельствует о готовности языковой системы реципиента принять слова, пришедшие из языка-донора: *rayon**ism**, Russian**ism**, Russian**ist**, Russian**ize**, Russian**ness**, stakhanov**ite**, Stakhanov**ism**, bolshev**ism**, bolshev**ist**.*

Древнее русское заимствование *sable* прочно вошло в английский язык не только в значении 'мех соболя', выполнявший в торговле XII–XIII вв. функцию денежной единицы, но и в значении 'черный' прилагательного *sable*. *Sable* является наиболее ассимилированным русским заимствованием. Оторвавшись от своего родного языка, слово стало развиваться по канонам языка-реципиента, формируя новые дериваты, словосочетания, изменяя свое семантическое поле. В настоящее время *sable* имеет форму существительного и прилагательного со значениями, представленными в диаграмме 1.

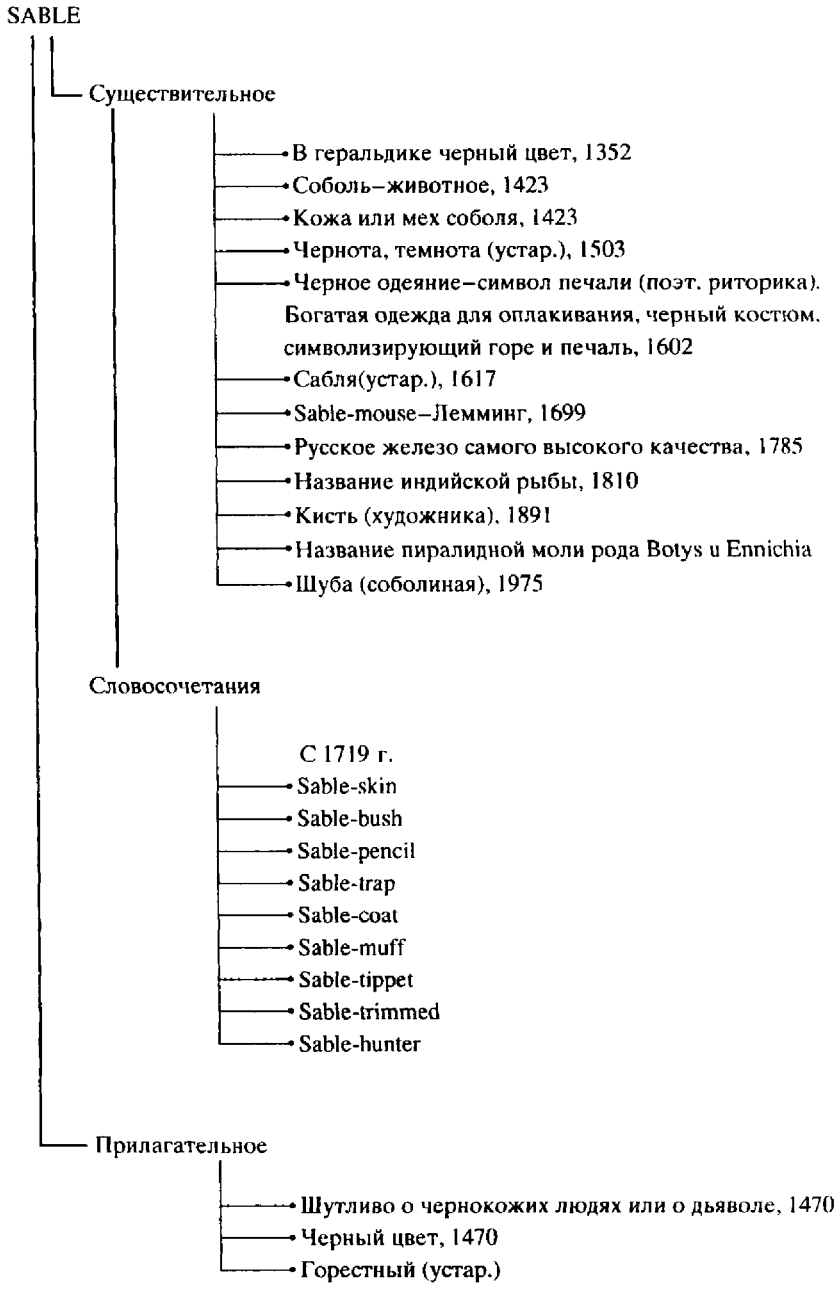


Диаграмма 1

Особый интерес представляют 11 слов с русским суффиксом *-nik*. Слова с суффиксом *-nik* активизировали английское словопроизводство. Под влиянием слова *sputnik*, вошедшего в английский язык 4 октября 1957 г., когда сэр Бернард Ловелл, директор Чеширской экспериментальной станции Йодрельского Банка, объявил о запуске первого искусственного сателлита с Байконурского космодрома, ознаменовавшего начало космической эры. В начале 1960-х гг. по аналогии со словом *спутник* появи-

лась тенденция к использованию в словотворчестве суффикса *-nik*. Так, появились слова *beatnik, peacenik, straightnik* и др.

В английских словарях зафиксированы словосочетания *Sputnik diplomacy, race, town, sputnikery, sputnikities*. Слово *sputnik* иногда используется и в переносном смысле: "We may find ourselves confronted with sputnik in the chemical, biological, a radiological field as we did in missiles" [OED 1994].

Ниже приводится список русских заимствований с суффиксом *-nik*, составленный в хронологическом порядке 1) *raskol**nik*** (раскольник) 1723; 2) *sot**nik*** (сотник) 1799; 3) *narod**nik*** (народник) 1885; 4) *ispravnik* (исправник) 1886; 5) *provod**nik*** (проводник) 1888; 6) *udar**nik*** (ударник) 1931; 7) *nudnik* (зануда) 1947; 8) *kibbutznik* (кибуцник) 1949; 9) *sput**nik*** (спутник) 1957; 10) *lun**ik*** (лунник) 1959; 11) *refuse**nik*** (отказник) 1975.

В том же 1957 г. появляются новые словосочетания со словом *sputnik: The pre-sputnik era, post-sputnik Russia, sputpup* и др.

Одним из заметных результатов взаимодействия русских заимствований с системой английского языка является использование английских слов в новом для них значении. Например, *udarnik-shock worker*, ранее слово *shock* использовалось в значении 'аварийный'. В настоящее время в сочетании со словами *brigade* и *worker* оно используется в значении 'ударный'.

Слово *pioneer*, известное в английском языке с 1523 г., приобрело с 1929 г. [OED 1994: 3] новое значение – 'член детской коммунистической организации'.

Заимствования, вошедшие в графы "Историческая лексика" и "Научно-техническая лексика", имели большое значение для формирования, совершенствования и дополнения политической, философской и научной терминологии не только английского языка, но и других языков, они стали интернациональными, выражая понятия в одинаковой степени присущие всем народам.

Влияние русского языка на английский проявилось, помимо непосредственного заимствования слов, и в изменении сочетаемости ряда слов: *hero of labour, vital interests of the people, reclamation of virgin and unused lands, peoples of good will, struggle for peace, peace champion*.

В постспутниковский период наиболее значительный вклад в английский язык внесли слова *perestroika* и *glasnost*, связанные с общественно-политическими и экономическими изменениями в Советском Союзе в 1985 г. Объяснение слова *perestroika* обычно дается с использованием слов *restructuring, renovation, reform*.

В русском языке слово *перестройка* впервые прозвучало в 1979 г. на XXVI съезде КПСС, и только с 1985 г. оно приобрело серьезную эмоционально-насыщенную коннотацию.

Русское слово *гласность* зафиксировано в словарях с XVIII в. В нынешнем смысле – 'свобода слова', оно было впервые использовано В.И. Лениным, а в 1969 г. – А.И. Солженицыным в его обращении к Союзу советских писателей. Слово *гласность* было использовано в докладе М.С. Горбачева 11 марта 1985 г., в связи с чем оно стало символом политики первого и последнего президента СССР.

Таким образом, качественный и количественный анализ русских заимствований дал следующие результаты:

1) найдено 499 русских заимствований, которые были распределены по 12 семантическим группам; статистический анализ выявил их процентное соотношение: количество русских заимствований XIV–XX вв. в пять раз превышает количество слов-когнатов;

2) выявлено, что большинство слов представляют собой русизмы, необходимые для описания русского уклада жизни, общественно-политических, биогеографических и научных реалий;

3) установлено, что русское слово *соболь – sable* представляет собой полностью ассимилированное слово, характер дальнейшего развития которого является сугубо английским;

4) подтверждено, что слово *sputnik* ввиду значимости события, с которым оно связано, явилось довольно серьезным событием в английском языке в 1960-х гг., о чем свидетельствует появление новых слов с суффиксом *-nik*, из которых наиболее устойчивыми оказались слова *beatnik, peacenik, straightnik*;

5) с 1985 года большой лингвистический и общественно-политический интерес вызывают слова *perestroika* и *glasnost* – лингвистические единицы, отражающие важные экстралингвистические реалии.

В заключение следует отметить, что различия в развитии русского и английского языков накладывают отпечаток на особенности заимствования ими иноязычных слов. Проведенные нами исследования показали, что с точки зрения заимствования английский язык исторически находился в более благоприятных условиях, чем русский язык. Количественный анализ словарей русского языка, изданных в XX в. в СССР и в России, демонстрирует бóльший масштаб заимствования английских слов в русский язык по сравнению с заимствованием русских слов в английский язык.

Количество англицизмов в словаре Л.П. Крысина [Крысин 2000] превышает число русских заимствований в английском языке в 2,4 раза. При сравнении со словарем Н.Г. Комлева [Комлев 2000] этот показатель снижается до 1,84 раза, который, однако, не является репрезентативным с учетом незначительного общего количества иностранных слов в нем. "Новейший словарь иностранных слов и выражений" [НСИСВ 2001] содержит англицизмов в 4 раза больше, чем русизмов, приведенных в Оксфордском словаре английского языка [OED 1994].

Отличается также характер заимствований, качественная и количественная картина семантических групп, а также их лингвистические особенности, в частности, степень интегрирования в язык-реципиент. Заимствуясь по необходимости заполнения лингвистических ниш, а также для разграничения значений, англицизмы легче подвергаются ассимиляции с системой русского языка, чем русизмы в системе английского языка.

Изучение проблемы русско-английского взаимодействия и взаимовлияния имеет важное значение для решения многих общих и частных вопросов языковых контактов и языкознания в целом.

Приложение 1

Английские кальки – заимствования

1.	*Белый* (о расе)	*White*
2.	*Бить рынду*	*Ring the bell*
3.	*Братья-кролики*	*Brer rabbit*
4.	*Вариться в собственном соку*	*To stew in one's own juice*
5.	*Видеть в розовом свете*	*In the pink*
6.	*Выкурить трубку мира*	*Smoke the pipe of peace*
7.	*Гусеница*	*Caterpillar*
8.	*Держать порох сухим*	*To keep one 's powder dry*
9.	*Джентльмены удачи*	*Gentlemen of fortune*
10.	*Джон Буль (Джон Буль* – заимствование. *Иван Бык* – калька)	*John Bull*
11.	*Дядя Сэм*	*Uncle Sam*
12.	*Железная пята*	*The iron heel* (J. London – 1907)
13.	*Желтая пресса*	*Yellow press*
14.	*Закон джунглей*	*'The law of the jungle' = jungle law* (R. Kipling)
15.	*Закон линча*	*Lynch law* (Северная Каролина, XVIII)
16.	*Золотая лихорадка*	*Golden fever*
17.	*Золотоносный*	*Goldbearing*
18.	*Инфракрасный*	*Infra-red*
19.	*Как красная тряпка на быка*	*Like a red rag to the bull*

20.	*Конек*	*Hobby*
21.	*Кошка, которая гуляла сама по себе*	*The cat that walked by himself* (R. Kipling)
22.	*Краснокожий, индеец*	*Red-skin*
23.	*Лебедь авона*	*The swan of Avon* (Avon's swan of Shakespeare)
24.	*Летающая тарелка*	*Flying saucers*
25.	*Мальчик для битья*	*Boy (The prince and the pauper)*
26.	*Межледниковый*	*Interglaciar*
27.	*Много шума из ничего*	*Much ado about nothing*
28.	*Мозговой штурм*	*Brain storm*
29.	*Не будите спящую собаку*	*Let sleeping dog lie chaucer*
30.	*Небоскреб*	*Sky-scraper*
31.	*Ни рыба ни мясо*	*Neither fish, flesh, nor good red herring* (XVII)
32.	*Охота на ведьм*	*Witch-hunt*
33.	*Пережиток*	*Survival*
34.	*Песок сыплется*	*The sands are running out*
35.	*Платить той же монетой*	*To pay a man back in his own coin*
36.	*Полураспад*	*Half-decay*
37.	*Последний из могикан*	*'The last of the mohicans'* (J.F. Cooper)
38.	*Промывка мозгов*	*Brainwash*
39.	*Путепровод*	*Viaduct*
40.	*Рабовладелец*	*Slave-owner*
41.	*Рабовладельческий*	*Slave-holding*
42.	*Рабовладение*	*Slave-owning*
43.	*Руки прочь*	*Hands off*
44.	*Сверхзвуковой*	*Supersonic*
45.	*Свита* (геол.)	*Suite*
46.	*Сдвиг* (геол.)	*Displacement*
47.	*Синий чулок*	*Blue stockings*
48.	*Складка* (геол.)	*Fold*
49.	*Складчатость*	*Folding*
50.	*Склянки* (мор.)	*Glass*
51.	*Сто тысяч почему*	*Seven million whys* (R. Kipling)
52.	*Супердержава*	*Superpower*
53.	*Темная лошадка*	*Black horse*
54.	*Тень Банко*	*Shadow of Banco* (Shakespeare)
55.	*Теперь или никогда*	*Now or never* (Wellington)
56.	*Термоядерный*	*Thermo-nuclear*
57.	*Терять лицо*	*To lose face*
58.	*Тимофеевка*	*Thimothy-grass*
59.	*Третичный*	*Tertiary*
60.	*Укрощение строптивой*	*Taming of the shrew*
61.	*Утечка мозгов*	*Brain drain*
62.	*Факты – упрямая вещь*	*Facts are stubborn things*
63.	*Часы пик*	*Peak hours*
64.	*Черная дыра*	*Black hole*
65.	*Честная игра*	*Fair play*
66.	*Четвертая власть*	*The fourth estate*
67.	*Четвертичный* (геол.)	*Quaternary*
68.	*Чушка* (слиток)	*Pig*
69.	*Экстраток*	*Extracurrent*
70.	*Ядерный*	*Nuclear*
71.	*Ядро*	*Nucleus*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев М.П. 1944 – Английский язык в России и русский язык в Англии // Уч. зап. ЛГУ. № 72. Сер. филол. наук. Вып. 9. 1944.

Алпатов В.М. 2000 – 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000.

Аристова В.М. 1978 – Англо-русские языковые контакты. Л., 1978.

Богородицкий В.А. 1911 – Общий курс русской грамматики. Казань, 1911.

Бодуэн-де-Куртенэ И.А. 1911 – Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. М., 1911.

Брагина А.А. 1981 – Лексика языка и культура страны. М., 1981.

Брейтер М.А. 1997 – Англицизмы в русском языке: история и перспективы. М., 1997.

Булаховский Л.А. 1957 – Русский литературный язык первой половины XIX в. Киев, 1957.

Василевская И.А. 1966 – О формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке // Процессы формирования лексики русского литературного языка. М., 1966.

Васюкова И А. 1999 – Словарь иностранных слов. М., 1999.

Виноградов В.В. 1978 – История русского языка. М., 1978.

Володарская Э.Ф. 2000 – On some aspects of the vocabulary of some 19-th century English writers with special reference to loan-words // Вопросы филологии. 2000. № 3.

Володарская Э.Ф. 2001а – Взаимодействие русского и английского языков на различных этапах исторического развития. Часть 1. Анализ русских заимствований в английском языке // Вопросы филологии. 2001. № 1.

Володарская Э.Ф. 2001б – Заимствование как универсальное лингвистическое явление // Вопросы филологии. 2001. № 1.

Володарская Э.Ф., в печ., "а" – Взаимодействие русского и английского языков на различных этапах исторического развития (в печ.).

Володарская Э.Ф., в печ., "б" – Русские заимствования в английском языке (в печ.).

Вялкина Л.В. 1964 – Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.

Земская Е.А. 2001а – Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. М.; Вена, 2001.

Земская Е.А. 2001б – Речь эмигрантов первой волны и их потомков // Язык русского зарубежья. М.; Вена, 2001.

Какорина Е.В. 2000 – Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социологическое исследование) // Русский язык сегодня. М., 2000.

Комиссаров В.Н. 2001 – Современное переводоведение. М., 2001.

Комлев Н.Г. 2000 – Словарь иностранных слов. М., 2000.

Крысин Л.П. 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Крысин Л.П. 2000 – Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Михельсон А.Д. 1866 – 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык ... / Сост. А.Д. Михельсон. Изд. 1. М., 1866.

НСИСВ 2001 – Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2001.

Петров Ф.Н. 1941 – Словарь иностранных слов. М., 1941.

Райнов Т 1940 – Наука России XI–XVII вв. М.; Л., 1940.

Секирин В.П. 1964 – Заимствования в английском языке. Киев, 1964.

Телия В.Н. 1996 – Русская фразеология. М., 1996.

Шмелева И.Н. 1961 – Торговая терминология XVI века // Начальный этап формирования национального языка. Л., 1961.

Ярцева В.Н. 1990 – Типологические универсалии и креолизация языка // ИАН СЛЯ. 1990. № 6.

Loveday L.J. 1966 – Language contact in Japan: a sociolinguistic history. Oxford, 1966.

OED 1994 – The Oxford English Dictionary. 2 ed. Oxford, 1994.

Pfandl H. 2001 – Anglizismen im Slowenischen: David gegen Goliath, Grenzen erfahren-sichtbar machen – überschreiten. Frankfurt-am-Mein, 2001.

Pogatscher A. 1888 – Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehnwörter in Altenglischen. Strasburg, 1888.

Polinsky M.S. 1998 – American Russian: A new pidgin // Московский лингвистический журнал. Т. 4. М., 1998.

Welna J. 1980 – On gender change in linguistic borrowing (old English) // J. Fisiak (Ed.), Historical Morphology. (Trends in Linguistics 17). The Hague: Mouton, 1980.

Strang B.M.H. 1974 – A history of English. London, 1974.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 2002

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2002 г. В.В. ПОТАПОВ

РУБЕН ИВАНОВИЧ АВАНЕСОВ

(к 100-летию со дня рождения)

В отечественной лингвистике есть имена, которые вошли в золотой фонд науки. К числу таких имен относится имя Рубена Ивановича Аванесова (1902–1982), выдающегося лингвиста, члена-корреспондента АН СССР, специалиста по истории русского языка, описательной и исторической фонетике и фонологии, орфоэпии, диалектологии, теории лингвистической географии и орфографии русского языка; одного из основателей Московской фонологической школы (МФШ).

Так, например, в качестве одной из основных заслуг Р.И. Аванесова В.К. Журавлев считает его вклад в становление и развитие МФШ: "...он один из основателей МФШ, существенно обновивших и развивших ее с опорой на учение о фонемных рядах...".

В работах Р.И. Аванесова, посвященных говорам русского языка, рано начинает проявляться интерес к изучению языковой материи с опорой на теорию фонем. В 1949 г. им публикуется "Очерк русской диалектологии" [Аванесов 1949], основные положения которого проиллюстрированы богатым фактическим материалом.

Концептуальной доминантой этих работ, во-первых, является то, что при всем многообразии своих диалектов русский язык отличается единством. На фонетическом уровне это единство связано не только с наличием большого количества общих черт в разных говорах (т.е. наличием устойчивых элементов фонетической системы русского языка). Фонетические различия между диалектами сохраняют общность соотнесения с рядом языковых особенностей. Различия в составе фонем обнаруживаются в тождественных морфемах. Различия в вариантах и вариациях всегда отличаются своей фонетической обусловленностью. Во-вторых, абсолютно сильное положение при максимальном фонеморазличении дает возможность устанавливать состав полифонем[1] русского языка. Данное явление представляет собой "остов" общей фонетической системы. На этой основе устанавливаются ее стабильные и подвижные элементы, помогающие соотносить диалектные факты и строить единую общую систему различных фонетических систем. В-третьих, различия в составе гласных фонем русского языка имеют значительно меньшее значение для группировки и истории русских говоров, чем различия в принципах реализации гласных фонем в вариантах. Именно на основе вариантов гласных фонем строится главным образом группировка русских говоров по наиболее существенным для их истории признакам. И, как пишет Р.И. Аванесов, "...в самом деле, наиболее отличные друг от друга, можно сказать – полярные, русские говоры могут иметь одинаковое количество гласных фонем" [Аванесов 1970б: 323].

Обобщение многолетних наблюдений над говорами русского языка позволило Р.И. Аванесову выдвинуть ряд интересных соображений и гипотез при объяснении

[1] Полифонема – общее название для аллофонов, образующих одну фонему.

многих языковых явлений. Он провел детальное фонологическое описание русского диалектного языка на основе разработанной им модели метаязыка, в терминах которого может быть описана любая частная диалектная система русского языка. Именно в связи с этим "Очерки...", особенно их фонетический раздел, сыграли большую роль в укреплении подхода к звуковой стороне говоров как к целостной системе и оказали несомненное влияние на методологию диалектологических исследований [Орлова, Горшкова 1972].

Разработка теоретических проблем диалектологии характерна и для всего последующего периода работы Р.И. Аванесова, когда основной исследовательской базой для постановки вопросов этого рода становится его деятельность в области лингвистической географии русского языка. К тому времени в обществе назрела необходимость создания концепции атласа русских говоров. Сущность концепции, которая была положена в основу подобного атласа, заключалась в следующем: картографирование должно осуществляться по принципу системной сопоставимости разнодиалектных явлений. Под руководством Р.И. Аванесова создается вышедший в свет в 1957 г. "Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" и осуществляется подготовка "Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы". Этот труд был завершен в 1960 г. Огромная работа по обследованию говоров нескольких тысяч населенных пунктов на территории Европейской части Российской Федерации и последующее картографирование материала были проведены Р.И. Аванесовым и его учениками. Они дали последовательное обобщение и систематическое изложение различных аспектов русского языка. Наличие все расширявшегося круга собираемых и картографируемых диалектных данных русского языка открыло возможность подготовки в первой половине 60-х гг. качественно нового курса "Русской диалектологии", созданного коллективом лингвистов под руководством Р.И. Аванесова. Однако в своей диалектологической работе Р.И. Аванесов не ограничивается говорами русского языка. Он является также руководителем работ в области диалектологии белорусского языка. Под его руководством создавался "Дыялекталагічны атлас беларускай мовы" (1963) и вышедший на протяжении 60-х годов ряд работ по диалектологии белорусского языка. Атлас белорусского языка был удостоен Государственной премии 1971 г. Р.И. Аванесов на протяжении многих лет являлся Председателем Комиссии по координации диалектологической работы в СССР, а в дальнейшем Научного совета по истории языка и диалектологии ОЛЯ АН СССР.

В 50-е годы возрождается высказанная еще в 1929 г. И. А. Бодуэном де Куртенэ идея создания атласа группы родственных языков. Р.И. Аванесов выступил в качестве одного из инициаторов создания диалектологического атласа славянских языков, а также международной организации, которая занялась бы его подготовкой. В докладе по данному вопросу на IV Международном съезде славистов в 1958 г. им был сформулирован ряд теоретических положений и основных принципов будущего Общеславянского атласа. Решением Международного комитета славистов (МКС) Р.И. Аванесов был избран председателем комиссии Общеславянского лингвистического атласа при МКС. Он активно участвовал в составлении и редактировании "Вопросника Общеславянского лингвистического атласа" (ОЛА) (1965). На иных принципах создаются "Вопросник ОЛА" и единая фонетическая транскрипция, вырабатываются новые способы подачи материала в картах и комментариях. К этому времени создается международный коллектив сотрудников ОЛА. В 1965 г. начинается новая полномасштабная работа – составление "Лингвистического атласа Европы" (ЛАЕ). Заместителем председателя редколлегии (руководящего органа ЛАЕ) от стран Восточной Европы был избран Р.И. Аванесов.

Теоретическая и практическая деятельность Р.И. Аванесова в области диалектологии русского языка тесно и органически связана с его работой в области истории русского языка. Продолжая традиции выдающихся русских лингвистов – А.А. Шахматова, А.Н. Соболевского, Н.Н. Дурново и других – Р.И. Аванесов не

только разрабатывает методы и принципы синхронного описания языка, но и предпринимает попытку воссоздать историю русского языка на основе его говоров, используя при этом фактический материал лингвистической географии. История языка в понимании Р.И. Аванесова – это историческая грамматика, изучающая полихронную структуру диалектного языка, и историческая диалектология, объектом которой являются диалекты в их территориально-временной динамике и сменах.

В настоящее время стала уже хрестоматийной статья Р.И. Аванесова "Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*" (1947), в которой показано, как в словах при неизменном характере материи слов могут происходить существенные внутренние функциональные сдвиги. Примером такого сдвига может служить изменение соотношения между *i* и *y* – один из весьма значительных эпизодов исторической фонетики русского языка. Это изменение оказывается тесно связанным с корреляцией согласных фонем, парных по твердости – мягкости.

Р.И. Аванесов утверждал, что ранее самостоятельные качества *i* и *y* – две разные фонемы – стали качествами несамостоятельными, обусловленными, зависимыми. Они превратились в разновидности одной фонемы. И ранее несамостоятельные, зависимые, обусловленные качества – твердость и мягкость согласных – приобрели самостоятельность, независимость, стали фонемообразующей категорией. Он был абсолютно убежден, что процесс функционального объединения *i* и *y* связан с целым рядом фонетических процессов, с перестройкой всей фонетической системы, а также со многими морфологическими явлениями [Аванесов 1970а].

В связи со сложным взаимодействием консонантизма и вокализма, фонетической и морфологической структуры слова в истории языка привлекает внимание Р.И. Аванесова и судьба гласных *е* и *о*. В своих работах (например, [Аванесов 1954]) он выделяет две основные диалектные системы – одну с последовательным фонетическим изменением *е* в *о*, другую, где такого изменения не было и появление слога типа *с'о* было связано с морфологическими факторами, причем подробно рассматриваются разные ступени распространения *о* после мягких согласных в говорах с "непереходящим *е* в *о*".

Р.И. Аванесов формулирует чрезвычайно важное для истории языка методологическое положение о том, что между эволюцией разных сторон языка существует прямая связь. Следовательно, нужно изучать фонетическую систему не в общем и целом, а непосредственно применительно к ее реализации в речи, привлекая данные об инвентаре слов и морфем языка, по возможности учитывая весь лексико-морфологический состав говора. Таким же образом должна изучаться и морфологическая система: не в качестве абстрактной системы отношений между формами, а в ее реализации в определенных звучаниях.

Большое значение в работах Р.И. Аванесова по истории языка имеют его размышления о месте и времени возникновения аканья и тем самым акающего диалекта [Аванесов 1947; 1954]. В этой связи следует упомянуть изданную в "Вестнике Московского университета" в 1947 году статью Р.И. Аванесова "Вопросы образования русского языка в его говорах". Период формирования диалектных различий русского языка и проблема возникновения аканья – одна из центральных для истории и диалектологии русского языка. Р.И. Аванесову удалось представить процесс выделения восточнославянских языков и ряда диалектных групп русского языка, связать данное явление с историей народа. Структурно-лингвистические данные позволили уточнить дату распространения акающего диалекта: вторая половина XII – первая половина XIII в. Из структурных данных учитывались слоговая и ритмическая структура слога в акающем диалекте, соотношение ударного вокализма с типом предударного вокализма и некоторые другие. Таким образом, в данном случае была представлена гипотеза о позднем возникновении в русских диалектах аканья, противопоставленная точке зрения А.А. Шахматова на аканье как на явление, возникшее в дописьменную эпоху. Построенная с учетом историко-социальной, историко-структурной и лингвогеографической сторон, гипотеза Р.И. Аванесова была принята многими лингвистами.

Применительно к исторической грамматике Р.И. Аванесов выделяет в качестве основной единицы – ***хроноизоглоссу***. В своей исследовательской практике он постоянно стремится включить пространство, представить историю языка во всей ее реальной сложности, со всеми ее хроно- и топоизоглоссами. Поэтому в работах Р.И. Аванесова большое внимание уделяется изучению образования диалектных различий в фонологической и морфологической структуре диалектного языка. Так, он устанавливает время появления и пути распространения диалектного различия, связанного с качеством заднеязычного звонкого согласного. Одновременно с этим определяет условия и характер самого фонетического изменения, занимается историей противопоставления аканья оканью, возникновением диалектного варьирования в судьбе твердых и мягких согласных, гласных *е* и *о* и другими вопросами. Определение процессов некоторых диалектных различий Р.И. Аванесов постоянно сочетает с выяснением исторических судеб самих диалектов, т.е. с рассмотрением различных проблем исторической диалектологии.

По свидетельству В.К. Журавлева – современника и последователя Р.И. Аванесова – одной из величайших заслуг Р.И. Аванесова следует считать то, что он выдвинул "... гипотезу об эпохе силлабем в истории русского языка (1947 г.), согласно которой существуют два типа языка – фонемного и силлабемного строя. Именно Р.И. Аванесов впервые поставил вопрос: каким образом возникли эти силлабемы, если учесть тот факт, что их не было в праиндоевропейском языке, а их появление зафиксировано в праславянском". Вышепоставленную задачу пытался решить впоследствии В.К. Журавлев, исходя из гипотезы о первичности фонемных языков, переходящих в силлабемные, и вторичности более поздних фонемных языков, развившихся из силлабемных.

По мнению В.К. Журавлева, именно Р.И. Аванесову принадлежит положение, согласно которому "...народные говоры следует описывать прежде всего ***изнутри***, самодостаточно, то есть отталкиваясь не от литературного языка или явлений истории языка, а идя от системно-структурных особенностей самого описываемого говора".

В последние годы Р.И. Аванесов обращался к исторической лексикологии и лексикографии и возглавил коллектив лексикографов, готовивший "Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.". Этот словарь характеризуется, с одной стороны, масштабностью замысла, с другой – конкретным и точным характером задачи презентации языкового материала. Хронологические рамки наиболее полно отражают систему древнерусского языка соответствующего периода – XI–XIV вв.

В центре всех работ Р.И. Аванесова, посвященных исторической фонетике, фонологии, морфонологии, словообразованию, всегда было ***слово***: изучение единства слова и его различий в связи с тождеством или различиями его внешней, звуковой стороны, синхроническое и диахроническое тождество слова, графико-орфографические, фонетические и фонологические варианты слов, морфемная и словообразовательная структура.

Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ понимал грамматику широко – "как рассмотрение строя и состава языка (анализ языков)", относя к ней и фонологию. "Сообразно постепенному анализу языка, – писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, – можно разделить грамматику на три большие части: 1) фонологию (фонетику), или звукоучение, 2) словообразование в самом обширном смысле этого слова и 3) синтаксис" [Бодуэн де Куртенэ 1963: 63–64]. Н.С. Трубецкой считал фонологию также частью грамматики: «...фонология как учение о функциях звуковых противопоставлений представляют собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать функции противопоставления лингвистических значимостей, причем все отрасли этой науки применяют одинако-вые методы исследования. Направление, в котором разрабатывает теорию звуков так называемая "фонологическая школа", предполагает аналогичный подход к осталь-ным частям теории языка, предполагает новую, структурную теорию языка» [Trubetzkoy 1937: 151]. В своей книге "Очерк грамматики русского литературного языка" Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров, объединив в разделе грамматики морфологию

и синтаксис, поместили в название книги наряду с термином "грамматика" и фонетику (с учением о фонемах) [Аванесов, Сидоров 1945]. Во Введении к академической "Грамматике русского языка", также включавшей, кроме морфологии и синтаксиса (разделов грамматики), еще и фонетику, Л.В. Щерба и В.В. Виноградов писали: "Фонетика, как учение о звуковой системе и звуковых изменениях языка, связана как с лексикой (или лексикологией), так и с грамматикой... Поэтому фонетику можно было бы рассматривать как особую языковедческую дисциплину, смежную с грамматикой и лексикологией. Однако фонетика, изучающая звуковой строй языка, оказывается особенно тесно связанной с грамматикой и обычно рассматривается в ее составе в качестве особого раздела" [ГРЯ 1953: 14].

Вместе с В.Н. Сидоровым, П.С. Кузнецовым, А.А. Реформатским, А.М. Сухотиным Р.И. Аванесов был одним из организаторов и выдающимся представителем МФШ. Истоки этой школы восходят ко второй половине 20-х годов XX в., когда Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров в течение нескольких лет совместно изучали русские говоры. С начала 30-х годов началось сотрудничество Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова с П.С. Кузнецовым, А.А. Реформатским, А.М. Сухотиным. Расширились и объекты изучения: кроме диалектного материала, они стали заниматься литературным языком, вопросами прикладной лингвистики – алфавитов и орфографий, транскрипции, проблемой реформы русской орфографии. "Мы стремились, – писал Р.И. Аванесов, – продолжать традиции Бодуэна де Куртенэ, особенно ярко изложенные в его ранних работах. Эти же традиции еще раньше, с начала 20-х годов, развивал Н.Ф. Яковлев, который поэтому может считаться прямым предшественником Московской фонологической школы" [Аванесов 1974: 5].

Уже самые ранние работы Р.И. Аванесова – пример строго систематического применения теории к описанию фонетических систем современного русского литературного языка и его диалектов. Задача последовательного, целостного описания фонетической системы решается Р.И. Аванесовым уже во всех его ранних фонетических работах, посвященных как литературному языку, так и диалектам. При таком описании пришлось развернуть и систему основных фонологических понятий. В работах Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова впервые вводится и последовательно применяется понятие нейтрализации фонем. Это понятие в его эксплицитной форме еще не присутствовало в работах Н.Ф. Яковлева, прямого предшественника МФШ. Понятие нейтрализации повлекло за собой разграничение вариаций и вариантов фонем, что явилось очень важным открытием, по которому и всю теорию МФШ называют "теорией вариантов и вариаций". В редакции, которая была создана Р.И. Аванесовым и В.Н. Сидоровым, а также А.А. Реформатским, А.М. Сухотиным и П.С. Кузнецовым, эта теория стала применяться для анализа и последовательного описания различных фонетических систем.

Наиболее существенные отличительные особенности МФШ [Панов 1972: 18] формулируются следующим образом.

Во-первых, позиционно чередующиеся звуки признаются одной функциональной единицей (фонемой), рассматриваются с позиции идентичности. Другие фонологические теории также учитывают позиционную вариативность звуковых единиц, отожествление в качестве одной и той же фонемы всех звуков, которые связаны позиционным чередованием. Но у представителей МФШ этот принцип проводится без всяких ограничений как основной, формирующий фонему. Пражская фонологическая школа также объединяет "дивергенты" в фонему, но только те из них, которые обладают общей функциональной характеристикой.

Во-вторых, из последовательного применения этого принципа вытекает, что две фонемы в определенной позиции могут реализоваться одним звуком; что одна фонема может в разных позициях выражаться звуками, полностью различными в акустико-артикуляционном отношении, а также и звуковым нулем. Фонема, таким образом, рассматривается как единица, лишенная "антропофонической" характеристики. Следует говорить о ее чисто функциональной, позиционной обусловленности.

В-третьих, установление позиционных чередований и, следовательно, определение рядов позиционно чередующихся звуков (фонем) возможно только при сопоставлении морфем. Таким образом, для МФШ самым главным принципом является морфологический критерий.

Важные положения теоретических взглядов Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова на систему фонем русского языка представлены в их работе "Система фонем русского языка", которая была составной частью "Очерка грамматики русского литературного языка" (1945) [Аванесов, Сидоров 1970б]. В этой работе дается определение фонемы: "...самостоятельные звуковые различия, которые служат знаками различения слов языка, называются фонемами; звуковые же различия несамостоятельные представляют собой видоизменения этих фонем в определенных фонетических условиях" [Аванесов, Сидоров 1970б: 249].

Фонема выступает не обязательно в каком-то одном звучании, а в ряде звучаний, которые представляют собой ее разновидности. Каждая фонема проявляется в определенных разновидностях, и каждая из таких разновидностей выступает в строго определенных фонетических условиях. Разновидности одной фонемы взаимно исключают друг друга в одной и той же позиции и, наоборот, взаимно замещают друг друга в разных позициях. Одна разновидность данной фонемы по отношению к другой разновидности той же фонемы не может выступать в качестве знака для различения слов. Следовательно, слова могут различаться только разновидностями одной фонемы по отношению к разновидностям других фонем. Различия между разновидностями фонемы обусловлены фонетическим положением, т.е. фонетической позицией, которая определяет в каждом конкретном случае наличие одной определенной разновидности фонемы. Данные разновидности зависят от условий сочетаний звуков (например, от положения фонемы перед или после определенных звуков) или от положения фонемы в слове (например, в начальной или конечной позиции слова, в ударном или безударном слоге).

Фонетическая обусловленность разновидностей фонемы в разных позициях неодинакова: в одних позициях обусловленность большая, в других – меньшая. Позицию наименьшей обусловленности авторы называют "**сильной**" в отличие от других позиций, которым присваивается название "**слабые**". Например, в русском языке ударные гласные не подвергаются качественной редукции. Следовательно, положение в слоге под ударением для русских гласных звуков является сильным положением по отношению к слабым положениям в безударных слогах. Следует добавить, что под ударением качество гласной фонемы видоизменяется в зависимости от соседних твердых или мягких согласных (ср., например, качество фонемы /а/ в словах *раз*, *мразь*, *погряз*, *грязь*).

Основной вид фонемы, являясь наиболее близким по своему качеству к фонеме в изолированном произнесении, представляет собой наиболее типичный и характерный репрезентант всего ряда звуков, в котором проявляется фонема в различных условиях. Таким образом, фонема всегда обозначена по своему основному виду, а остальные ее разновидности можно рассматривать в качестве видоизменений основного вида фонемы. Авторы определяют совокупность этих видоизменений, выступающих в слабых позициях, как ***модификации фонемы***. Эти модификации фонем по своей функции, т.е. по той роли, которую они играют в системе знаков для различения слов, подразделяются на два типа – вариации и варианты.

Вариации – это такие обусловленные позицией модификации основного вида фонемы, при которых не происходит совпадения в одном звучании конкретной фонемы с какой-либо другой. Классическим примером в русском языке в соответствии с МФШ служит звук [ы], являющийся модификацией фонемы /и/ после твердых согласных. Вариация фонемы по функции (как знака для различения слов) тождественна, равноправна с основным видом той же фонемы. Таким образом, вариация – это позиционно обусловленный звуковой синоним основного вида фонемы.

Варианты – это позиционно обусловленные модификации фонемы, которые не различаются с какой-либо другой фонемой (или фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве. Вариант выступает в роли заменителя двух или более фонем, не различающим функции совпавших фонем. Примером неразличения гласных фонем является совпадение фонем /о/ и /а/ в первом предударном слоге после твердых согласных в варианте *а*: *вол* и *вал*, но *валы* (= *волы* и *валы*).

Устанавливается принадлежность варианта к определенной фонеме только в том случае, если в той же самой морфеме при изменении и образовании слов фонема выступает в своем основном виде. Например, в слове *вода* в предударном слоге произносится звук [а], который может быть вариантом как фонемы /о/, так и фонемы /а/. В этом случае звук [а] является вариантом фонемы /о/.

Фонемы объединяются в группы благодаря тому, что в одних позициях они различаются, в то время как в других не различаются, совпадая в одном из своих вариантов. Различение подобных фонем и их совпадение происходят в строго определенных условиях. При этом в тех же самых условиях могут различаться и совпадать не только фонемы какой-либо одной группы, но и фонемы целого ряда групп, т.е. различение и совпадение фонем, входящих в такие группы, является параллельным.

Различающиеся и совпадающие в тождественных условиях ряды фонем образуют такие соотносительные группы, в каждой из которых одна фонема относится к другой, как соответствующие фонемы относятся друг к другу в любой другой группе фонем данного ряда. Эти отношения выражаются следующим образом: $a : a_1 = b : b_1 = c : c_1$ и т.д. или, например, для ряда звонких и глухих согласных фонем русского языка: *д* : *т* = *з* : *с* = *б* : *п* и т.д.

Самыми существенными и характерными изменениями системы гласных фонем русского литературного языка являются те изменения, которым подвергаются эти фонемы в безударных слогах. Этими изменениями определяются особенности системы гласных русского литературного языка. Подвергаясь изменениям в безударных слогах, гласные фонемы реализуются в своих вариантах, т.е. перестают различаться с какой-нибудь другой фонемой (или другими фонемами), совпадая с ней (или с ними) в своем качестве.

Наиболее трудно усваиваемой иностранцами особенностью русского вокализма являются степени редукции. В случае гласных фонем в предударных слогах авторами вводятся в зависимости от степени редукции такие понятия, как ***слабые позиции первой ступени и второй ступени***. Слабая позиция первой ступени – положение в первом предударном слоге, где редукция представлена в меньшей степени. Слабая позиция второй ступени – положение в других предударных слогах (за исключением первого предударного), где редукция – в большей степени. В сильной позиции – в слоге под ударением все гласные фонемы выступают в своем основном виде или вариациях, обусловленных твердостью или мягкостью соседних согласных. Остальные гласные фонемы в слабых позициях выступают в своих позиционных вариантах. Качество позиционного варианта гласной фонемы зависит от двух условий: во-первых, от положения гласной по отношению к ударению (слабая позиция первой или второй ступени); во-вторых, от качества предшествующей согласной.

Особенностью работ Р.И. Аванесова, как и представителей МФШ в целом, было то, что разработка фонологической теории соединялась с решением практических задач орфографии. В 30-х годах XX в. выдвигались один за другим проекты усовершенствования русской орфографии. Орфографические решения, принятые в 1917 г., обладали одним общим недостатком: не обоснованные целостной лингвистической теорией, внутренне противоречивые, они страдали явной эклектичностью и имели много недочетов. В это время была опубликована статья Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова "Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка" (1930). Авторы впервые формулируют основной принцип русского письма: русская орфография ***фонематична***. Как пишут авторы, "Фонологическое письмо отвечает социальной природе языка, потому что оно передает не звуки в отрыве от их значения, а фонемы.

Поэтому фонологическое письмо в отличие от фонетического основано не на соответствии буквы и звука, а на соответствии буквы и фонемы" [Аванесов, Сидоров 1970а: 151].

Совершенствование орфографии и привнесение в нее большей последовательности связано с усилением фонематического принципа. Соавторы орфографической реформы утверждают, что "...проект о новом правописании ясно показывает его преобладающий морфологический (фонологический) характер. При дальнейшей разработке морфологический принцип должен быть проведен более последовательно, так как только этот принцип может быть положен в основу рациональной орфографии" [Аванесов, Сидоров 1970а: 156]. Исходя из данного принципа, вносится ряд конкретных предложений. Вопрос о том, нужна ли и своевременна ли реформа орфографии, решают не только лингвисты, но общество в целом. Но если реформа окажется реальностью, то в таком случае будут реализованы выдвинутые в 1930 г. соответствующие предложения.

К орфографическим проблемам Р.И. Аванесов неоднократно возвращался на протяжении всей своей научной деятельности: усовершенствование орфографии, выработка орфоэпических норм и норм современной сценической речи, кодификация русского литературного произношения, преподавание русского языка в средней школе и в высших учебных заведениях, обучение русскому языку как иностранному. Все эти практические задачи решаются в работах Р.И. Аванесова с единых теоретических позиций, при пристальном внимании к фонологической основе русского языка.

Немало было сделано и для разработки другой прикладной области – орфоэпии. Ему принадлежит труд, посвященный проблемам русской орфоэпии, – "Русское литературное произношение", выдержавший шесть изданий, а также другие работы. Значительные изменения были привнесены Р.И. Аванесовым в пятое издание этой книги. Здесь автор ввел очерк звуковой системы русского языка, а также дал схемы профиля артикуляций русских звуков. Данное издание дополнено обширным справочным разделом, где дан краткий очерк русской графики и две таблицы – "От буквы к звуку" и "От звука к букве". Эти таблицы дают возможность наведения разнообразных справок о произношении написанного слова и о написании произнесенного слова. Р.И. Аванесов подчеркивал практическую сторону применения данной книги: "Необходимо прежде всего добиться правильной постановки произношения отдельных звуков, а затем уже и типичных для русского языка сочетаний звуков, помня при этом, что трудности усвоения русского языка не одинаковы для представителей разных языков в связи с различными артикуляционными базами этих языков" [Аванесов 1984: 5]. Согласно Р.И. Аванесову, при обучении русскому литературному произношению, необходимо, во-первых, отказаться от некоторых деталей в произношении, стремясь к общепринятому стандарту. Во-вторых, особое внимание следует уделять ритмической структуре русского слова с его редукцией безударных слогов. Однако двух ступеней редукции следует добиваться только для положения после твердых согласных (например, [голъву]). В положении же после мягких согласных следует использовать только [и]-образный звук, т.е. не различать безударных гласных в случаях типа *берега* и *деревням*. Чтобы решить, какому из вариантных орфоэпических норм отдать предпочтение, необходимо учитывать и фонологию: какая норма "различительна", "дистинктивна", – утверждает в своих работах Р.И. Аванесов. После этих изысканий стало нормой, обсуждая вопросы орфоэпии, принимать во внимание их различительные, фонологические характеристики.

У Р.И. Аванесова много достижений и в области истории языка, и его современного состояния. Внимание в равной степени обращено как к диахронии, так и к синхронии. Так, в его исследованиях постоянно применяются фонологические методы. Например, форма существительных с нулевым окончанием рассматривается как нейтрализация двух акцентных типов: с ударением на основе и с ударением на флексии (*много мук* = "много сортов муки" и "много мучений", нейтрализованы *му́ка – мука́*). Следовательно, в этой форме ударение не "переносится на основу". Данные поло-

жения позже были продолжены и развиты в работах А.А. Зализняка [Зализняк 1967; 1985]. Таким образом, очевиден интерес Р.И. Аванесова к грамматико-фонетическим явлениям. Во многих его работах представлены сложные вопросы чередования фонем в соотношении с чередованием морфем.

По свидетельству современников, с особой любовью Р.И. Аванесов относился к фонетике. Причина в том, что он знал, понимал и ценил музыку, связанную наитеснейшим образом с фонетикой: "... в жизни Рубена Ивановича музыка была серьезной соперницей его научным занятиям. Интуиция Аванесова-фонетиста близка к тому, что называют абсолютным слухом в музыке: его наблюдения и фонетические гипотезы подтверждаются спустя много лет данными инструментального исследования речи и, как правило, оказываются самыми верными в ряду других гипотез" [Пожарицкая 1982: 88].

В 1956 г. выходит в свет книга "Фонетика современного русского литературного языка", которая сложилась на основе лекций Р.И. Аванесова по общим и специальным курсам фонетики современного русского литературного языка, читавшимся на протяжении определенного времени в МГУ. Она характеризует собой не столько окончательные результаты исследования, сколько один из его этапов. Данный труд включает в себя изложение теории фонем на материале русского языка, существенно отличающейся от ранее изложенной в работах автора концепции.

Книга состоит из таких разделов, как:

- кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы;
- слогораздел и строение слога в русском языке;
- ударение;
- вокализм (ударные и безударные гласные);
- консонантизм (классификация согласных; образование отдельных согласных фонем);
- система согласных фонем (соотносительный ряд глухих и звонких согласных фонем; соотносительный ряд твердых и мягких согласных фонем);
- типы научно-лингвистической транскрипции.

Различия в звуковых оболочках слов могут быть многообразны.

Во-первых, при разноместности и подвижности ударения они заключаются в различиях места ударения, которое в русском языке определяет количество и качество различаемых в безударных слогах гласных.

Во-вторых, различия в звуковых оболочках разных слов касаются количества звуковых единиц (ср. *он, тон, стон*).

В-третьих, это касается порядка следования одних и тех же звуковых единиц (ср. *он* и *но, куст* и *стук*).

В-четвертых, различия в звуковых оболочках разных слов касаются самих звуковых единиц, их качества.

Звуковые оболочки разных слов отличаются либо полностью (ср. *дуб* и *нас*), либо более или менее значительной частью (ср. *сам* и *сук*, *зной* и *знал*, *плох* и *прах*), либо одной кратчайшей звуковой единицей, т.е. имеют минимальное звуковое отличие (например, *сам – сом*, *сам – дам*).

Кратчайшие звуковые единицы, не зависящие от фонетического положения, не обусловленные позицией, употребляются в тождественной позиции и служат в языке для различения звуковой оболочки словоформ, т.е. образуют самостоятельные фонемы. В противоположность этому кратчайшие звуковые единицы в своих зависящих от фонетического положения, обусловленных позицией сторонах не употребляются в тождественной позиции, не имеют непосредственно различительной функции. Они образуют не самостоятельные фонемы, а только разновидности одной и той же фонемы. Из этого следует, что фонемой является кратчайшая звуковая единица как независимая по своему качеству величина и потому сама по себе достаточная для различения звуковых оболочек словоформ.

При наличии чередований кратчайшая звуковая единица в любой позиции (вне

зависимости от меньшей или большей обусловленности ее качества позицией) обладает равной способностью различать звуковые оболочки словоформ. При наличии чередований непараллельных, пересекающихся автором разграничиваются два понятия для обозначения степени фонематичности кратчайших звуковых единиц: сильная и слабая фонема. ***Сильная фонема*** выступает в позициях максимальной дифференциации, в которых различается наибольшее количество звуковых единиц, в то время как ***слабая фонема*** – в позициях меньшей дифференциации, в которых различается меньшее количество звуковых единиц. Сильная фонема различает звуковую оболочку не только словоформы, но и морфемы, в составе которой она находится.

На основе анализа соотношений между фонемами и фонемными рядами, с одной стороны, и словоформами и морфемами – с другой, Р.И. Аванесовым были сформулированы два закона о тождестве и различиях словоформ и морфем в их отношениях к своим звуковым оболочкам.

1. Тождеству словоформ (т.е. той же словоформе) соответствует тождество фонем, и напротив, "нетождеству" словоформ (т.е. разным словоформам) соответствуют различия в фонемах одного ранга.
2. Тождеству морфем (т.е. той же морфеме) соответствует тождество фонемных рядов, и напротив, "нетождеству" морфем (т.е. разным морфемам) соответствует различие в фонемных рядах.

Особое положение среди конструктивных фонологических единиц занимают несамостоятельные слова, которые во всех случаях выступают в сочетании с самостоятельным словом, например предлоги в русском языке. В рамках такого словосочетания часто возникают характерные для отдельного слова фонологические связи. Р.И. Аванесов применительно к сочетаниям предлога со следующим за ним словом в русском языке отмечал: "...обычно сочетания с предлогами в отношении слогоделения произносятся так, как если бы они представляли одно слово... Лишь при тщательном и отчетливом произношении встречается слогоделение, свойственное сочетанию знаменательных слов, т.е. отход конечного согласного предлога к предшествующему гласному и образование таким образом закрытого слога [б'ез/атца], [п'ер'ьд/акном]" [Аванесов 1956: 50]. С этим следует сопоставить словосочетания, состоящие из двух самостоятельных слов: "Что же касается сочетания знаменательных слов, – пишет Р.И. Аванесов, – то слогоделение в них обычно сохраняется такое, какое свойственно каждому входящему в его состав слову в отдельности. Ср... *гадюк убили* и... *гадюку били*. Это более заметно в тех случаях, когда в исходе первого слова находится звонкий согласный, оглушающийся на конце слова, т.е. в закрытом слоге... *подругу вели*, ... *подруг увели*" [Аванесов 1956: 47]. Следовательно, если несамостоятельное слово по фонологическим связям в словосочетании может уподобляться слогу как части слова и соответственно менять свое фонологическое содержание, то самостоятельное слово в сочетании с другим словом обычно сохраняет свое фонологическое содержание, как и характерные для него формальные особенности (просодические признаки).

В книге "Фонетика современного русского языка" предпринимается попытка синтеза московской и петербуржской фонологических теорий, на что сам автор указывает на страницах своего труда. В соответствии с этим московская фонема превращается в фонемный ряд. Эта попытка стимулировала поиски фонологов в определенном направлении (см., например, введение понятия "звука языка" в работах П.С. Кузнецова).

Р.И. Аванесов пытается также сблизить понятия пражской и московской фонологических школ. Например, в словах *разнеслась, резьба* автор транскрибирует фонему /а/: *разн/а/слась, р/а/зьба*, она же отмечена в словах *х/а/дьба, п/а/жар*. Основания для обобщения следующие: общая характеристика – фонема неверхнего подъема, нелабиализованная.

В основе пражской фонологической теории лежит принцип обобщения звуков в фонемы: в одну фонемную единицу объединяются звуки, имеющие общую функ-

циональную характеристику. Например, в словах *указ*, *указка*, *перенос*, *переноска* звуком [с] выражается одна и та же фонемная единица: зубная, фрикативная, твердая. Но в словах *сон*, *сразу* звук [с] выражает другую фонемную единицу (именно фонему с признаками: зубная, фрикативная, твердая, глухая). Все это нашло отражение и в теории Р.И. Аванесова. В случае совпадения трактовки фонемы у "пражцев" и у "петербуржцев", концепция Р.И. Аванесова дает возможность говорить о синтезе московской и петербуржской фонологических теорий. В данном случае следует упомянуть и синтез московской и пражской теорий. Если трактовка пражцев отличается от трактовок других школ, то Р.И. Аванесов следует именно пражской [Панов 1972].

На протяжении почти всей своей научной деятельности Р.И. Аванесов исследовал проблемы ударения русского литературного языка. Во многих работах (например, [Аванесов 1955; 1974; ОСРЯ 1989]) им освещались следующие вопросы:

- ударение как признак слова;
- ударение слова и его свойства;
- долгота и краткость гласных;
- музыкальная сторона ударения;
- разноместность ударения;
- ударение подвижное и неподвижное (изменение места ударения при образовании форм слова);
- изменение места ударения при словообразовании;
- ударение и звуковое оформление слова;
- безударные и слабоударяемые слова;
- слова с побочным ударением.

Идея создания нормативного словаря орфоэпического типа, впервые воплощенная в опыте словаря-справочника "Русское литературное ударение и произношение" под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова, вышедшего в 1955 году, со временем подверглась существенному изменению. "Орфоэпический словарь русского языка" [ОСРЯ 1989] был создан в результате переработки словаря-справочника "Русское литературное произношение и ударение" под общей редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова, вышедшего в 1959 г. За эти годы в русском литературном языке произошли определенные изменения. Исследования в области русской грамматической системы, фонетики и морфологии, литературной нормы также повлияли на структуру данного словаря. На теоретическую концепцию, легшую в основу этого издания, наибольшее влияние оказали грамматические исследования А.А. Зализняка [Зализняк 1967; 1977]. Подготовка словаря велась в Институте русского языка АН СССР под руководством Р.И. Аванесова. Ко времени создания словаря уже определилась целесообразность объединения в одном лексикографическом издании сведений о произношении и ударении с последовательно поданной информацией об образовании грамматических форм. В нем широко разработана система нормативных рекомендаций и введены запретительные пометы. В издании 1989 г. пополнен словник, уточнены нормативные рекомендации, более детально разработана подача некоторых категорий слов. Словарь предоставляет информацию о правильном произношении и ударении отдельных слов, о правильном образовании их грамматических форм. В словаре присутствуют статьи "Сведения о произношении и ударении" и "Сведения о грамматических формах", написанные Р.И. Аванесовым.

Следует упомянуть о той огромной благодарности, которую питал Р.И. Аванесов к своим учителям: "Мой интерес к истории русского языка, к русской диалектологии, к описательной и исторической фонетике русского языка, к орфоэпии, фонологии и теории орфографии был развит моими замечательными учителями. И если в этих областях науки о русском языке мне удалось что-то создать и подготовить своих собственных учеников, работающих на том же поприще, то этим я обязан, главным образом, двум замечательным русским людям и крупнейшим русским ученым – Дмитрию Николаевичу Ушакову и Афанасию Матвеевичу Селищеву" [Аванесов 1974: 16].

В течение многих лет Р.И. Аванесов работает в средней школе, рабфаках, рабочем университете. В 1931–1933 гг. он – сотрудник научно-исследовательского института языкознания при Наркомпросе РСФСР, с 1932 г. по 1947 г. – профессор и заведующий кафедрой русского языка в Московском городском педагогическом институте. В 1937 г. Р.И. Аванесов становится профессором филологического факультета МГУ, который до 1941 г. был факультетом ИФЛИ им. Н.Г. Чернышевского.

"С 30-х годов, – вспоминает М.В. Панов, – Р.И. Аванесов читает лекционные курсы в вузах Москвы. Десятки тысяч филологов учились лингвистически мыслить на его лекциях. Полноценная лекция – не только научный жанр, но в то же время и искусство. Лекции Р.И. Аванесова оставляют эстетическое впечатление своей строгостью и "прекрасной ясностью": ряды фактов, сложно пересекаясь, строятся в кристаллическую сквозную целостность. Теоретические принципы, точно сформулированные, пронизывают все построение. Научная значительность лекции усиливается ее эстетической значительностью.

Педагогичны и все научные печатные работы Рубена Ивановича. Они воспитывают лингвистическую мысль. Более того – они увлекают мысль, у них есть способность вербовать сторонников и продолжателей. Множество идей, высказанных Р.И. Аванесовым, стало стимулом, отправной точкой для исследований многих его учеников – продолжателей и сторонников" [Панов 1972: 22–23].

Из воспоминаний К.В. Горшковой о лекциях Р.И. Аванесова по старославянскому языку: "Возможно предельная строгость композиции лекций, выверенность всех иллюстративных примеров, логика создавали безупречную тишину и дисциплину в аудитории. Курс в основном был ориентирован на сравнительно-историческое языкознание, но включались и сведения о системной организации языка. На этих лекциях решилась моя профессиональная судьба. Я решила специализироваться по языкознанию, по историко-лингвистическим дисциплинам. Судьба была ко мне благосклонна: в аспирантуре я училась уже в МГУ под руководством Рубена Ивановича" [Горшкова 1996: 163].

С 1939 г. Р.И. Аванесов работал в системе Академии наук. В Институте русского языка он последовательно заведовал сектором диалектологии, сектором сравнительно-исторического изучения славянских языков, сектором исторической грамматики и лексикологии, а также объединенным сектором истории языка и диалектологии.

Р.И. Аванесов в течение многих лет был участником работы совета по сценической речи при ВТО и консультантом актеров и режиссеров в Методическом совете ВТО.

В 1925 г. Р.И. Аванесов был избран членом Московской диалектологической комиссии при Академии наук, и с тех пор занятия диалектологией стали основой его научно-исследовательской деятельности. В 1935 г. ему присваивают ученое звание профессора и ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации. В 1948 г. Р.И. Аванесов защитил докторскую диссертацию на тему: "Исследования в области русской диалектологии". В 1958 г. Р.И. Аванесов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1965 г. – почетным членом Лингвистического общества Чехословацкой Академии наук, в 1973 г. – почетным доктором Варшавского университета, в 1978 г. – иностранным членом Академии наук и литературы в Майнце и иностранным членом Саксонской Академии наук. В 1968 г. Чехословацкая Академия наук наградила Р.И. Аванесова серебряной медалью "За заслуги в развитии общественных наук". За большие заслуги в области диалектологии и лингвистической географии Р.И. Аванесову была присуждена Государственная премия СССР 1971 года.

Р.И. Аванесов являлся членом Советского комитета славистов с основания его в 1956 г., активным участником ряда Международных съездов славистов, председателем комиссии Общеславянского лингвистического атласа при Международном комитете славистов и Советском комитете славистов. Он выступал в качестве председателя Научного совета по диалектологии и истории языка, председателя Комиссии

по фонологии и фонетике Отделения литературы и языка АН СССР. В 1967 г. Р.И. Аванесов избирался вице-президентом Международного общества фонетических наук и членом Международной фонологической ассоциации.

Научное наследие Р.И. Аванесова – это основа для дальнейших изысканий в области фонетики и фонологии русского языка, русской диалектологии, русистики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов Р.И. 1947 – Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9 – Филология. 1947. № 9.

Аванесов Р.И. 1949 – Очерк русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов Р.И. 1954 – Общенародный язык и местные диалекты на разных этапах развития общества. М., 1954.

Аванесов Р.И 1955 – Ударение в современном русском литературном языке. М., 1955.

Аванесов Р И 1956 – Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов Р.И. 1970а – Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y* // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Аванесов Р.И. 1970б – Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Аванесов Р.И. 1974 – Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р.И. 1984 – Русское литературное произношение. М., 1984.

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. 1931 – Говоры Верхнего Поветлужья. Фонетика и диалектные группы. Нижний Новгород, 1931.

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. 1945 – Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1945.

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. 1970а – Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. 1970б – Система фонем русского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Бодуэн де Куртенэ И.А 1963 – Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избр. труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.

Горшкова К.В. 1996 – Воспоминания о МИФЛИ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9 – Филология. 1996. № 3.

ГРЯ 1953 – Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.

Зализняк А.А. 1967 – Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк А А. 1977 – Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Зализняк А.А. 1985 – От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Орлова В.Г., Горшкова К.В. 1972 – Рубен Иванович Аванесов (к семидесятилетию со дня рождения и пятидесятилетию научной деятельности) // Русское и славянское языкознание. М., 1972.

ОСРЯ 1989 – Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1989.

Панов М.В. 1972 – Р.И. Аванесов – фонолог // Русское и славянское языкознание. М., 1972.

Пожарицкая С.К. 1982 – Рубен Иванович Аванесов (к 80-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9 – Филология. 1982. № 3.

Trubetzkoy N. 1937 – Über eine neue Kritik des Phonembegriffes // Archiv für vergleichende Phonetik. Bd. I. Hf. 3, 1937.

№ 4 2002

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Языки мира. Романские языки / Под ред. И.И. Челышевой, Б.П. Нарумова, О.Н. Романовой. М., Academia, 2001. 718 с.

Рецензируемая книга представляет собой очередной выпуск многотомного энциклопедического издания "Языки мира", подготавливаемого Институтом языкознания РАН. Описание языков выполняется согласно определенному стандарту, в соответствии с типологической схемой, разработанной Рабочей группой ИЯ для группы языков, большого языка и малого языка. За последние полстолетия романские исследования приобрели в России огромный размах, русская романистика добилась больших успехов, были изданы вузовские курсы по романской филологии и по отдельным аспектам больших романских языков, сопоставительно-типологические исследования романских языков, в том числе и по сопоставлению этих языков с русским. Были проведены исследования и по малым романским языкам. Однако недоставало более полного описания романских языков в целом. Данная книга восполняет этот пробел, являясь самым полным описанием романских языков, осуществленным в России.

Среди авторов статей: Т.Б. Алисова, Н.А. Бокадорова, Е.М. Вольф, Г.М. Горенко, О.А. Гулыга, Т.Ю. Загрязкина, А.М. Лободанов, Л.И. Лухт, Е.И. Морозова, Б.П. Нарумов, Т.А. Репина, Е.А. Реферовская, Н.Л. Сухачев, И.И. Челышева, Т.З. Черданцева. Особенно большую работу проделали И.И. Челышева и Б.П. Нарумов. И.И. Челышева, соавтор вводной статьи "Романские языки", является также автором или соавтором ряда крупных статей, Б.П. Нарумов – автор большой статьи об испанском языке, ему принадлежит также описание ряда малых романских языков Пиренейского и Балканского ареалов, многие из которых с такой подробностью описываются в нашей стране впервые. В процессе работы авторам довелось выполнить и некоторые "полевые работы", то есть провести исследование языковых фактов на местах, так что языковой материал добывался не только из других книг. Так, И.И. Челышева объездила север Италии, изучая диалекты, побывала во Фриули, Б.П. Нарумов был в Галисии и Фриули, Г.М. Горенко, писавшая статью о ретороманском языке, побывала в зоне его распространения и др.

Основная трудность исследования заключалась в выделении и классификации романских языков (идиомов), в том, что считать отдельным языком, а что – диалектом, и как их классифицировать. В основе классификации языков внутри языковой семьи нередко лежит географический принцип. Например, говорят о западных, южных и восточных славянских языках, и эти разграничения, в целом, остаются незыблемыми. Среди германских различают восточные (готский и др.), западные (немецкий, нидерландский, английский) и северные (скандинавские). В иранских языках выделяют две основные группы: западную и восточную и т.п. В романистике подобное деление оказалось непродуктивным ввиду специфичности формирования романских языков: они образовались не вследствие рассеяния и последующей консолидации племен, а "на месте", из готового народно-латинского материала. Поэтому, например, оппозиция западный/восточный интерпретировалась в романистике различно на основании разных критериев. Наиболее распространенной является трактовка, при которой к западнороманским относятся все языки, кроме балканских – румынского и малых языков Балканского полуострова. Но в истории романистики предлагались и другие варианты: к восточно-романским относился также весь итальянский или только южноитальянский (до линии Специя–Римини). В настоящее время в романистике чаще используется классификация, основанная на географическом принципе, которая базируется, однако,

не на "странах света", а на латинском названии соответствующих областей, подвергшихся романизации: выделяются языки иберо-романские, галло-романские, итало-романские, ретороманский, балкано-романские. Такая классификация фактически принята в рецензируемой книге, но дается она "неявным" образом, нет специальных глав или разделов под такими наименованиями. Но описание следует определенному порядку. После вводной статьи о романских языках помещена статья об итальянском языке, что вполне логично, учитывая центральное положение этого языка в системе романских языков. К нему примыкают описания связанных с ним идиом: корсиканского, сардинского, истророманского. Затем идет статья о французском языке, за которым следуют описания окситанского, франкопровансальского и гасконского. Далее идет ретороманский блок: ретороманский Граубюндена, фриульский, ладинский. Потом – иберийская группа, начинающаяся с испанского языка и включающая португальский, каталанский, галисийский, астурийский, арагонский, сефардский. Восточно-романский ареал включает румынский, арумынский, истрорумынский, мегленорумынский. Завершается описание статьей о вымершем далматинском языке. Мы так подробно описали содержание, чтобы подчеркнуть, что внутри каждой группы языки располагаются не по географической их близости, но по степени их социальной значимости (см., например, расположение статей внутри иберийского раздела).

Трудности классификации связаны с тем, что она зависит от еще более сложного вопроса, касающегося числа и номенклатуры самих романских языков. Дело в том, что ареал романских языков подобен ковру, состоящему из сотен мелких волосков, в котором краски постепенно переходят одна в другую вследствие несовпадения изоглосс. Неслучайно поэтому А. Алонсо предложил концентрическую классификацию романских языков, центральная часть которой составляет "непрерывную Романию", где языки связаны постепенными переходами. Она располагается вокруг Западного Средиземноморья и охватывает языки португальский, галисийский, испанский, каталанский, окситанский (провансальский), итальянский, близкие к общероманскому прототипу. К некоторым из этих языков примыкает язык, более далеко отстоящий от романского прототипа. К окситанскому примыкает французский, к итальянскому – ретороманский, на востоке особый ареал составляет румынский, имеющий некоторые сближения с южноитальянскими диалектами. Эти языки образуют как бы элементы внешнего круга, но они между собой не связаны, представляя тем самым "прерывистую Романию". Некоторые романские языки совмещают признаки двух своих соседей, например каталанский – испанского и французского. Бадиа Маргарит назвал их "языки-мосты" (lengua-puente). В этом нетрудно убедиться на простейшем примере, так, "выход" будет по-французски *sortie*, по-каталански *sortida*, по-испански *salida* (каталанский язык как бы взял основу от французского языка и суффикс от испанского).

В разных трудах приводится различное число романских языков. Даже если общее количество языков совпадает, то могут быть различия в их номенклатуре. Так, К. Тальявини в своем "Introduzione alla filologia romanza" (1972 г.) выделяет 11–12 языков: румынский, далматинский, итальянский, сардинский, ретороманский, французский, франкопровансальский, окситанский (с гасконским), каталанский, испанский, португальский. В курсе Т.Б. Алисовой, Т.А. Репиной, М.А. Таривердиевой "Введение в романскую филологию" (1987) перечисляется 10–12 языков: французский, провансальский (= окситанский), каталанский, испанский, португальский (и галисийский), итальянский, сардинский, ретороманский, румынский (и молдавский), далматинский. Оба списка содержат 14 глоссонимов, из которых 4 (более четверти) встречаются только в одном из них. В сводном труде "Lexikon der Romanistischen Linguistik" (Tübingen, 1988) перечисляется 17 языков: румынский, далматинский, истророманский, фриульский, ладинский, граубюнденский ретороманский, итальянский, корсиканский, сардинский, французский, окситанский, каталанский, арагонско-наваррский, испанский, астурийско-леонский, галисийский, португальский. В рецензируемом труде описывается 23 идиома.

Как видно, основная сложность, с которой пришлось столкнуться авторам рецензируемого труда, состоит в различении понятий "язык" и "диалект". На основании совокупности вне- и внутриязыковых критериев они убедительно решают эту "вечную" проблему романистики. Учитывая отсутствие четких различий между языком и диалектом и наличие переходных случаев, авторы вводят промежуточное понятие "язык/диалект", указывающее на диалект, принимающий некоторые функции языка. В категорию "язык/диалект" включено 7 идиомов: корсиканский, истророманский, гасконский, арагонский, арумынский, истрорумынский, мегленорумынский. 16 идиомов описываются в ранге языка: итальянский, сардинский, французский, окситанский, франкопровансальский, ретороман-

ский (граубюнденский), фриульский, ладинский, испанский, португальский, каталанский, галисийский, астурийский, еврейско-испанский (сефардский), румынский, далматинский. Всего в книге описывается или упоминается более 600 глоссонимов – номинаций различных идиом. Собственно диалекты языков кратко характеризуются в статьях, посвященных соответствующему языку. Исключение сделано для диалектов итальянского языка, которым посвящена отдельная статья. Это вполне обоснованно, так как итальянские диалекты крайне неоднородны в романистике; как говорилось выше, существуют опыты разделения итальянского ареала на 2 или 3 части. Северноитальянские диалекты имеют большие схождения с галло-романскими языками, тогда как в южноитальянских диалектах отмечаются типологические совпадения с романскими идиомами Балкан. Их описание представляет общероманский интерес, и включение особого раздела в книгу обогащает общую картину романских языков.

Исторический комментарий к языкам также включен в основное описание. Здесь исключение сделано для французского языка, особый очерк посвящен старофранцузскому языку. Старофранцузский язык типологически отличается от современного французского языка. Французский язык прошел более интенсивный путь развития, чем другие романские языки. Итальянский и испанский языки в целом свою современную форму получили уже в XIII–XIV веках, тогда как во французском в это время начался новый цикл глубоких преобразований в структуре языка. Французский лингвист П. Гиро сказал образно, что французский язык не брат испанского и итальянского языков, а их племянник. Старофранцузский был языком с богатой и разнообразной литературой, было бы недостаточным для него ограничиться небольшим историческим комментарием, и поэтому следует одобрить включение в том отдельного очерка, посвященному этому языку.

Романские языки сыграли огромную роль в лингвистической истории человечества. Вследствие колониальной экспансии Испании, Португалии, Франции они распространились по всем континентам и стали первой по численности группой языков в Европе и третьей во всемирном масштабе (после синотибетской и индийской). В рецензируемой книге подробнейшим образом описываются романские языки Европы, всего ареала, образовавшегося вследствие романизации. Как известно, этот первичный ареал распространения романских языков называют Романией (Romania). В статье о французском языке описываются особенности французского языка за пределами Франции: в Бельгии, Швейцарии и др. Но помимо этого существуют и другие романоязычные области. Прежде всего это так называемая Вторая Романия (французы называют ее aire de dispersion "зоной рассеяния"), включающая те страны, куда в связи с колонизацией переселились значительные слои романоязычных европейцев (испанцев, португальцев, французов), образовавшие там население, для которого романский язык является родным. Это прежде всего страны Америки: Квебек, Гаити, Бразилия, многочисленные испаноязычные страны Латинской Америки, большие группы испаноязычных и франкоязычных жителей США. Говоры этих стран описаны неравномерно: варианты испанского языка освещены, включая даже особенности языка испаноязычных американцев, все, но французский язык Новой Англии или Гаити упоминается, но не характеризуется. Третья романоязычная область (Третья Романия, aire d'expansion "зона экспансии") состоит из тех бывших колоний Испании, Португалии, Франции, Бельгии, где романские языки не являются родными для местного населения, но используются как языки официального или межэтнического общения, преподавания и т.п. Таковы многие африканские страны с французским языком, Экваториальная Гвинея с испанским, португалоязычные Ангола, Мозамбик, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи. В данном случае описываются особенности испанского языка в Экваториальной Гвинее и на Филиппинах, тогда как специфика французского и португальского языков в Африке обходится молчанием хотя, например, французский язык в Африке описан весьма подробно, в том числе и в российском языкознании.

Наконец, еще одной зоной, примыкающей к Романии, являются страны с креольскими языками. Существует целый ряд креольских языков на французской, испанской или португальской основе в Америке и Африке. Их упоминание в книге о романских языках представляет двоякий интерес: во-первых, креолоязычное население часто двуязычно и сохраняет (например, в Гаити) наряду с креольским и исконный романский язык, что ставит вопрос о взаимодействии двух вариантов речи; во-вторых, что бы ни писали о формировании креольских языков, о влиянии, например, на них африканских наречий, креольские языки в определенной степени продолжают и развивают особенности разговорной речи и просторечия импортированного романского языка. Хорошо, что кратко характеризуются креольские языки в разделах об испанском и португальском языках,

и следует пожалеть об отсутствии аналогичного материала в главе о французском языке, хотя существует по меньшей мере четыре разновидности франкокреольских языков.

Надо, однако, отметить, что в книге учитывается и кратко характеризуется язык диаспор, например, испанский язык в США, французских поселений в Сицилии и Южной Италии и др. Особенно тщательно описываются диаспорные и островные формы романской речи в пределах европейской Романии. Если территориальные варианты описаны весьма подробно, то на социальные варианты обращалось меньшее внимание, а между тем народное просторечие играет бо́льшую роль в общем развитии языка, чем какой-нибудь отдельно взятый диалект. Это касается, в частности, французского языка. Французское просторечие (le français populaire) это не какой-нибудь полуискусственный жаргон, а, как считают историки языка, продолжение народной речи Иль-де-Франса, в нем сохраняются многие черты, которые были свойственны французской речи в прошлом, и формируются новые явления, отражающие некоторые тенденции языка, которые в других идиомах фиксируются на нормативном уровне. Так, отмечаемое в итальянских диалектах расчленение относительного местоимения на общий союз и притяжательный детерминатив является характерным и для французского просторечия. Сходные элементы между романскими языками устанавливаются на уровне: а) некодифицированных форм языка (диалектов, просторечия); б) кодифицированной речи в одном языке и некодифицированной в другом; в) кодифицированных форм обоих языков.

Положительной стороной книги является показ многих дискуссионных вопросов романистики, особенно касающихся разграничения и классификации идиом. Коснемся некоторых спорных проблем.

Несколько нечетко излагаются вопросы, связанные с категорией рода и числа у имен, особенно во французском языке. На с. 36 говорится, что романские существительные обладают классифицирующей категорией рода. На с. 425 утверждается, что в сфере одушевленных существительных можно говорить о словоизменительной категории рода. Представляется, что то же можно вполне приложить к французскому, а может быть и к другим романским языкам. В русском языке естественный род образуется с помощью суффиксов, в испанском и французском языках он передается теми же средствами, что и род прилагательных, у которых он является, несомненно, словоизменительной категорией. Таким образом, в ряде романских языков одушевленные существительные способны изменяться по роду. Неточно изображается формирование форм рода в двух кодах французского языка (устном и письменном). На с. 37 и др. указывается, что "добавление флексии *-e* в письменной форме приводит в устной форме к дополнительному согласному в исходе основы" (пример: *vert – verte*). Устная форма языка не зависит от правил орфографии (обратное более точно), конечный согласный в устной речи звучит сам по себе, независимо от орфографических правил, и правильнее, по-видимому, говорить, что у многих французских основ имеет место чередование форм – краткой (используется в форме м.р.) и полной (ж.р.). Это чередование основ отмечается и в спряжении многих "нестандартных" глаголов (*il part – ils partent*), и при словообразовании (*vert – vertement*). Его можно также трактовать как вид внутренней флексии. В книге неоднократно говорится, что во французском языке преобладает выражение рода (и числа) неморфологическим путем, с помощью артикля и других детерминативов. Многие современные французские исследователи (О. Соважо и др.) отмечают, что эта роль детерминативов сильно преувеличена. Что касается рода, то у французских детерминативов (*les, des, ces, mes*, etc.) число нейтрализует род, то есть во множественном числе они рода не различают. В тексте существительное часто употребляется без артикля или с элидированным артиклем, также не различающим род. Liaison тоже может затушевывать родовую принадлежность имени, напр., *mon ami(e)*. Более чем в половине случаев элементы именных групп не показывают род. Окружение (включая артикль) не играет исключительной роли в выражении рода и числа существительного. Разумеется, артикль участвует нередко в опознании рода имени, но информация о роде имени извлекается говорящим прежде всего из формы и значения самого имени.

Вряд ли правильно, следуя традиции, считать инфинитивные окончания – *-er*; *-ir*; *-ar*, *-ir*; *-are*, *-ire* – глагольным суффиксом, образующим глагол от существительного или прилагательного (с. 84). Это не суффиксы, а флексии инфинитива, символизирующие всю глагольную парадигму, присоединение которой к основе имени обеспечивает переход (конверсию) имени в класс глаголов. Они пропадают при спряжении глагола. Подлинными суффиксами являются ит. *-izz(are)*, фр. *-is(er)*, etc. Ит. *armare* представляется неудачным примером оглаголивания имени, этот глагол не произведен от *arma*, но прямо продолжает лат. *armare*, так что если имел место переход от имени к глаголу, то он

произошел уже в латыни. Также можно было бы отказаться и от школьной традиции именовать служебные местоимения типа фр. *en*, *y* адвербиальными местоимениями, поскольку они (особенно *en*) чаще всего замещают имя в функции дополнения и составляют единую подсистему со служебными объектными местоимениями.

Несколько противоречиво освещается культура и язык сефардов в Оттоманской империи. На с. 561 говорится, что они "постепенно превратились в наиболее отсталую в культурном отношении часть населения". Однако далее сообщается, что сефардская интеллигенция пользовалась французским языком, что в XVI–XVIII вв. у сефардов была значительная светская литература, а в начале XVIII в. было предпринято издание 18-томной энциклопедии, рассчитанной на широкого читателя. К этому следует добавить, что в силу требований богослужения всякий сефард-мужчина обязан был знать хоть сколько-нибудь грамоту и уметь читать Библию. Вряд ли все народы Оттоманской империи были на таком же уровне культуры. Что касается языка, то совершенно правильно указывается, что сефардский язык сохранил многие архаические черты испанского языка, однако, как это обычно бывает в островных языках, в нем развились новые тенденции, которые отмечаются в статье, например, устранение чередований по дифтонгизации в корнях, как это произошло несколько раньше во французском языке.

Некоторые частные неточности. С. 33 – неверно, что лат. конечный *m* "исчез, не оставив следа в Р⟨оманских⟩ Я⟨зыках⟩". Следы его сохранились в ряде односложных употребительных слов: фр. *rien* (от лат. *rem*), исп. *quien* (от. лат. *quem*), фр. *mon, ton, son* (от лат. *meum, tuum, suum*). С. 215 – неудачный пример: сло́ва *la troue* "нора" во французском языке нет, правильно *le trou* (м.р.). Если нужен был пример слова ж.р. с исходом на *-oue*, то можно было бы выбрать между *la roue, la joue, la boue* и еще десятком слов. Некоторые опечатки: с. 563 – *нунн* (семитская буква), нужно *нун*; с. 235 – *le moral* "боевой дух" (*la morale* "мораль"), *baignoire* "ванна"; с. 237 – *un chien fidel* (нужно *fidèle*). С. 248 – форма ж.р. *la députée*, свойственная франко-канадскому, существует и в языке метрополии (см. Le Petit Larousse, 1996).

Последнее замечание касается описания графических систем рассматриваемых языков, что предусмотрено особым пунктом типовых схем статей. Все романские языки (кроме молдавского языка Приднестровья) пользуются латинским алфавитом. Но классическая латынь в фонетическом отношении была довольно бедной, в ней отсутствовали аффрикаты, палатализованные согласные, целый ряд различительных фонетических черт, возникших впоследствии в романских языках. Романским народам пришлось приспосабливать латинскую графическую систему к изображению новых звуков. При этом разным языкам приходилось иногда решать аналогичные проблемы: различение взрывного и фрикативного значений у букв C и G, обозначение палатализованных L и N, обозначение открытых и закрытых E и O и др. В связи с этим часто используются полиграфы (буквосочетания), диакритики и другие графические средства. К сожалению, не всегда при разъяснении графики в книге уточняется значение букв, полиграфов и диакритиков. Фонетические таблицы заполняются знаками МФТ, слова-примеры приводятся часто в принятом в данном языке написании, но не всегда можно понять соотношение между тем и другим обозначением. Разумеется, для широко известных языков в этом может не быть большой необходимости, хотя, например, для испанского языка дано краткое и вместе с тем ясное и полное изложение правил графики и орфографии (с. 416–417). Но для редких языков это весьма желательно. Например, в параграфе об окситанском языке говорится, что в нем используется 10 диграфов, в том числе *ch, tg, tj*, но как они читаются, не разъяснено, а между прочим, данный том будет несомненно широко использоваться как справочное издание. В еще большей степени это можно отнести к статье о ретороманском (с. 339). Здесь отмечаются полиграфы *dsch, s-ch, stg, tg* (без пояснения их чтения), непонятна ссылка на итальянский диграф *cl* (разве есть такой?). Далее дается сравнительная таблица ретороманских вариантов некоторых слов, но как читаются примеры, остается неясным.

Очень хорошо, что приводятся наименования идиомов на немецком и английском языках, к сожалению, не всегда даются французские варианты (например, для арумынского).

Большую ценность в книге представляют упоминания о параллелях специфических явлений в разных романских языках и диалектах. Например, указывается, что предлог перед одушевленным прямым объектом употребляется в испанском, гасконском, румынском, южноитальянских диалектах. Авторы часто отмечают подобные схождения, хотя и оговаривают, что технически осуществить это полностью было бы невозможно. Что касается причин специфики форм в разных романских языках, то разнообразные суждения, которые высказывались по этому поводу,

могут быть сведены к трем факторам: влиянию субстрата, специфике импортированного языка (например, известная теория Моля о диалектальном членении народной латыни) и спонтанному проявлению общелингвистической тенденции. Особенно интересны явления, подпадающие под третью группу факторов. Романский ареал очень интересен в том отношении, что в разных его частях независимо друг от друга порой пробиваются в литературных языках и диалектах одни и те же явления и тенденции. Приведенный в книге прекрасно описанный огромный материал позволяет выявить широкий круг этих динамических фреквенталий, что могло бы явиться существенным вкладом в общую лингвистику. В ряде случаев авторы приводят факты, общие для данного описываемого языка и его нероманского окружения, например, немецкие параллели для ретороманского языка. Сбор подобных фактов можно было бы расширить. Например, на с. 643 отмечаются в арумынском языке необычные для романских языков трехсогласные группы в начале слова, например, *mbrumut* "брать взаймы" (ср. фр. *emprunter*), *mpl*; *ntr*, etc. Быть может, стоило было здесь обратить внимание на то, что подобные звукосочетания характерны для албанского языка, с которым контактируют группы арумынов, например, *mbret* "король" (от лат. *imperator*), *mbledh* "собирать" и т.п.

Книга в основном написана живо, читается с увлечением. Очень интересны "внешнелингвистические" комментарии, касающиеся происхождения, развития, современного функционирования языков. Книга снабжена прекрасным справочным аппаратом. В приложении читатель находит список сокращений, принятых при обозначении языков и диалектов, грандиозный указатель романских языков и диалектов, упомянутых в книге (более 600 названий), в заключение приводятся типовые схемы статей.

Нельзя не отметить особо прекрасно выполненные карты (Ю.Б. Коряков). Их 10, они составляют целый атлас, показывая романские языки в мире, языки четырех основных зон Старой Романии (Франция и Италия с сопредельными регионами, Пиренейский полуостров, Румыния), зоны размещения "малых" языков: Южные Балканы, кантон Граубюндена в Швейцарии, Северо-Восточная Италия, далее Истрия, Фриули, Венеция-Джулия и, наконец, Корсика и Сардиния. Впервые в российской романистике представлены с такой подробностью ареалы распространения малых языков, изучение которых сейчас является одной из актуальных проблем романистики.

Можно поздравить отечественных романистов с выходом этого труда. Огромный материал, собранный и проанализированный в нем, даст возможность осуществить следующий шаг: выявить аналогичные явления, наблюдающиеся в разных романских языках, и тем самым установить универсалии, фреквенталии и уникалии в сфере романских языков.

В.Г. Гак

***K. Meng*. Russlanddeutsche Sprachbiografien.** Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Unter Mitarbeit von Ekaterina Protassova. (= Studien zur deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache; Bd. 21). Tübingen: Narr, 2001. S. 549.

Рецензируемая книга посвящена исследованию языковой ситуации российских немцев, переселившихся в Германию за последние 10–15 лет. По официальным данным, с 1980 по 1997 год Германия приняла 2,8 миллиона переселенцев, в том числе 1,6 млн. из Советского Союза. Понятно, что изучение и описание процессов языковой интеграции переселенцев представляет значительный лингвистический интерес. В известном смысле сложившуюся ситуацию можно рассматривать как массовый лингвистический эксперимент, поставленный самой жизнью.

Языковая ситуация российских немцев заставляет с новых позиций обратиться к таким, казалось бы, устоявшимся понятиям, как родной vs. иностранный язык, литературная норма, двуязычие и др. Уникальность данной ситуации с точки зрения задач лингвистического описания заключается в том, что на протяжении исторически короткого периода рассматриваемая этническая группа по меньшей мере два раза поменяла тип двуязычия (о разных типах билингвизма: субординативном, координативном, смешанном и др. см. [Беликов, Крысин 2001: 55–59]).

До Первой мировой войны единственным языком поволжских немцев, переселившихся в Россию при Екатерине Второй (ср. ее известный манифест от 22 июля 1763 г.), был немецкий, точнее, одна из его к тому времени уже достаточно архаизированных диалектных ипостасей. В период между 1914 и 1918 гг. российские немцы оказались в трудном

положении, которое оставило след и в языке (см. подробнее [Brandes 1997]). Национальная политика, проводившаяся в первые годы после революции, дала российским немцам возможность получения школьного образования на родном языке и овладения русским языком в объеме, превосходящем задачи бытового общения. Вследствие этого соответствующее поколение владеет немецкой – а довольно часто и русской – литературной нормой на относительно неплохом уровне (см. [Simon 1986; Lötzsch 1992]).

Резкое изменение советской национальной политики в 30-е годы и последовавшая во время Второй мировой войны депортация российских немцев привели к практической потере родного языка. Причем принудительная русификация не сделала для них русский язык по-настоящему родным, в том смысле, что уровень владения им весьма далек от идеала адекватного употребления языка в различных функциональных регистрах (на причинах мы остановимся несколько ниже). После 1955 г. ситуация несколько изменилась, но немецкий язык изучался в школе уже не в качестве родного, как в 20-е годы, а в качестве иностранного. Более того, молодые люди лишились внутренней мотивации для овладения немецким языком, поскольку возможности его практического применения в послевоенной советской действительности были более чем ограничены (подробнее см. [Brandes 1997; Hilkes, Stricker 1997]). Массовое переселение российских немцев в Германию в последние 10–15 лет потребовало от них быстрого и эффективного овладения немецким языком.

В результате часто в одной семье (а российские немцы, как правило, переселяются большими традиционными семьями, объединяющими четыре поколения) живут вместе и общаются не просто представители разных поколений, но и носители разных видов двуязычия или полуязычия (об этом понятии см. [Полинская 1987]). Так, поколение прадедушек и прабабушек владееет немецким языком как родным. На немецком представители этого поколения говорили с рождения в семье и учились читать и писать в школе. Их устные навыки приближены к литературному стандарту. Они также достаточно уверенно владеют простыми навыками письменной речи. Немецким языком они пользовались всю жизнь наряду с русским в четком функциональном распределении. Их вид двуязычия может быть, таким образом, охарактеризован как диглоссия (см. [Беликов, Крысин 2001: 58–59]).

Поколение дедушек и бабушек является носителем немецкого языка лишь постольку, поскольку его представители с рождения говорили на нем в семье. Их обучение в школе проходило исключительно по-русски, что привело к тому, что их немецкий язык в большей степени диалектно окрашен, чем у представителей более старшего поколения. В определенных бытовых сферах коммуникации немецкий язык использовался на протяжении всей жизни, тем не менее его ограниченность и удаленность от литературного стандарта представляет собой помеху для языковой интеграции.

Представители поколения молодых родителей, хотя и получили в семье начальные навыки устного владения немецким языком, которые были затем дополнены элементарными письменными навыками (в школе они изучали немецкий в качестве иностранного языка), практически – то есть за исключением отдельных бытовых выражений – не владеют им. Во время обучения в школе и на протяжении всей последующей профессиональной жизни их немецкий был полностью "перекрыт" русским. Представители этого поколения испытывают максимальные сложности в процессе языковой интеграции.

Дети-подростки абсолютно не знают немецкого, а для совсем маленьких детей, родившихся в Германии или переехавших в младенческом возрасте, немецкий является первым или даже единственным родным языком.

Дополнительная сложность языковой интеграции российских немцев состоит в том, что и их русский далеко не идеален, во всяком случае весьма далек от литературного стандарта. Таким образом, многие из них (в первую очередь, по-видимому, представители поколения родителей) вообще не владеют ни одним языком в подлинном смысле этого слова. Русский язык исследованных в рецензируемой книге информантов носит явные черты просторечия. Среди них Е. Протасова – автор соответствующей главы – выделяет чрезмерное употребление диминутивов, обращения типа *сына*, *сыночка*; употребление возвратного *-ся* в случаях, когда норма предписывает *-сь* (*разбилася*, *пачкалася*, *торопилася*); употребление предлога *с* вместо *из* (*несет с магазина*); употребление форм на *-а* типа *тута*, *здеся*, *тама*, *потома*, образование квазиадъективных форм от парапоссесивов типа *у ёшного отца*. Показателем неуверенности в пользовании русским языком является также характерное для многих информантов перечислительное употребление различных вариантов одной и той же лексической единицы (с. 448–449). Следует, однако, отметить, что некоторые представители старшего поколения, частично имевшие возможность прямого доступа к русским диа-

лектам соответствующих областей, адекватно владеют региональными вариантами и умеют их творчески употреблять (ср., в первую очередь, сказки, которые они рассказывают маленьким внукам – с. 218–224).

Одна из причин принципиальной ориентации русского языка российских немцев на традиции просторечия усматривается в том, что овладение русским языком протекало для них, как правило, в условиях нерусского (большей частью казахского) окружения. Впрочем, и те русские, которые окружали российских немцев после депортации, вряд ли владели литературной нормой в полном объеме. Известно, в частности, что значительная часть русского населения Казахстана – это бывшие заключенные и ссыльные из разных регионов СССР и разных социальных групп (вспомним хотя бы "Балладу про генеральскую дочь" А. Галича и авторский комментарий к ней)[1].

Вообще, затрагиваемые в рецензируемой книге вопросы, связанные с русским просторечием, представляют значительный интерес и безотносительно к языковой ситуации российских немцев. Степень распространенности просторечия, его реальный статус (не только в смысле его отношения к литературной норме, но и в связи с той ролью, которую оно реально играет в общении многих носителей русского языка), его формы и разновидности, степень допустимого варьирования – все это вопросы, на которые до сих пор еще не получено однозначных ответов.

Важнейшей особенностью языка переселенцев является обилие немецких лексических единиц, вставляемых в русскую речь и оформляемых в соответствии с русскими фонетическими и морфологическими правилами. Здесь важно различать выражения, изначально присутствующие в речи под влиянием унаследованного (часто крайне редуцированного) немецкого, и выражения, сформировавшиеся уже после переселения под влиянием немецкого окружения. Например, *куссе* (*Kuss* – 'поцелуй'), *шац* (*Schatz* – 'сокровище'; в качестве обращения ≈ 'милый/милая'), *майн кинд* (*mein Kind* – 'дитя мое'), *ома* (*Oma* – 'бабушка'), *опка* (*Opa* – 'дедушка'). В качестве примеров немецкого влияния на с. 450 приводятся также и случаи ошибочного управления; например, *жениться на русскую девчонку*, где в употреблении аккузатива *русскую девчонку* усматривается параллель с немецким аккузативным управлением глагола *heiraten*. Позволим себе предположить, что в данном случае речь идет о достаточно типичном для просторечия ненормативном управлении (ср. в скетчах А. Райкина *у сестре она, к сестры поехала*).

Что касается немецких слов, вставляемых в русскую речь под влиянием немецкого окружения, то на них, по-видимому, стоит остановиться несколько подробнее. Это, в первую очередь, обозначения новых с точки зрения говорящих реалий: *хаусмайстер* (*Hausmeister* – 'ответственный за эксплуатацию здания'; ≈ 'управдом'), *киндергельд* (*Kindergeld* – 'денежное пособие на ребенка'), *ферзихер* (*Versicherungsvertreter* – 'страховой агент'), *социал* или *социалка* (в различных значениях: *Sozialamt* – 'ведомство по вопросам социального обеспечения', *Sozialwohnung* – 'квартира в составе социально-жилищного строительства' или *Sozialhilfe* – 'пособие для малоимущих'). Менее очевидны причины заимствования в случаях типа *банхоф* (с ударением на втором слоге; от *Bahnhof* – 'вокзал'). Возможно, вокзал в Германии, с точки зрения говорящих, настолько сильно отличается от того, что они называли *вокзалом* по-русски, что они рассматривают вокзал как своего рода реалию. А возможно, они и вообще никогда не использовали в своей речи слово *вокзал*. Подобный материал интересен и для решения чисто лингвистических задач: он позволяет, в частности, изучать продуктивные словообразовательные модели (ср. *социалка*), предпочтительные способы сокращения морфологически сложных слов (ср. *ферзихер*) и пр.

Довольно большую группу адаптированных немецких заимствований составляют слова и выражения, обозначающие сущности, с которыми переселенцы постоянно сталкиваются в быту. Предпочтение оказывается немецким заимствованиям, даже если существует хорошо известное (и явно знакомое переселенцам) русское слово с аналогичным значением. Ср. *тапеты* (*Tapeten* – 'обои'), *келер* (*Keller* – 'подвал'), *тепих* (*Teppich* – 'ковер'), *рехнунги* (*Rechnungen* – 'счета'), *ангебот* [(*Sonder-*)*Angebot* – 'уценка, скидка']. Одна из причин предпочтения заимствований в этих случаях кроется, видимо, в том, что соответствующие концепты встроены в другие, отличные от "отечественных" системы организации быта. Иными словами, для переселенцев это принципиально другие обои, ковры и подвалы – элементы нового быта, требующие иных, отличных от русских,

[1] Оговорим, что сказанное не следует понимать в том смысле, что среди российских немцев вообще нет образованных людей. Однако люди с высшим образованием крайне редко переселяются в Германию, справедливо полагая, что им вряд ли удастся найти работу, соответствующую уровню их профессиональных и статусных ожиданий (ср. с. 448).

наименований. Особенно яркий пример тому – слово *ангебот*, употребляемое в самых разнообразных сочетаниях: *купить по ангеботу, когда у них ангебот будет, ангебот где идет* (с. 454). По мнению авторов, слова *уценка* и *скидка* ассоциируются с плохим качеством предлагаемых товаров, в то время как *по ангеботу* можно купить и очень хорошие (по крайней мере, с точки зрения говорящего) вещи. Более реалистичным представляется другое объяснение. Поскольку испытуемые регулярно слышат или читают соответствующие немецкие слова – например, в ситуации приобретения обозначаемых ими товаров, – более экономным с когнитивной точки зрения оказывается для них воспроизведение данного слова, нежели поиск адекватного русского эквивалента.

Более загадочный случай заимствований – употребление в русской речи переселенцев слов типа *Gedanken* 'мысли', *Lust* 'охота, желание, удовольствие', *Freude* 'радость', *Spaß* 'удовольствие, забава, потеха', *Erlebnis* 'переживание, событие', *träumen* 'мечтать, видеть во сне'. Трудно себе представить, что испытуемые не владеют русскими обозначениями ментальных и психических состояний. Причину заимствований следует усматривать скорее в том, что, с одной стороны, соответствующие немецкие выражения обладают иным объемом понятия, чем русские *желание, удовольствие, забава* и т.п., и могут оказаться в каких-то ситуациях более адекватными интенциям говорящего, а с другой – переселенцам вообще свойственно включать в свою речь немецкие слова и выражения, что связано с желанием поскорее выучить немецкий язык и полностью интегрироваться в новую среду. Если эта гипотеза верна, она объясняет употребление и других немецких слов в русской речи. О наличии подобного стремления свидетельствуют в какой-то степени и репетитивные немецко-русские секвенции типа *Kindergarten детский сад, Arzt фельдшер, danke спасибо, auf Wiedersehen до свидания, hier здесь*, иногда вводимые метакоммуникативными формулами *то же что, по-немецки/по-русски это, это значит* и т.п. Употребление подобных дублетов свидетельствует также и об определенной неуверенности в порождении высказываний.

При обсуждении причин вкраплений немецких заимствований в русскую речь нужно иметь в виду и возможность сознательной языковой игры. Этот фактор в рецензируемой книге не обсуждается. Возможно, у авторов, лично знакомых с испытуемыми и наблюдавших их в ряде лонгитюдных исследований (последнее относится прежде всего к К. Менг, которая работала с испытуемыми в течение нескольких лет, не только наблюдая за их речью, но и оказывая им дружескую поддержку и помощь в интеграции), есть основания исключить возможность шутливого словоупотребления как нереалистичную гипотезу. Представляется, однако, что образования типа *для зихера* (от *sicher* или *Sicherheit* 'для уверенности') родились как результат сознательной игры с языком.

Особенно интересно с лингвистической точки зрения наблюдение, что речь детей школьного возраста содержит иные заимствования, нежели речь взрослых. Заимствуются не только и не столько отдельные слова, сколько лексико-синтаксические модели. Например, *до девятого девятого* вместо *до девятого сентября* (от выражения *bis zum 9.9.*, вполне допустимого не только в письменной речи, но и в немецком разговорном языке). Понятно, что на русский язык детей накладывает отпечаток изучение соответствующих выражений в немецкой школе, да и просто ежедневное общение с учителями и сверстниками – носителями немецкого языка.

Из дискуссионных моментов можно отметить высказанное на с. 457 положение о том, что характерные для русской речи переселенцев заимствования из немецкого языка позволяют обнаружить лексические лакуны. Даже если принять далеко не бесспорное понятие лексической лакуны[2], остается неясным, каким образом приведенные выше примеры заимствований (за исключением

[2] При работе с этим понятием неизбежно возникает вопрос, относительно чего определяется лакуна. Понятие лакуны базируется на (чаще всего имплицитном) допущении, что априорно известно, какие конфигурации смысловых элементов должны быть лексикализованы в любом языке. Характерно, что наибольшее распространение понятие лексической лакуны получило в "структурной лексикологии" Э. Коссериу и его последователей, основывавшейся на представлении о том, что лексико-семантическая система любого языка должна быть устроена предсказуемо симметрично. Если принять точку зрения на конвенционализацию тех или иных номинаций как на более или менее случайный процесс, подверженный воздействию самых разных – как языковых, так и культурных – факторов, говорить о лексических лакунах можно в лучшем случае лишь в контрастивном аспекте, то есть в том смысле, что язык А не имеет конвенциональной лексической единицы для обозначения сущности X, а язык В – имеет.

разве что слов-реалий, но это тривиально) могут служить индикатором лексических лакун в русском языке.

Языковая ситуация переселенцев на сегодняшний день довольно сложна и крайне далека от гипотетического идеала, предполагающего полную интеграцию в новое языковое и культурное сообщество при сохранении русского языка. Реально мы имеем дело скорее с обратной картиной (это относится, в первую очередь, к поколению молодых родителей). Их русский язык, помимо присущих ему изначально просторечных особенностей, размывается за счет – чаще всего бессознательного – использования немецкой лексики в русском морфологическом оформлении (типа *шпрехать* вместо *говорить*). Эти процессы зашли так далеко, что русская речь переселенцев не всегда понимается приезжающими к ним в гости из России родственниками и друзьями. Их немецкий язык еще более далек от совершенства. В результате доминирующая языковая ситуация для данного поколения может быть охарактеризована как полуязычие – они стали непонятны для русских, не став понятными для немцев.

Один из основных выводов, к которому пришли авторы этого крайне интересного и полезного как в лингвистическом, так и социально-культурном отношении исследования, заключается в том, что языковая интеграция российских немцев – это длительный и сложный процесс, результаты которого станут очевидны лишь через много лет. Успешность этого процесса во многом зависит от того, насколько немецкое общество окажется в состоянии понять особенности языковой и социально-психологической ситуации переселенцев и поддержать их в преодолении трудностей интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беликов В.И., Крысин Л.П. 2001 – Социолингвистика. М., 2001.

Полинская М.С. 1987 – Полуязычие // Возникновение и функционирование контактных языков. М., 1987.

Brandes D. 1997 – Von den Verfolgungen im Ersten Weltkrieg bis zur Deportation // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland / Stricker G. (Hrsg.). Berlin, 1997.

Hilkes P., Stricker G. 1997 – Die Jahre nach dem Zweiten Weltkrieg // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland / Stricker G. (Hrsg.). Berlin, 1997.

Lötzsch R. 1992 – Sowjetische Nationalpolitik von Lenin bis Gorbatschow // Die Sowjetunion. Zerfall eines Imperiums / Hertzfeld L. (Hrsg.). Berlin, 1992.

Simon G. 1986 – Nationalismus und Nationalpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinschen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986.

Д.О. Добровольский

***O. Mladenova*. Grapes and wine in the Balkans. An ethno-linguistic study.** (Balkanologische Veröffenlichungen. Bd. 32. Fachbereich Neure Fremdsprachliche Philologien der Freien Universität Berlin). Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 1998. XVI. + 858 S., 50 Abb., 56 Karten.

Рецензируемый труд ("Виноград и вино на Балканах. Этнолингвистическое исследование") известной болгарской исследовательницы, проживающей в настоящее время в Канаде, вышел при финансовой поддержке фонда Александра Гумбольдта в серии балканологических публикаций, осуществляемых факультетом современной иностранной филологии Берлинского свободного университета.

Книга состоит из трех глав, разделенных на более мелкие разделы, 50 иллюстраций, списка литературы и лексических указателей по языкам, к ней прилагаются также 56 карт. Выбор круга лексики, связанной с виноградарством на Балканах в качестве темы специального исследования, мотивирован целым рядом лингвистических и культурологических обстоятельств. Языки и диалекты Балканского полуострова, который является одним из древнейших центров виноградарства и виноделия, содержат богатейший фактический материал, отражающий данный вид человеческой деятельности, расположенный в широком хронологическом диапазоне, начиная с древнейших письменных свидетельств у Гомера, греческих и римских античных авторов (Колумеллы, Плиния, Варрона, Афинея и Теофраста) до современных диалектных данных балканских языков (новогреческого, албанского, румынского с его южнобалканскими диалектами, болгарского, сербохорватского, а также турецкого и гагаузского).

Учитывая тот факт, что виноградарство и виноделие были освоены славянами уже после их расселения на Балканском полуострове, особый интерес в рамках данной работы вызывает исследование южнославянской виноградарской терминологии, что

позволяет, с одной стороны, выделить в южнославянских языках заимствованные элементы, а с другой – проследить процессы адаптации исконной славянской лексики (особенно это касается процесса семантических сдвигов, сужения и специализации значений, метафоризации и под.) к новым условиям. Помимо этой специальной задачи, рецензируемая монография помогает точнее представить сложную и прихотливую картину взаимодействия языков балканского региона, причем не только на макроуровне национальных языков, но и на микроуровне отдельных диалектов.

В первой, вводной, главе, названной "Язык как сокровищница созданных обществом знаний", рассматриваются некоторые основные теоретические предпосылки исследования, выполненного в лучших традициях Wörter und Sachen, обогащенных при этом современными исследовательскими подходами, в частности, этнолингвистическим. Этнолингвистический метод используется автором для изучения отношений между языком и такой областью хозяйственной деятельности, как виноградарство (последнее рассматривается как сумма действий и "народного знания" [folk knowledge]) при особом внимании к членению действительности, осуществляемой языком, и к классификации выделяемых сегментов. Среди преимуществ этнолингвистического подхода автор отмечает то, что он позволяет профессионально использовать факты языка для более глубокого проникновения в область "народного знания" и обеспечивает исследователей всеми возможными сведениями о виноградарстве, которыми обычно владеют "называтели" (name-givers). Таким образом, данный метод дает возможность рассматривать процесс номинации с точки зрения "назывателей" и обеспечивает лучшее понимание причин, по которым тот или иной предмет обозначается термином, созданным тем или иным образом.

Использование, наряду с этнолингвистическим, сравнительного подхода, характерного для балканского языкознания, обеспечивает создание обширной фактической базы, содержащей сопоставимые единицы, пригодные для дальнейшего исследования. Особое внимание в книге сосредоточено на изучении способов создания новых терминов, выделении разнообразных моделей номинации и попытке понять лежащие в их основе мыслительные процессы. Так одной из важных составляющих акта номинации является, по мысли автора, к л а с с и ф и к а ц и я, когда для мотивации нового термина выбирается один характерный признак или функция мыслительного образа обозначаемого объекта. Подобный, однажды сделанный выбор становится основанием для того, чтобы новое слово вошло в класс терминов, образованных по сходной модели мотивации. Так, например, в и н о г р а д н ы е у с ы могут быть классифицированы как з а в и т к и, и з г и б ы или с п и р а л и. Соответственно, относящиеся к ним термины могут войти в состав лексической группы, обозначающей другие, аналогичным образом классифицированные объекты (з а в и т к и в о л о с, н и т е й или в о л о к о н). Поскольку каждый объект рассматривается с разных точек зрения и обладает, по меньшей мере, несколькими признаками, которые способны привлечь внимание создателя термина, то разные термины, относящиеся к одному и тому же объекту, могут войти в разные классы. Те же самые в и н о г р а д н ы е у с ы можно интерпретировать как органы, помогающие лозе цепляться и карабкаться. Исходя из вышесказанного делается важный вывод о том, что необходимо вычленять три уровня, на каждом из которых могут существовать собственные комбинации тождества и различия: (a) уровень определения мыслительного образа; (b) уровень классификации мыслительного образа и соответствующего объекта; (c) лексический уровень (с. 8). При этом автор справедливо предостерегает, что лексическое единство балканских языков весьма обманчиво, поскольку оно далеко не всегда существует и на двух других уровнях. Так, например, народная этимология в разных языках может кардинально перестроить любую классификацию. Кроме того, сами модели номинации зачастую преодолевают границы отдельных языков в процессе семантического заимствования.

Другим существенным моментом для создательницы книги является то, какое значение осуществленные ею подходы могут иметь для исследования семантики в балканском контексте. Пристальное внимание к семантической стороне термина, стремление не упустить из виду мельчайшие детали значений и семантической мотивации, характерные для рассматриваемой книги, находятся в русле современных представлений об особой важности семантических параметров для этимологических исследований.

Как признается О. Младенова, в данной книге этимология является не самостоятельной целью, а скорее средством для достижения неких внешних по отношению к ней целей. Хотя исследование изобилует ссылками на этимологическую литературу, оно не содержит развернутых оценок тех или иных этимологий и, за некоторыми исключениями, не предлагает новых решений на основе реинтерпретации материала. При этом автор

сосредоточивает свое внимание на тех деталях этимологического анализа, которые важны для объекта ее исследования, а именно, на семантической стороне этимологии.

Основное содержание книги раскрывается во второй главе, названной "Тематическое обследование виноградарства на Балканах" и состоящей из трех основных разделов, отражающих различные аспекты виноградарства и виноделия.

Первый раздел второй главы "Народная классификация и названия частей лозы" включает подразделы, посвященные способам и моделям называния виноградной лозы и виноградника, частей лозы и ее плодов. Среди мотиваций названий лозы рассмотрены следующие: виноградная лоза как дерево (рум. *pomul vieţii* 'древо жизни', с. 22–23); виноградная лоза как "не-дерево" (среди последних привлекает внимание ассоциация виноградной лозы со змеей, ср. лат. *draco* в значении 'основная, старая часть лозы', эпитеты, прилагаемые одновременно к змее и к лозе: болг. *шарен, пъстър*, рум. *pistrui, tărcat*, а также некоторые фольклорные сюжеты, трактующие вино и змею как символы смерти и воскресения и наиболее полно представленные в своей древнейшей балканской части в мифологическом комплексе, связанном с фрако-фригийским божеством Сабазием (с. 25–27). В этом же подразделе при изложении материала, иллюстрирующего модель номинации: гибкий прут > отросток виноградной лозы > виноградная лоза (рум., греч., болг., гагауз.), подробно рассматривается слав. **loza*, производное от **lězti, *laziti* и делается справедливое заключение о том, что "распределение **loza* 'vitis vinifera' в славянских языках свидетельствует, что появление значения 'виноградная лоза' может быть отнесено к балканскому периоду истории славянских языков" (с. 29). Здесь же (с. 31–37) описаны следующие модели номинации: вьющееся растение > виноградная лоза (рум. *paviţ*, алб. *hardhi*); виноград (ягоды) > виноградная лоза (греч., алб., рум., болг.); виноградник > виноградная лоза (рум. *vie*, греч. ἀμπέλι); виноградная лоза как единица целого (ствол, корень, куст > виноградная лоза); виноградная лоза как мать (болг. *майка*, сербско-хорв. *мати*, греч. μάν(ν)α и пр.).

Рассматривая различные приемы направления роста лозы (на дереве, на специальных подпорках, на шпалерах, в виде крытых аллей из винограда и пр.), автор предложила весьма правдоподобную этимологическую интерпретацию болг. диал. *раки*, употребляющегося в сочетании *дигам на раки* "поднимать [лозу] на *раки*". *Раки* рассматривается здесь не как диал. форма от ржки 'руки', а отождествляется с болг. *ъра́к* "столбик для лозы" (с. 51). В части подраздела, посвященной названиям различных частей виноградной лозы (с. 80–161), особое внимание уделено специфическим моделям номинации. Так, для названия ствола наиболее часто употребляется модель 'привитой (ствол)' > 'ствол виноградной лозы' (ср. болг. *че́кор*, с. 81–88). При описании моделей номинации плодов виноградной лозы (с. 162–215), включающей, названия ягод, грозди, черенка грозди, виноградных выжимок, очень подробная проработка семантических деталей позволила в ряде случаев найти новые этимологические решения. Так, модель 'кольцо, петля' > 'стебель винограда' и 'виноградная гроздь': засвидетельствованная в рум. *ciorchíne* и под. в значении 'гроздь (винограда или других ягод или цветов)' < нар.-лат. **circ(u)lina* (собирательная форма от *circlus* = *circulus* < *circus* 'кольцо'), а также такие формы, как словен. *penklja, pentlja, pentelja, petlja* 'стебель винограда', сербско-хорв. *petlja, peteljka, петелька, петельковина* 'пустой стебель винограда', болг. диал. *пите́лка* 'петля; маленькая, тесно сросшаяся гроздь винограда' < праслав. **petl'a*, позволила автору предложить нестандартную разгадку для темной глоссы Гезихия κίρκασμα· τοὺς βότρυας. Учитывая наличие дублетных форм κίρκος: κρίκος 'кольцо', связанных с лат. *circus*, можно рассматривать κίρκασμα, первоначально обозначавшее 'кольцеобразный объект', как регулярный девербатив от *κιρκάζω = κιρκόω 'согнуть в кольцо', κρικόω 'закреплять с помощью колец'; последние две формы являются деноминативами от κίρκος : κρίκος (с. 170).

В этом же подразделе содержится изящный этюд, в котором болг. диал. *сра́чка* 'гроздь винограда' толкуется как тождественное *стра́чка, сврáка, сврáчка* 'сорока', отражающее древнюю ассоциацию виноградной грозди с птицей, реконструируемую на основе рисунка на античной монете из Маллоса с двумя голубями, тела которых изображены в виде виноградной грозди. Автор этой археологической находки Н. Своронос интерпретировал данные фигуры как изображение созвездия Плеяд, которые в древнегреческом могли называться как Βότρυς 'кисть винограда', так и Πελειάδες 'голуби, живущие на скалах'. Данная реконструкция позволила увидеть аналогичную связь птицы и виноградной кисти также в алб.

pupa rrushi 'гроздья винограда' при алб. *pupë* 'удод' (с. 181–182).

Второй раздел второй главы посвящен описанию наименований, связанных с технологическими процессами выращивания винограда и использующихся при этом инструментов, конкретнее – с закладкой виноградника (с. 220–278) и рутинной работой виноградарей (с. 280–409). Здесь описаны термины, связанные с разбивкой виноградника, выбором подходящего времени и места, подготовкой, вскапыванием и выравниванием почвы, разметкой места для посадки, приведены названия рядов, сажального колышка, ямок для посадки, посадочного материала и пр. Небезынтересен вскрытый автором случай сохранения в языке более древнего способа разбивки виноградника не на склоне холма. Анализируя довольно распространенное в болгарском языке выражение: *Що ти трябва на баир лозе?* букв. 'Зачем тебе нужен виноградник на холме?', т.е. 'Зачем тебе лишние заботы?', О. Младенова приходит к выводу, что здесь законсервирована древняя стадия расположения виноградника на ровной местности, предшествующая превалирующему сейчас способу его выращивания на склонах холмов (с. 225–226). Привлекает внимание и реконструкция праслав. **серъ*[1] как варианта с носовым к **čеръ* – названия ростка, используемого для прививки, на основании рум. *cimp* то же, при болг. *чеп* и словен. *čep* (ср. важность румынского ресурса при восстановлении праслав. **smętana* на основании рум. *smîntînă*) (с. 308).

Третий раздел второй главы освещает терминологию, связанную с изготовлением вина, и включает следующие подразделы: технические приемы и инструменты (с. 409–576), хранение (с. 575–620) и сорта вина (с. 621–658). В первом подразделе, где собраны лексемы, описывающие процесс давки винограда, автор довольно подробно останавливается на рассмотрении глаголов. В частности рассмотрены глаголы, восходящие к и.-е. **trep-* 'trippeln, trampeln, treten': греч. τραπέω 'давить сок из винограда' (уже у Гесиода), относящийся исключительно к винодельческой терминологии и алб. *shtyp rrushi* 'давить, выжимать' с менее специализированным значением. Что же касается дальнейшей истории греч. τραπέω, в средне- и новогреческом, то он был заменен глаголом πατέω с более общим значением 'ходить, топтать' (с. 414–415). Интересен переход в сферу виноделия некоторых терминов из области переработки молока, в частности рум. *bătălău* (с. 427), *brighidău, mîtcă* (с. 430), *coteţ, ţarc*, сербскохорв. *кош*, словен. *koš* (с. 453). Далее в этом разделе рассмотрены способы наименования сосуда для сливания сока, а также всего, что связано с процессом брожения и превращения сока в вино, винопития, названия виноградных выжимок, названий для красного, белого и других сортов вина, вкусовых и цветовых характеристик вина, сосудов для его хранения, вторичных продуктов виноделия (винный уксус, изюм) и пр.

Подытоживая проведенную, без преувеличения титаническую, работу, О. Младенова в третьей главе "Культурные зоны и взаимовлияния на Балканах по данным виноградарства" на основании данных диалектологии и смежных дисциплин выделяет несколько культурно-языковых ареалов, связанных с виноградарством. В Болгарии это: 1) северо-западная зона красного вина, характеризующаяся, помимо определенных материальных и культурных особенностей[2], употреблением таких лексических терминов как *пл'оска, гмéча, гмечка, виняга (виняге), шепéлка (шипилкя)*; 2) зона красного вина Мелник с такими терминологическими особенностями, как *шишка, кръбла, чéкор, лозинка, гáрга, гарéгла*. Этот регион обнаруживает связи не только с греческим, но и с албанским и аромунским; 3) центрально-северная зона красного вина: *пъшка, постав, карда, пръщина, самоток, главина, чукан*; 4) зона красного вина Памид-Мавруд: *чебър*; 5) дунайская зона белого вина; 6) шуменская зона белого вина: *пръщина* [объединяет с зонами 5 и 3], *делиборан, батал* [объединяет с зоной 7]; 7) варненская зона белого вина характеризуется сохранением прото-болг. *делиборан* и греческим заимствованием *аполин, апальон*; 8) зона белого вина Мискет, разделяющаяся на две подзоны: *a*) область Карлово: *пъпка, мингурчевузéлницъ, уркъ, майка* 'привитая лоза с двумя почками', *пóбирки*, *b*) красная зона Бургас – Сливен. В Румынии выделены 2 основные зоны: северо-западная и юго-восточная, в Албании – 4 (северная, центральная, юго-восточная и южная), Греция рассматривается как единый ареал, с указанием на некоторые отличия на Эгейских и Ионических островах.

В заключение исследованные термины разбиты на группы в зависимости от источника их происхождения: автохтонные, римско-латинские, греческие, славянские, турецкие, венгерские и германские.

---

[1] Так в книге, видимо, это опечатка и имеется в виду *čеръ*.

[2] За неимением места эти данные опущены при характеристике всех ареалов.

Отвлекаясь от собственно виноградарской специфики работы, хотелось бы отметить и специальное внимание автора к такой интересной и важной области как реконструкция так называемой дакославянской лексики по румынским данным. В частности, в книге предлагается целый ряд подобных этимологий, среди которых: рум. *boboc* 'почка на лозе' < дакослав. источника, продолжающего праслав. **bobъkъ* 'почка и пр.' (с. 136); рус. *lujer* 'побег, отросток, стебель' < дакослав. **lužerъ/*ložerъ*, восстанавливаемое на основе кашуб. *łągi* 'гибкий (о ветках)' < слав. **lǫgъ* возможно 'дуга' с чередованием *ǫ : u* (с. 102–103); рум. *rostocuță*, *răstăcuță* 'мушка дрозофила' < дакослав. **raztoka*, **roztoka*, деривата **točiti*, ср. чеш. и слвц. *roztoč* 'клещ' (с. 603); рум. *tescovină*, *tiscovină* и под. 'виноградные выжимки' < дакослав. **těskovina* от **těskovati* (с. 505); рум. *mliat* то же < дакослав. **mletъ* от **melti* с изменением гласного корня по восточноболгарскому типу; рум. *cotor* 'нижняя часть лозы' < дакослав. **kotorъ* от **kotъ* 'нечто сплетенное' (с. 91: относительно последнего см., однако ЭССЯ 11: 211–212); рум. *corcan* 'древесная часть лозы' < дакослав. **kъrkanъ*, производного от праслав. **kъrčь/*kъrča*, чьи дериваты часто служат для обозначения узловатых стволов (с. 117; ср. ЭССЯ 13: 217–218).

Многие положения, касающиеся ареальных характеристик описываемых терминов, отражены на прилагаемых к книге 56 картах. Богатейшая библиография содержит более 500 позиций. Значительно облегчают пользование столь объемным произведением тщательно составленные лексические индексы по языкам.

И.А. Килужская

***Г.Н. Скляревская.* Словарь православной церковной культуры.** СПб., "Наука", 2000. 278 с.

Словарь культуры – словосочетание, упрочению которого весьма содействовал фундаментальный труд акад. Ю.С. Степанова [Степанов 1997; 2001].

Соответственно сейчас примерно ясно, чего следует ожидать от лексикографического произведения под названием "Словарь православной церковной культуры" (далее – Словарь), а именно: в отличие от энциклопедии, он, вероятно, должен содержать относительно полный перечень тематической лексики, употребительной в русском языке[1], и давать семантизацию "церковных слов"[2] с той мерой глубины, которая характерна для языковых (= толковых) словарей.

Об этом (как о цели своего начинания) недвусмысленно сказала и сама Г.Н. Скляревская: в Словаре "лексика православия впервые представлена и описана не только как принадлежность замкнутой (церковной) сферы употребления, но главным образом как составная часть *современного* русского языка" (с. 4; курсив составительницы. – *Е.В.*).

Действительно, перед нами пионерский труд, заполняющий лакуну в собрании словарей. Его не соотнесешь с чем-либо подобным[3]: соответственно и оценки посредством ссылки на прецедент невозможны.

Нет сомнения, что Словарь уже нашел своего пользователя: на полках книгопродавцев он не залежался, уже потребовался дополнительный тираж. Думаю, приобретают Словарь не только неофиты.

Можно представить себе две ситуации, когда православный верующий потянется за Словарем.

[1] В конкретном случае имеются в виду "простые верующие", т.е. не священники или богословы.

[2] Присутствие таких "церковных слов" ощущается составителями общеязыковых словарей, о чем свидетельствуют пометы.

[3] Единственными разрешенными лексикографическими произведениями советского времени были так называемые научно-атеистические словари (по классификации Л.В. Щербы, энциклопедической природы). Правду сказать, и общеязыковые словари того времени вынужденно становились атеистическими (ср. примеры семантизаций: *Апостол* – "в христианской мифологии: ученик мифического Христа"; *Богородица* – "название мифической матери Христа"; *Рождество* – "христианский праздник рождения мифического Христа" и т.д.) Некоторые из атеистических словарей, впрочем, содержали объективную информацию (см., например [Краткий словарь 1964; Атеистический словарь 1983; Православие 1988; Католицизм 1991]); жанр атеистических словарей парадоксальным образом преобразовался в жанр словарей религиозных, причем ряд статей оказалось возможным заимствовать без больших модификаций (см. [Христианство 1994]).

Во-первых, он может сам поймать себя на ощущении, что знает слово, но не знает, что́ оно значит. Нередко, впрочем, подобное выясняется в бытовых разговорах.

Данную разновидность вербализма в свое время исследовал Ю.А. Самарин. если некоему лицу предъявить редкую тематическую лексему, то он способен ее опознать, но семантическое наполнение в индивидуальном сознании сводится к так называемой "локальной ассоциации' – к способности отнести слово к определенной теме, но не более того. Так, в ответ на вопрос. "Кто такой или что такое *Апис*?" интеллигентный испытуемый ответил: "Это священный бык в Египте', этим его информированность была исчерпана [Самарин 1962 219]. Локальные ассоциации наблюдаются и по отношению к персонам, имена которых известны, но неизвестно, "кто они такие". По свидетельству ученого, тогда люди сами замечают "Надо посмотреть в словаре (или. в энциклопедии) Словарь становится арбитром и в бытовых дискуссиях о словах

На основании многолетнего обращения в православной среде, к числу "локально-ассоциативной" лексики из словника Г.Н. Скляревской я отнес бы следующие единицы *амвон* (и *солея*), *анало(ги)й, анафора, антидор* (и *артос*), *антиминс, антифон, апокриф, апсида, артос, благовест* (и *трезвон*), *блаженный* (и *преподобный*), *вериги, воздух, всенощная* (и *повечерие*), *дароносица* (и *дарохранительница*), *деисус, дикирий* (и *трикирий*), *евхаристия, епитимья, жены-мироносицы, заутреня, звездица, исихазм, канон* (и канун[4]), *камилавка* (и *скуфья*), *канонизировать, катавасия, катехизис, киот, клирик, коливо, кондак, куколь* и т.д.

Кроме того, **во-вторых,** пользователю может потребоваться Словарь при чтении художественной литературы, особенно если описывается православный быт царской России, и тем более при чтении книг православно-церковной и богословской тематики.

Для примера приведем выписку из Доктора Живаго" (Симушка рассуждает о стихирах) «Большинство стихир образуют соединение рядом помещенных ветхозаветных и новозаветных представлений. С положениями старого мира, неопалимой купиной, исходом Израиля из Египта, отроками в печи огненной, Ионой во чреве китовом и так далее, сопоставляются положения нового, например, представления о зачатии Богородицы и о воскресении Христове. [. .] В целом множестве стихов непорочное материнство Марии сравнивается с переходом иудеями Красного моря Например, в стихе. "В мори Чермнем неискусобрачные невесты образ написася иногда" говорится 'Море по прошествии Израилеве пребысть непроходно, непорочная по рождестве Еммануилеве пребысть нетленна».

Если предположить, что "рядовой верующий" может не знать слов и словосочетаний *неопалимая купина, отроки в печи огненной*, равно как (отвлекаясь от романа Пастернака и обращаясь к Словарю). *агиазма, апофатизм* (и *катафатизм*), *богородичны* (и *троичны**) *горний* (и *дольний**), *догматик* (и *эксапостиларий**)[5], *исихазм, клейма*[6], *лжица, мытарства*,[7] а также лиц, стоя́щих за nomina porogria *Иона, Чермное море, Еммануил*, то, встретив их в литературе, – а сейчас многие читают духовные книги и брошюры, – он теперь имеет возможность навести справки.

Правда, ситуация сложная Читатель склонен прибегать к догадке, и возникает так называемое мнимое понимание, которое затушевывает пробелы в знаниях

Продолжаем цитировать Б. Пастернака. "Они решили пожениться, не откладывая, еще до окончания экзаменов Было предположение венчаться на Красную горку" Что такое *Красная горка*? Один из выдающихся переводчиков русской литературы на немецкий язык, которого, к сожалению, не насторожила необычная грамматическая форма конструкции, дал такую версию: Sie beschlossen zu heiraten, und zwar unverzuglich, noch vor den Prufungen Man hatte vor, dir Hochzeitsfeier auf den 'Roten Berg' zu begehen" (Pasternak 1964: 111), в обратном переводе "...венчаться на Красной горе". Между тем завершение романа Паши и Лары пришлось на Великий пост, на тот длительный период (включая Страстную и Светлую седмицы), когда браковенчания не совершаются (от Недели мясопустной[8] вплоть до Фоминой недели, т.е второго воскресенья по Пасхе). Фомина неделя и называется *Красной горкой*, это первый день, когда можно обвенчаться Перлокутивная задача фразы Пастернака лежит поверх слов: брак Паши и Лары должен был совершиться при первой возможности.

---

[4] "Столик..., перед которым служат панихиды".

[5] Этих слов (с нашей пометой*), к сожалению, нет в словнике Г.Н. Скляревской

[6] "Изображения сюжетов из жития святого..., размещенные вокруг иконы".

[7] Не в бытовом, а в специальном значении: "Временные посмертные скитания и испытания души до Страшного Суда".

[8] Иное название: Неделя (= воскресенье) о Страшном суде (в Словаре с. 155).

Мнимое понимание часто наблюдается и при межъязыковой омонимии.

В последний раз процитируем "Доктора Живаго" (Симушка разъясняет): "Страсть по-славянски, как вы прекрасно знаете, значит прежде всего страдание, страсти Господни...".

Ср. список церковнославянско-русских межъязыковых омонимов из Словаря: *владыка, возглас, елей, завет, канон, канун, клейма, лик, неделя, оклад, правило, приход, символ, слава, тварь, теплота, часы, чин*

Итак, представляется, что Словарь Г.Н. Скляревской, безусловно, удовлетворяет запросы потенциального пользователя. Лексика охвачена достаточно полно, и семантизация проведена, хотя и имеются энциклопедические справки, на обыденно-языковом уровне. В каждой словарной статье содержится обильный иллюстративный материал, причем иногда цитаты подобраны таким образом, что они продолжают семантизацию.

Следовательно, русская лексикография может поздравить себя с явлением словаря небывалого жанра.

Как правило, новое дело не бывает свободно от критики, преимущественно пожелательной. Пишущему эти строки также представляется, что для будущих публикаций Словаря (а в том, что они воспоследуют, нет никаких сомнений) следовало бы предпринять некоторые модификации и соответственно внести в подзаголовок: "издание исправленное и дополненное".

Так, думается, что если иметь в виду словник Словаря (а на всем дальнейшем протяжении рецензии мы говорим только о словнике), то под **исправлением** следует понимать некоторое сокращение перечня заголовочных слов.

Действительно, поскольку предметом описания в Словаре является не любая христианская, а именно п р а в о с л а в н а я культура, то зачем включать в Словарь статьи, в которых говорится о н е п р а в о с л а в н ы х деноминациях и организациях, пусть и присутствующих в России? Действительно, *Адвентисты* охарактеризованы как "протестантская секта, проповедующая близость 'второго пришествия Христа' и наступления конца мира" (с. 11). Как видим, организация названа п р о т е с т а н т с к о й Она названа также с е к т о й, а не ц е р к о в ь ю, а это значит, что и по второму критерию, вынесенному в заголовок Словаря, – *церковная* культура, – этой с е к т е – в словнике не место.

Соответственно следовало бы исключить статьи: *адвентисты, адвентисты седьмого дня, анабаптисты, баптистский, баптисты, духобор(ц)ы, духоборческий, духобор(че)ство, евангелисты, евангелический, евангельские христиане евангельские христиане-баптисты, иеговистский, иеговисты*[9], *католики, католицизм, католичество, лютеране, лютеранство, мормоны*[10], *протестантизм, протестантский, протестантство, сатанизм, сатанинский, сатанист, сатанисты*. Всё равно все равноположенные конфессии не охвачены (*анабаптисты* – есть, а *менонитов* – нет *протестанты* и *лютеране* – есть, а *реформатов* – нет и т.д.), их и невозможно охватить[11]. Полагаем, что приведенный перечень противоречит заявленной в заглавии установке Словаря.

Справедливее было бы взамен сосредоточиться на толках, согласиях, церквах, конфессиях, которые вышли из православия и продолжают считать себя русскими православными, а также на фактах культуры, сохраненных или сложившихся в их среде

Например, в рамках старообрядчества ("древлего православия")[12] возможные пополнения таковы: *(бес)поповцы, беглопоповцы, кержаки, поморцы, федосеевцы, филипповцы* (или *филипоны*), *нетовцы, спасовцы, бегуны, рогожцы, новозыбковцы, Беловодье, Бело-*

---

[9] Строго говоря, свидетелей Иеговы не следовало бы причислять к х р и с т и а н а м, тем более что они сами не прилагают к себе такого именования.

[10] Ср. в Словаре: "Секта, . .враждебная христианам" (с. 148).

[11] Действительно, перечень неправославных религиозных организаций, действующих в России, составил огромную книгу; см. [Западные христианские организации 1993]. На каждой странице от трех до десяти организаций, деноминаций и конфессий.

[12] Старообрядчество в целом (т е. в совокупности всех толков и согласий), безусловно, находится в рамках российского православия Действительно, Русская Православная Церковь официально (на Синоде в 1929 г. и на Поместном соборе 1971 г.) признала старые обряды спасительными, что укрепило присутствие в ограде РПЦ е д и н о в е р ч е с к и х приходов (т.е. общин, признающих юрисдикцию РПЦ, но совершающих богослужение по книгам, повторяющим издания до "новин" справы патр. Никона). И на практике в строго православных изданиях, как правило, учитывается традиция старообрядчества (см., например, статью А.А. Турилова о древнерусской книжности в издании [Православная энциклопедия 2000 401–402]).

криницкое согласие, брадобритие, головщик, двуперстие/троеперстие, единоверцы, книжная справа (второй половины XVII в.), *лестовка* (старообрядческие четки), *никониане, подручник, самосожжение* (гарь)[13] и т.д. Тем более, что статья *старообрядцы* – есть[14]. Источником аутентичной информации могла бы послужить малая энциклопедия [Вургафт, Ушаков 1996].

Логичнее было бы, далее, вместо католических и протестантских конфессий учесть схизматиков, вышедших из недр Русской Православной Церкви в XX в. и также считающих себя, подобно староверам, русскими православными (*зарубежники, карловчане, евлогиане, непоминающие, катакомбники, истинно-православные, богородичники, валентиновцы* и т.д.). Тем более что статья *обновленчество* – есть.

Далее, поскольку предметом описания в Словаре является не христианство в целом, а только частная православная конфессия, можно было бы исключить статьи, имеющие общехристианское значение. Например, статьи Словаря (только на литеру **А**): *Авель, Авраам, агиография, агиология, ад, Адам, анафема, ангел, антифон, Апокалипсис, апокриф, апологет, апологетика, апостолы, арианство* по содержанию ничем не отличаются от статей словаря "Азбука христианства" (см. [Удовенко 1997: 5–21]), имеющего подчеркнуто межконфессиональный характер. Если уж такие статьи и оставить, то в семантизации следовало бы подчеркивать именно православные аспекты, чего мы сейчас в Словаре не видим.

В понятие **дополненного** издания входит пополнение словника Словаря. На наш взгляд, словник может быть существенно пополнен, причем мы исходим из двух вышеупомянутых критериев отбора ("локальная ассоциативность" и встречаемость в широко читаемой литературе).

Прежде всего, следовало бы просмотреть синодальную р у с с к у ю Библию, эту книгу книг, которую (хотя бы в объеме Нового Завета и уж конечно Евангелия) читают все православные, и внести в словник лексемы, которые, имея "церковную окраску", за истекшее время стали непонятны (или, что хуже, мнимо понятны) современному русскому верующему человеку.

Предварительный список таких слов мы опубликовали и отдельные слова из него прокомментировали (ниже они подчеркнуты) [Верещагин 2000: 193–195]. Сейчас приведем этот список, исключив те лексемы, которые Г.Н. Скляревская учла или которые обычно вводятся в библейские энциклопедии. Соответственно остались лишь лексемы, которые считаются общеязыковыми (их-то, по нашему мнению, и желательно включить в Словарь в будущем):

***а**кать, акриды, ареопаг, аспид, асфальт, **б**езмездный, бесквасный, било, благоутробие, брение, **в**асилиск, ведро, вежды, велегласно, вено, вереи, вертеп, виссон, влагалище, власяница, возглаголать, воздымать, возмогать, волчец, вопиять, восклониться, восставить, восторгать, восхищать, восхи́щенный, вотще, врачеваться, вретище, **г**ады, глад, горнило, горший, **д**воязычный, дееписатель, делание, денница, десятословие, детоводитель(ный), длань, доброхотный, долу, дольный, домостроительство, древодел, дресва, дщерь, (я) **е**смь, ефод, ехидна, **ж**естоковыйный, завещевать, запечатлевать, запинать, застрелить, затвор, заушать, звероядина, земнородный, зеница, злачный, зложелатель, **и**збыточествовать, издерживать, изощренный, испещрять, иссоп, исторгнуться, **к**васной, кимвал, кладязь, колодезь, ковы, кольми (паче), краеобрезание, кружало, куколь[15], купина, **л**анита, ласкательство, лжеименный, лжесловесник, лобзать, ловитва, ложесна, лоно, любостяжание, лядвея, матерь, мехи, мина, миро, мирра, молотилка, мрежа, мужаться, **н**апояет, нарамник, нард, началовождь, начатки, невестоводитель, нетопырь, новомесячие, **о**баятель, обетованный, оброк, общник, овен, овощ, оглашать, одесную, одр, око, окоп, озлобчиваться, озлобление[16], омовения, оный[17], опреснок, орало, оратай, отверзать, отче, осанна, осквернуться, остаток[18], отвращать,*

[13] Показательно, что часть перечисленных заголовочных слов вошла даже в иностранные специализированные словари (см., например [Cross 1974]).

[14] Г.Н. Скляревская включила в свой Словарь статьи *Аввакум* (*Петров* – с. 9), "*Житие" протопопа Аввакума* (с. 95) и *раскол* (с. 213), но этим, к сожалению, ее внимание к старообрядцам и ограничилось. (Кстати сказать, уничижительное наименование *раскол* и *раскольник* было выведено из употребления после высочайшего манифеста 17 октября 1905 г.)

[15] В Словаре нет библейского значения.

[16] Не состояние злобы, а пребывание в состоянии одержимости злом.

[17] Местоимение встретилось в русской Библии 7198 раз! Между тем оно уже вышло из массового языкового сознания.

[18] Имеется в виду *о с т а т о к* народа, который спасется. Богословие остатка см. у ап. Павла (Рим 9: 27, 11 : 5).

отпадение, отступник, отяготеть, очистилище, пакибытие, пастыреначальник, пастырь, перси, перст, персть, плевелы, подвизаться, подножие, подъяремный, подыскиваться, полон, помочь, посему, постельник, постельничий, празднолюбцы, праща, пращник, превыспренний, председание, приседящий, присносущий, присный, приставник, приточник, пришлец, провещать, претор(ий), пря, псалтирь (как музыкальный инструмент), *пустынь, пядень, ржа, риза, ристалище, рожон, се, сей, седалище, сикомор, сказывать, скнипы, снедать, снурок, совлекаться, совопросник, сошник, стакти, статир, стенать, стоять вне, стропотный, студодейство, ступица, субботствовать, сходбище, таинница, тать, твердь, телица, тимпан, точило,* тук, *увясло, угольница, уды, уничижать, устроять, утесистый, утишаться, утучнять, фелонь, хлебодар, цевница, шибболет, чадо, чело, червленый, червь, чермный, чернуха, четверица, четвертовластник, чрево, чревоношение, чресла, юница, юродство, ясти, яство.*

Речь идет, конечно, не о церковнославянской Библии, а о синодальной Библии на русском языке. До появления поновленной версии русской Библии еще очень далеко, так что если бы составительница Словаря в дальнейшем согласилась учесть устаревшую лексику (библейско-церковной окраски) этой самой массой православной книги, то польза получилась бы немалая.

Наряду с Библией, следовало бы просмотреть попытки переводов на русский язык молитвословий и вообще богослужебных текстов, как дореволюционных, так и современных. Иногда случается, что переводчики меняют морфологию и отчасти синтаксис, а большое количество привычной церковнославянской лексики и сочетаемости оставляют без замены. Между тем даже у коренных прихожан, к сожалению, явление вербализма наблюдается нередко.

Кроме того, можно было бы назвать и еще несколько критериев пополнения словника Словаря: во-первых, соположенные имена надлежит восполнить (например, сейчас статья *Владимир* [равноапостольный] – есть, а статьи *Ольга* [равноапостольная] – нет); во-вторых, статьи одного ряда следует выровнять (например, сейчас статья *Неделя о Страшном суде* – есть, но нет ни *Недели о мытаре и фарисее*, ни *Недели о блудном сыне* [хотя они следуют друг за другом], ни *Фоминой недели*, ни *Недели жен-мироносиц* и т.д.)[19]; в-третьих, молитвословные тексты должны обрести единообразие (сейчас "*Отче наш*" и перифрастическое наименование *Молитва Господня* – есть, но нет, скажем, "*Величит душа моя*" и номинации *Песнь Богородицы*)[20]. Восполнение, выравнивание и единообразие – непреложные атрибуты лексикографической работы: сказавши **А**, невозможно не сказать **Б**.

Важным аспектом пополнения словника могло бы стать дальнейшее включение в него межъязыковой омонимии (например, *озлобление* в церковном языке – это 'пребывание человека в тяжких обстоятельствах', и о "всякой душе христианстей, скорбящей же и *озлобленней*" молятся на литии; *обыденный* – это 'построенный в один день' и т.д.).

С учетом всех сделанных соображений приведем в качестве показательного примера наши предложения по пополнению словника Г.Н. Скляревской. Имея в виду соразмерность отзыва, список приводим всего на одну литеру (по части можно судить о целом).

Мы остановились на литере **О** по чистому произволу (поскольку **О** – срединная буква в алфавите). Производные указываем лишь в случаях расхождения между словами в семантике и словосочетаемости.

Словник Г.Н. Скляревской (с. 162–173) печатается полужирным **шрифтом**; предлагаемые для пополнения слова и словосочетания набраны *курсивом*. В скобках приведены в кратчайшем виде наши поясняющие комментарии:

---

[19] Аналогично: Яблочный Спас (Преображение Господне) у Г.Н. Скляревской – есть, но почему-то нет его именования Вторым Спасом (ср. у Пастернака: "Прощай, лазурь Преображенская / И золото *Второго Спаса*"); соответственно нет ни Первого Спаса (Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня; Медовый Спас, Маковеи), ни Третьего (Перенесение Нерукотворного образа Спасителя).

[20] Ср., далее: "Ныне отпущаеши" (песнь Симеона Богоприимца), "Слава в вышних Богу" (великое славословие), "Святый Боже" (Трисвятое), "Иже херувимы" (Херувимская, или Входная песнь литургии верных), "Царю Небесный" (молитва-призывание Св. Духа) и т.д. Может быть, сюда же следовало бы включить и некоторые псалмы, более известные по начальным словам, чем по номеру: "Блажен муж" (1-й), "Помилуй мя, Боже" (50-й), "Живый в помощи Вышняго" (или "Живые помочи"; 90-й) и т.д. Ср. в "Докторе Живаго" рассказ об этом, 90-м, по-простецки модифицированном (по принципу паронимических замен) псалме, найденном на шее убитого телефониста.

обаятель, обвенчать, **обедня,** *обедница, обер-прокурор* (Святейшего Правительствующего Синода), **обет, обетование,** *обетованный* (Земля Обетованиая), **обитель,** *обиход* (книга для клироса), *облако* (как столп; см. Чис 9: 17–23), *облачение*[1] (первосвященника), **облачение**[2], **облачение**[3], **облачиться,** *облечься* (во Христа), *обливанец*[21], *обливание* (при крещении), *обличительное, богословие* (апологетика), **обмирщённость,** *Обновление*[1] (Храма, праздник), *обновление*[2] (икона), **обновленцы, обновленчество, обо́жение, обо́женный, обо́жить,** *обольщение* (вовлечение в ересь), **образ,** (человек как) *образ и подобие* (Божие), **образ Божий,** *образная,* **обращение**[1], *обращение*[2] (этикет обращения к церковно- и священнослужителям), **Обрезание Господне,** *обретение* (главы, мощей), **обручение, обручник,** *обрядоверие,* **обряды,** *обуреваемый, общее дело* (православно-религиозная философия Н.Ф. Федорова), *общежительство* (киновия), *общественное богослужение,* **община,** *обыденный* (построенный за один день), *общник, овен, овца/овечка* (заблудшая[22]), *овчая купель* (Вифезда), *оглашать,* **оглашение, оглашенные,** *ограда* (в ограде Церкви), *ог(о)нь* неугасимый, *одержимость* (злым духом); *одержимый (бесноватый), одесную,* **Одигитрия,** *одр, озарение* (духовное ви́дение), *озлобление* (пребывание во власти зла), *озлобленный, окаянный, окаянство,* **оклад,** *око* (око за око = закон талиона), **околоцерковный, окормление, окормлять, окормляться, окропить, окропление, Октоих,** *омовение* (умовение рук, ног), *Ольга* (равноапостольная), **омофор,** *оплевание* (Христа), *оный, оплакивание* (Христа), *оплот, оправдание* (делами), *опреснок(и), опыт* (духовный), **Оптина пустынь,** *орало* (перекуем мечи на орала), **Оранта, орарь,** *ореол* (нимб), **орлец,** *ортодоксия, орудия* (страстей), **осанна, освятить, освятиться, освящение,** *осифляне,* **осенить,** *осквернить(ся), ослопная свеча, ослушание* (как причина грехопадения прародителей), *основное богословие, останки, остаток, Острожская библия, Остромирово евангелие, осуждение, осьмигласие, отверзение* (Царских врат), *отверстый, отвращать,* **отдание** (праздника), *Отдел внешних церковных сношений* (Московского патриархата), *Отдел катехизации* (Московского патриархата), **Отец**[1], **Отец**[2], **Отец Небесный, отеческий,** *отечество* (иконописный тип), *отечник* (патерик), **откровение, Откровение Иоанна Богослова, отлучение, отлучить,** *отмщение* ("Мне отмщение"), *отпадение,* **отпевание, отпеть,** *отпуская грамота* (даваемая священнику), **отпуст,** *отпустительные* (тропари дня), *отпущение* (грехов; козел отпущения), *отречение* (от Сатаны при крещении), *отреченные книги* (апокрифы), *отрок(и)* (в печи огненной), *Отроковица* (Богоизбранная), *отрясти прах* (от ног), **отслужить,** *отстоять* (обедню, всенощную; ибо православные не сидят), *отступка* (евангельская), *отступник, отступничество, отходная,* **Отцы Церкви, отче, "Отче наш", отшельник, отшельнический, отшельничество,** *отщепенец, отяготеть, оцеживать* (комара), *оцет, очистилище, очистительная жертва, очищение Храма* (изгнание торгующих из Храма), *ошую.*

Наш отзыв разросся. Подробно разобрав проблемы словника, анализ проблем семантизации оставим на долю другого рецензента Словаря.

В заключение остается повторить сказанное раньше: "Словарь православной церковной культуры" Г.Н. Скляревской – радостное событие в отечественной лексикографии. Это благое и самодостаточное начало большого и многообещающего движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атеистический словарь 1983 – Атеистический словарь / Под общей ред. М.П. Новикова. М., 1983.

Верещагин Е.М. 2000 – Библеистика для всех. М., 2000.

Вургафт С.Г., И.А. Ушаков 1996 – Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

Западные христианские организации 1993 – Западные христианские организации. Справочник западных христианских организаций, работающих в Центральной и Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе / Редакторы-составители: Ш. Линзи, М.Х. Раффин, М.Р. Эллиотт. Саратов, 1993.

Католицизм 1991 – Католицизм. Словарь атеиста / Под общей ред. Л.Н. Великовича. М., 1991.

Краткий словарь 1964 – Краткий научно-атеистический словарь. М., 1964.

Православие 1988 – Православие. Словарь атеиста / Под общей ред. Н.С. Гордиенко. М., 1988.

Православная энциклопедия 2000 – Православная энциклопедия / Под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000.

Самарин Ю.А. 1962 – Очерки психологии ума. М., 1962.

[21] Тот, кто крещен не погружением в воду, а кроплением) "– Разве не слыхала, что у нас свои архиереи завелись?... – Австрийские, что ли? Сумнительные они, Максимыч. Обливанцы, слышь, – молвила Аксинья Захаровна" (Мельников-Печерский. В лесах).

[22] Авось, думал смотритель, приведу я домой заблудшую овечку мою" (Пушкин. Станционный смотритель).

Степанов Ю.С. 1997, 2001 – Константы. Словарь русской культуры. М., 1997, 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 2001.

Удовенко А. свящ. 1997 – Азбука христианства. Словарь-справочник важнейших понятий и терминов христианского учения и обряда. М., 1997.

Христианство 1994 – Христианство. Словарь / Под общей ред. Л.Н. Митрохина и др. М., 1994.

Cross F.L. 1974 – The oxford dictionary of the Christian Church / Ed. by F.L. Cross. E.A. Livingstone. London, 1974.

Pasternak B. 1964 – Doktor Schiwago. Roman / Aus dem Russischen übertragen von Reinhold von Walter. Frankfurt-am-Mein, 1964.

Е.М. Верещагин

***Ch. Schroeder.* The Turkish Nominal Phrase in Spoken Discourse.** Turcologica 40. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 1999. 226 p.

Изучение проблем разговорной речи, весьма активно развивающееся на материале ряда индоевропейских языков (английского, французского, немецкого, русского), нуждается в серьезном расширении с привлечением материала других языков и, прежде всего, языков, относящихся к другим типологическим группам. Следует также сказать о необходимости сближения различных общетеоретических подходов к изучению разговорной речи, которые, к сожалению, иногда даже кажутся несопоставимыми. Турецкая разговорная речь остается еще очень слабо изученной. Так, в рецензируемой монографии К. Шредера, которая в этой связи представляется весьма актуальной, из списка использованной литературы, насчитывающего свыше 160 наименований, лишь два источника имеют непосредственное отношение к проблемам собственно разговорной речи: сообщение на коллоквиуме в г. Эссене Петера Ауэра [Auer 1990] и работа О. Демирджана об инвертированном порядке слов в турецком предложении [Demircan 1991]. Хотелось бы высказать пожелание о более широком использовании на материале турецкого языка тех важных общетеоретических выводов, которые получены при изучении разговорной речи индоевропейских языков и, в частности, русского. Эти выводы содержатся, к примеру, в работах по русской разговорной речи Е.А. Земской и ряда других видных отечественных специалистов, получивших широкое признание также и за рубежом [Koester-Thoma, Zemskaja 1995; Koester-Thoma 1996]. Многие из них вполне применимы к турецкой разговорной речи, которая выступает как функциональная разновидность современного турецкого литературного языка [Šceka 1999].

Монография К. Шредера является весьма интересным и плодотворным примером применения к турецкому языку принципов функциональной лингвистики, базирующихся на работах Т. Гивона, В. Крофта, С.К. Дика, П.Дж. Хоппера и др. Вместе с тем необходимо отметить, что, по нашему мнению, грамматический функционализм, связанный с обращением к семантическим аспектам, приводит в ряде случаев к выводам, соответствующим теоретическим установкам автора, но не вполне подтверждаемым реальным функционированием турецкого языка (см. ниже).

Главы 3–7, составляющие основную и наиболее оригинальную часть книги, содержат детальные наблюдения автора, касающиеся использования в тексте именных маркеров и категорий. Анализ слова *bir* в функции неопределенного артикля приводит к выводу о том, что индивидуализирующее значение этого показателя преобладает тогда, когда он служит для введения в текст [+нового] и [–данного] референта. Выдвигается проблема наличия статуса количественного классификатора у слова *tane*. Это слово описывается как "показатель высокой прагматической референциальности" (с. 108), участвующий в структурировании текста. Прагматическая роль *tane* имеет и семантический коррелят, поскольку это слово маркирует определенные референты как "отдельные". Автор показывает, что согласование во множественном числе подлежащего и сказуемого в турецком предложении имеет как семантическую, так и прагматическую мотивацию, которую в первом случае он называет "мотивацией отдельности" и во втором – "устойчивыми темами". При этом важно, что глагол во множественном числе помогает структурировать текст в соответствии с прагматическими ролями (с. 124). Особенности аффикса принадлежности (3-го л. ед. ч.) рассматриваются с учетом установления анафорической референции. К. Шредер формулирует гипотезу о том, что

прототипическим значением аффикса принадлежности было выражение отношения части к целому, а также обосновывает свои наблюдения над его функцией определенного артикля. Анализ тематичности определений в родительном падеже приводит к интересным выводам о существовании двух типов тем в турецком языке, которые могут быть связаны с глаголом и определением в родительном падеже. Используя метод бинарных оппозиций, автор описывает механизм выбора между нулевой анафорой и инвертированной позицией слова (его постановкой в позицию после сказуемого) с учетом тематического продолжения, что оказывается тесно связанным с "предсказуемостью" данного тематического развития. Книга содержит ряд глубоких выводов относительно тематических цепей, подтем, рамочных построений, которые составляют структуру текстового уровня современного турецкого языка.

Другие интересные наблюдения касаются взаимодействия в тексте того или иного набора именных категорий, с одной стороны, и весьма многообразных условий различных способов введения в текст референта и темы, с другой.

Заключительные замечания монографии посвящены ряду обобщающих гипотез, которые предполагают и определенный количественный подход, поскольку опираются, к примеру, на связь степени прагматической референтности и тематичности с количеством информации, обычно дающейся о свойствах референта (с. 205).

По нашему мнению, наиболее ценная часть книги К. Шредера не та, что касается разговорной речи в собственном смысле, а та, которая направлена на выработку очень важных научных предпосылок для создания грамматики текстового субъекта (гиперподлежащего, ср. [Щека 1992]) п и с ь м е н н о й функциональной разновидности турецкого литературного языка. Автор подробно рассматривает конкретные механизмы, позволяющие именным аффиксам использоваться для построения формальной структуры текстового гиперподлежащего, а значениям соответствующих именных категорий развиваться и трансформироваться в соответствующие элементы плана выражения на уровне текста. Что же касается разговорной речи, то она ни в коем случае не совпадает с компонентом "устная" в делении речи на устную и письменную. Форму речи не следует смешивать с функционально-структурной дифференциацией современного литературного языка на письменную речь и речь разговорную [Шведова 1960; Šceka 1999]. Русские термины "письменная речь" и "разговорная речь" используются традиционно, хотя всегда под ними понимается соответственно письменная и разговорная подсистемы (письменный и разговорный подъязыки) литературного языка. В рецензируемой книге этот момент учитывается. К. Шредер упоминает о "неподготовленности разговорной речи" и о "спонтанной речи" (с. 5). Однако признак неподготовленности далеко не исчерпывает параметры разговорной речи, которые включают также экспрессивность, эмоциональность, ситуативную обусловленность, общность перцептивной и информативной базы говорящих и др. К структурным особенностям турецкой разговорной речи относится так называемое субъективное следование коммуникативных членов (рема + тема), и поэтому инверсия ("devrik tümce") не может считаться "проявлением влияния западноевропейских языков ... или реликтовой отметиной османской поэзии, находившейся под влиянием персидского языка", как пишет автор, цитируя мнение О. Демирджана (с. 191). На наш взгляд, существенная недооценка общих положений теории разговорной речи привела к тому, что примерно две трети примеров, приводимых до главы 7 (в которой рассматривается инвертированный порядок слов в предложении), относится по своим особенностям к турецкой письменной речи (хотя и имеет устную форму). Рассмотрение в главе 7 случаев инверсии личного местоимения может вызывать возражения. Постановка личного местоимения в позицию после сказуемого является одной из особенностей турецкой разговорной речи, связанной с эмфазой (экспрессивностью) [Щека 1979]. В этой связи представляется неоправданной (и даже лишенной конкретного смысла) попытка дать этому явлению рациональное толкование в виде "своеобразного продолженного экспонирования темы предложения" (с. 198 со ссылкой на К. Циммерера).

В книге К. Шредера, как и в ряде других (в основном, западных) работ, "неопределенный артикль *bir*" употребляется как вполне принятый термин. Но практически во всех известных мне грамматиках турецкого языка, написанных в Турции и в России, этот термин не используется. В словаре лингвистических терминов Б. Вардара термин "артикль" (*tanimlik*) упоминается только в связи с западноевропейскими языками [Vardar 1980]. В словаре грамматических терминов З. Коркмаз этот термин совсем отсутствует [Korkmaz 1992]. В лингвистическом энциклопедическом словаре говорится о языках с одним артиклем, при этом в качестве единственного примера приводится турецкий, "где представлен неопределенный артикль *bir*, а его отсутствие

эквивалентно определенному артиклю и может формально трактоваться как нулевой артикль" [ЛЭС 1990: 46]. Суждение о том, что отсутствие *bir* эквивалентно определенному артиклю, видимо, опирается на известное мнение С.С. Майзеля: "Отсутствие у слова неопределенного артикля *bir* делает слово определенным" [Майзель 1957: 61]. Оно иногда повторяется, хотя и в смягченной форме, у некоторых других видных тюркологов, например, у Л. Юхансона: "В именных группах, не содержащих артикля *bir*, значение конкретности ч а щ е в с е г о (разрядка моя. – *Ю.В.*) совпадает со значением определенности (в том смысле, в каком данное значение усматривается у определенного артикля)" [Юхансон 1987: 401]. Однако, по нашему мнению, приведенные точки зрения являются результатом теоретических построений, которые в данном отношении не отражают реальные особенности функционирования *bir* в турецком языке. Об этом свидетельствуют прямые указания турецких грамматистов: "Имена нарицательные могут иметь неопределенное значение и при отсутствии *bir*: *Gömlek aldim* 'Я купил рубашку'; *Elma yedim* 'Я съел яблоко'" [Gencan 1979: 178]. В учебниках турецкого языка примеры на неопределенное прямое дополнение приводятся ч а щ е в с е г о (ср. выше) без *bir*. *Postaya mektup attim* 'Я отправил по почте письмо'; *Erol, kitap okuyor* 'Эрол читает книгу' [Zülfikar 1980: 115]. Имеются случаи, когда имя в неопределенном значении не может употребляться с *bir*. Так, в значении ответа на вопрос о том, как данный предмет называется по-турецки, возможны только ответы без *bir* типа: *Bu tabak(tir)* 'Это тарелка', *Bu ev(dir)* 'Это дом' и т.д.

По нашему мнению, в турецком языке нет артиклей (нет и неопределенного артикля), слово же *bir* может лишь выступать в функции артикля. Вопрос о характеристике слова *bir* в функции артикля не является простым спором о словах, так как его отнесение к неопределенному артиклю вызывает необходимость введения на морфологическом уровне третьего элемента, а именно так называемой конкретности или "специфичности" (specificity) с показателем *bir* + винительный падеж (с. 42 и др.). "Специфичность" может считаться важной характеристикой уровня текста (при учете контекста и данной ситуации). Именно это, видимо, имеет в виду Л. Юхансон, отмечая, что "...конкретность ни в коей мере нельзя рассматривать как семантический компонент типа differentia specifica" [Юхансон 1987: 404]. Ее введение на морфологическом уровне, как представляется, существенно искажает всю категорию определенности-неопределенности турецкого языка. Во многих очерченных системой языка сферах винительный падеж не передает никаких смысловых оттенков, выступая лишь чисто формальным средством. Так, это имеет место при дистантном положении прямого дополнения, где показатель винительного падежа является целиком и полностью формальным и не может выражать "специфичность": *Dün öğretmen yeni bir dersi tam otuz beş dakika anlatıp durdu* 'Вчера учитель целых тридцать пять минут объяснял новый урок'. На данный момент указывает также и Юхансон [Johanson 1991: 228]. Кроме того, некоторые глаголы и послелоги управляют обязательным (то есть чисто формальным) винительным падежом, поэтому, например, фраза *bu kadın bir adamı seviyor* означает не то, что эта женщина любит *некого* (einen gewissen...) человека, а просто: 'эта женщина любит одного мужчину'. Словосочетание *uzun bir ömrü aşkın* означает не 'больше, чем некая долгая...', а просто 'больше, чем долгая человеческая жизнь'.

Трудно согласиться с некоторыми замечаниями К. Шредера относительно нумеративов *tane* и *kişi*. Например, автор утверждает, что "*tane* никогда не употребляется с именами, выступающими в синтаксической конструкции как определенные" (с. 97), а также, что "*kişi* не может выступать в роли нумератива" (с. 100) или "*kişi* не может употребляться с частицей *da*" (с. 101). Следующие предложения, на наш взгляд, опровергают данные утверждения: *Bana hediye ettiği yedi tane kalemi ona geri götürdüm.* – 'Я отнес ему обратно семь штук карандашей, которые он мне подарил'; *Yanına üç kişi koruma alarak evden çıktı.* – 'Он вышел из дома, взяв с собой троих охранников'; *Biz, üç kişi de yabancı konuk bir arabaya sığamayız.* – 'Мы да три человека иностранных гостей не поместимся в одной машине'. Показательны в этом отношении оба примера, приведенные в толковом турецком словаре на слово *tanecik: Iki tanecik elması kaldi.* – 'У него осталось всего лишь два яблочка': *Oradakı beş altı tanecik Çingene çadırına yanaştık.* – 'Там мы подходили к пятишести цыганским шатрам' [Türkçe Sözlük: 2130]. Здесь нумеративны относятся к определяемым, выступающим как определенные.

В заключение отметим, что, несмотря на все высказанные замечания, книга К. Шредера, несомненно, вносит важный вклад в создание турецкой грамматики текста. Она является блестящим примером лингвистического, семантического и прагматического анализа коммуникативного аспекта языка и имеет во многих отношениях большую

значимость с точки зрения дальнейшего развития общих принципов коммуникативного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Майзель С.С. 1957 – Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.

Шведова Н.Ю. 1960 – Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Щека Ю.В. 1979 – Об основных закономерностях порядка слов в турецкой разговорной речи // Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение. 1979. № 3.

Щека Ю.В. 1992 – Элементы теории синтаксической связи и интонологии в синхроническом и диахроническом освещении (на материале турецкого языка) // ВЯ. 1992. № 5.

Юхансон Л. 1987 – Определенность и актуальное членение в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М., 1987.

Auer P. 1990 – Einige umgangssprachliche Phänomene des Türkischen und ihre Erklärung aus "natürlichen" Prinzipien // N. Boretsky, W. Enninger, Th. Stolz (Hrsg.). Spielarten der Natürlichkeit. Bd. 2, Hbbd., Bochum, 1990.

*Demircan Ö.*1991 – Devrik tümce üzerine tarttşmalar // Metis Çeviri 15.

Gencan T.N. 1979 – Dilbilgisi. IV. baski. Ankara. 1979.

Johanson L. 1991 – Linguistische Beiträge zur Gesamttürkologie. Budapest, 1991.

Koester-Thoma S., Zemskaja E.A. 1995 – Russische Umgangssprache. Phonetik, Morphologie, Syntax, Wortbildung, Wortstellung, Lexik, Nomination, Sprachspiel. Berlin, 1995.

Koester-Thoma S. 1996 – Die Lexik der russischen Umgangssprache. Forschungsgeschichte und Darstellung. Berlin, 1996.

Korkmaz Z. 1992 – Gramer terimleri sözlüğü // Türk Dil Kurumu Yayinlari. Ankara. 1992.

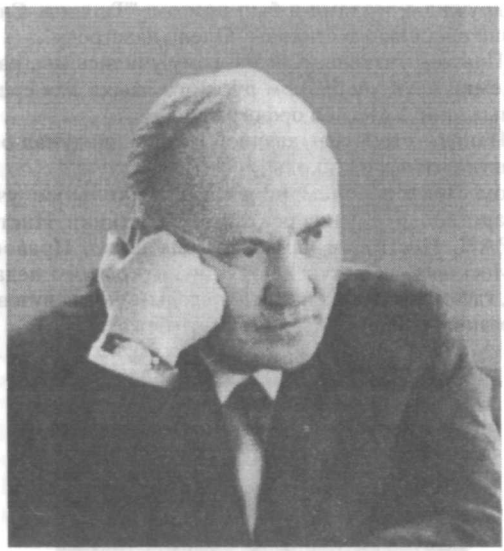
Šceka Y.V. 1999 – Spoken Turkish: Synchronic and diachronic aspects // Turkic Languages 3. 1999. № 2.

Türkçe Sözlük 1998 – Türkçe Sözlük. Türk Dil Kurumu. IX baski. Cilt 2. Ankara, 1998.

Vardar B. 1980 – Dilbilim ve dilbilgisi terimleri sözlüğü // Türk Dil Kurumu Yayınlart. Ankara. 1980.

Zülfikar H. 1980 – Yabancılar için Türkçe dilbilgisi. III. baskı. Ankara, 1980.

Ю.В. Щека



МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ПАНОВ

(1920–2001)

3 ноября 2001 года умер Михаил Викторович Панов. Фонолог, морфолог, исследователь русского словообразования, автор новой концепции истории языка русской поэзии. В последней четверти XX века он был признанным главой Московской лингвистической школы. Ему принадлежит первый очерк ее истории ("Русистика сегодня" 1995. № 3). В память о Филиппе Федоровиче Фортунатове, сборник материалов конференции, посвященной столетию школы, по совету Михаила Викторовича, был назван Фортунатовским сборником. О лингвистах этой школы, о своих учителях он писал неоднократно, работая над историей русской лингвистики в научных портретах. Напомним его предисловия к сборнику работ Д.Н. Ушакова, к переизданию Толкового словаря, публикации в честь А.А. Реформатского, Р.И. Аванесова, к столетию его "главного учителя" А.М. Сухотина. До сих пор ждут выхода в свет статьи Михаила Викторовича о В.Н. Сидорове, Р.И. Аванесове.

М.В. Панов окончил городской педагогический институт имени Потемкина; после Отечественной войны, участником которой он был, работал в школе, в те же годы защитил кандидатскую диссертацию о заударном вокализме современного русского языка. В Институте русского языка он стал заведующим сектором современного русского языка.

Одной из самых значительных работ сектора была монография "Русский язык и советское общество". Ей предшествовал проспект (два его раздела были написаны С.И. Ожеговым и И.А. Оссовецким), в котором Михаилом Викторовичем Пановым были высказаны не только социолингвистические идеи, но и провидческие мысли о своеобразии системного устройства русской разговорной речи, о линиях развития языка русской поэзии.

М.В. Панов не только фонолог – создатель новой теории фонологии современного русского языка (его докторская диссертация "Русская фонетика" опубликована в 1967 году), но и историк языка. В 1970 году им была завершена "История русского литературного произношения XVIII–XX веков" (М., 1990). Истории языка русской поэзии от Ломоносова до Твардовского был посвящен его курс лекций, прочитанный в МГУ и собиравший всю филологическую Москву. Им были опубликованы статьи о Хлебникове, Хармсе, статьи (1989, 1991), в которых излагались его методы исследования языка поэзии. Над историей языка поэзии он работал всю жизнь. Публикация этой работы завершит для читателей труд его жизни.

В 1979 году в Махачкале вышла его книга "Изучение состава слова в национальной школе", содержавшая многие новые идеи о русском словообразовании; в 1999 году – "Позиционная морфология русского языка". В этой книге, замечательной и стилем изложения, М.В. Панов строит теорию позиционного описания языка. Ученый думал о применении понятия позиции в стилистике, лексике.

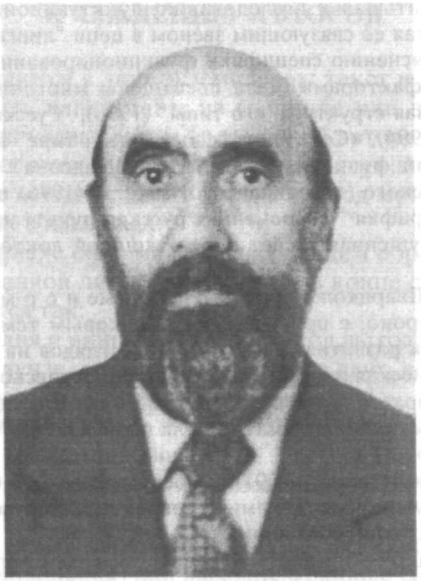
Михаил Викторович дружил с поэтами и был поэтом. "Тишина. Снег" – первая его книга. Второй недавно вышедший сборник его стихов – "Олени навстречу".

Михаил Викторович Панов – учитель. Как многому учились мы, работая вместе с ним над первым в истории Академии наук учебником русского языка для средней школы. Он автор увлекательных популярных книг о русской орфографии.

Михаил Викторович Панов – строитель научной школы, он думал о развитии и сохранении традиций Московской лингвистической школы.

6 ноября с Михаилом Викторовичем простились школьные учителя, преподаватели Педагогического государственного университета, сотрудники Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Института национальных школ, Православного университета св. Иоанна Богослова, Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова, где он работал в последние годы, многих вузов Москвы. Прощальные телеграммы пришли из разных концов России и из-за рубежа.

Е.В. Красильникова



БОРИС САМУИЛОВИЧ ШВАРЦКОПФ

(1923–2001)

8 ноября 2001 г. скоропостижно скончался известный отечественный филолог-русист доктор филологических наук Борис Самуилович Шварцкопф. Для всех, кто знал этого замечательного человека – искреннего и всегда доброжелательного, немного ироничного и сдержанного и прежде всего влюбленного в то дело, которому он посвятил всю жизнь, это большая потеря.

Б.С. Шварцкопф родился в Москве 9 марта 1923 г. В 1950 г. он окончил филфак МГУ. С начала 1950-х гг. до последнего времени работал в созданном его учителем С.И. Ожеговым Секторе (теперь – Отделе) культуры русской речи в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН, прослужив в нем от старшего научно-технического сотрудника до ведущего научного сотрудника. Его интерес, даже более – душевная привязанность к такой, как говорят иногда сейчас, "ненаучной" дисциплине, перерос в призвание. Он тонко чувствовал характер лингвистических изменений, языковой стиль и вкус эпохи и в своих работах старался избегать модных словечек и направлений. В 1971 г. Б.С. Шварцкопф защитил в ИРЯ кандидатскую диссертацию на тему "Оценки говорящими фактов речи. (Лингвистический аспект)". Но немного раньше, в 1950–1960-е гг., в научных изданиях появляются его заметки о словах и статьи: "Внимание: кавычки!" (1967), "О культуре деловой речи" (1968) и др., отражающие глубокое видение сущности языка не только в его содержательной части, но и на другом, более значимом и понятном для общества уровне, – бытовом, обиходном, общекультурном. Именно эта просветительская идея и была одной из центральных в его популярных трудах, где, не замыкаясь только на сугубо научных проблемах, он приоткрывал тайны родной речи, те тонкости и, казалось бы, "мелочи", мимо которых мы часто проходим. Он неоднократно выступал по этому поводу с интересными, насыщенными яркими примерами, живыми статьями: "Почему мы так говорим?" (1970), «Поставим точки над "Е"» (1971), "О социальных и эстетических оценках личных имен" (1976), "Свадебный генерал" (1983), "Три Спинозы в произведениях Чехова" (1983), "О концепции культуры речи в широком смысле в статьях В.В. Виноградова 1950–1960-х годов" (1985), "О типах значений крылатых слов современного русского литературного языка" (1988), "Оценки речи как объект лексикографирования" (1988) и др.

Одним из первых в научной печати он выступил с инициативой опубликования забытого труда С.И. Ожегова, в котором так ярко проявился талант его учителя (см. статью "О неизданном словаре к пьесам А.Н. Островского", 1973).

Особый интерес он испытывал к исследованию пунктуационной нормы и ее традиции в текстах разного типа, считая ее связующим звеном в цепи "лингвистических превращений знак – слово – система Выяснению специфики функционирования русской пунктуации и ее взаимодействия с другими факторами были посвящены многочисленные работы ученого 'Шахматный текст смысловая структура, его типы" (1990), "Русская пунктуационная система и вставные конструкции' (1994), «Сочетание "двоеточие.. тире" в пунктуационной системе» (1995), "О коммуникативной функции тире в стихах Надсона" (1996), "Об одной лакуне в регламентации драматического (прозаического) текста" (1996) и нек др Итоговой книгой в этой области стала монография "Современная русская пунктуация система и ее функционирование' (М , 1988) выпущенная в свет перед защитой докторской диссертации в ИРЯ в 1988 г

Большое значение Б С Шварцкопф придавал проблеме н о р м и р о в а н н о г о языка И понимал этот вопрос широко, с присущим ему языковым темпераментом В этой связи отметим его работы "Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языко знании (1970), "Морфологическая парадигматика фразеологической единицы и норма (1977) Морфологическая норма фразеологической единицы и вариантность' (1983), Словарь русской фразеологии и его нормативно-грамматический план" (1988), "Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи", "Колебание нормы· его сущность и статус в культурно речевом и теоретическом плане" (2001) В последние годы Б С Шварцкопф работал над новыми проектами Пунктуационная динамика современного русского письменного текста и Современная русская пунктуационная норма"

В последнее время он часто вспоминал ушедших из жизни легендарных филологов и их предшественников, учителей учителей" Он сохранил в своем домашнем архиве редкие фотографии былого – немеркнущие облики этих достойных ученых и близких ему людей – Д Н Ушакова, В В Виноградова, С И Ожегова, поколения 1940–1970-х гг , знаменитые капустники ИРЯ и многое другое Не случайно и в последнем труде он выступал во многом носителем и инициатором идеи воскрешения в памяти классиков филологической мысли Книга Словарь и культура русской речи К 100-летию со дня рождения С И Ожегова' (М , 2001) как раз появилась за несколько недель до его ухода Надо было видеть, как по-детски с какой в то же время гордостью и искренностью он радовался появлению долгожданного сборника, с каким трепетом преподносил многим эту сокровенную книгу, как готовил затем ее представление общественности заботился о том, чтобы авторы получили полагающиеся им экземпляры Как руководитель проекта он всегда был внимателен к его участникам, вникал во все тонкости издательской работы, подобрал ряд выразительных фотографий, украсивших сборник, – словом, *жил* этим последним своим творением и хотел увидеть его еще при жизни

Коллег и знакомых Б С Шварцкопф нередко удивлял редким ныне свойством он сохранял завидное постоянство – как в личной жизни, так и в выборе лингвистических 'штудий Его призвание – филология – гармонировало с вполне житейским хобби – собирание четок и шахматы Живой и всегда энергичный, полный замыслов и идей, он всегда щедро отдавал людям душевные качества и бережно относился к молодому поколению исследователей Он немало повидал на своем веку и война, и непростое мирное время, в котором он не потерялся, а жил своим ощущением, двигался неспешно, но уверенно по своему пути

От нас ушел ученый и просто обаятельный, любимый многими человек Помянем его добрым словом

О В Никитин Е Н Ширяев

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1 Рукописи представляются в двух экземплярах текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке или на компьютере через два интервала После подписи указываются сведения об авторе фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон

2 Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках

3 Библиография в журнале оформляется следующим образом.

3 1 Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так

– "Код работы" (фамилия и инициалы авторов, год выхода цитируемой работы), тире, название работы В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа «и др » или «et al »

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например

Успенский Б А 1994 – Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв) М , 1994

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например

Трубецкой Н С 1990 – Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ 1990 № 2, 3

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то 'кодом" является одно из двух

а) фамилия и инициалы редактора (или редакторов, допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу см выше) с указанием 'ред " (для других языков – ed , hrsg и т п) и год,

б) сокращенное название и год

В обоих последних случаях вслед за ключом после тире указывается полное название работы, а после точки – место запятая, год издания, например

Greenberg J ed – Universals of human language V 1 Method and theory Stanford (California), 1978

Universals 1978 – Universals of human language V 1 Method and theory Stanford (California) 1978

3 2 В тексте ссылки на литературу даются в квадратных скобках, фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно) Например [В В Иванов 1992 34], [W Jones 1890] Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа [W James 1890a] Под этим же кодом упоминается данная работа в списке литературы

3 3 Подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию

4 Непринятые рукописи не возвращаются

5 Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются

6 Авторам публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, который является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала, корректура авторам не высылается

7 Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена)

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания» не принимаются.

CONTENTS

O N Trubačev "The etymological dictionary of Slavonic languages' thirty years of publication T M Nikolayeva (Moscow) The 'hidden memory' of language an experience of study T I Vendina (Moscow) Word-formation as a source for the reconstruction of language consciousness, T A Isačenko (Moscow) The New Testament as translated by Epiphanius – the monk of the Chudov Monastery (end of the XVII century), M N Bogoljubov (St -Petersburg) The Avestan name of the falling stars, E F Volodarskaja (Moscow) Lexical loans as a reflection of Russian and English contacts, **From the history of science** V V Potapov (Moscow) Ruben Ivanovič Avanesov (on the occasion of the centenary of the scientist), **Reviews** V G Gak (Moscow) Languages of the world The Romance languages, D O Dobrovolskij (Moscow) *K Meng* Russisch-deutsche Sprachbiographien, I A Kalužskaja (Moscow) *O Mladenova* Grapes and wine in the Balkans An ethno-linguistic study, E N Vereščagin (Moscow) *G N Sklyarevsky* Dictionary of the orthodox church culture, Yu V Ščeka (Moscow) *Ch Schroeder* The Turkish nominal phrase in spoken discourse **Necrologies**

Технический редактор *О Н Никитина*

Сдано в набор 29 04 2002 Подписано к печати 11 06 2002 Формат бумаги 70 × 100 1/16
Офсетная печать Усл печ л 13 0 Усл кр -отт 18 9 тыс Уч изд л 15 5 Бум л 5 0
Тираж 1430 экз Зак 6374
Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители Российская академия наук, Отделение литературы и языка РАН

Адрес издателя 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции 121019 Москва, Г 19 ул Волхонка, 18/2 Институт русского языка
телефон 201 25 16
Отпечатано в ППП Типография 'Наука' 121099 Москва Шубинский пер 6